

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 28

№ 4(87) октябрь – декабрь 2022 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 28**

No. 4(87) october – december 2022

Has been published quarterly since 1995

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences,
philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук
(Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
Л. М. Прокументов, доктор юридических наук,
профессор (Томск, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
О. В. Арефьева — ответственный секретарь (Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
доцент (Алматы, Республика Казахстан)
В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
П. В. Векленко, доктор философских наук
(Санкт-Петербург, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)

- Л. В. Денисова**, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
А. М. Джоробекова, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)
В. Е. Квашиш, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
К. Ляковска, доктор юридических наук, профессор
юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. А. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук,
доцент (Симферополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турьшев, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора
(Омск, Россия)
В. В. Хилюта, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)

Вниманию подписчиков!

41927 — в Объединенном каталоге «Пресса России». Том I Газеты и журналы

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор *Д. С. Рудьман*

Редактирование *О. В. Арефьева*

Корректурa *Л. И. Замулло*

Компьютерная правка и верстка *П. В. Ярославцева*

Перевод *Ю. И. Алферова*

Авторы эмблем *Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц*

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 23.12.2022. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 9,0. Усл. печ. л. 9,8. Заказ № 314.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2022

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, PhD in Political Sciences
(Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
L. M. Prozumentov, Doctor of Law, Professor
(Tomsk, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
O. V. Arefeva — *assistant editor* (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Law, Associate Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Law, Associate Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
P. V. Veklenko, Doctor of Philosophy
(St. Petersburg, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A. S. Dezhnyov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk,
Russia)

- L. V. Denisova**, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Law, Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)
O. A. Diser, Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod, Russia)
V. Ye. Kvashis, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
K. Laskowska, Dr hab (Law), Professor
(Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
N. A. Martishina, Doctor of Philosophy, Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, PhD in Law, Associate Professor
(Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor
(Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
D. S. Rudman, PhD in Law, Associate Professor —
editor-in-chief (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, PhD in Law, Associate Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, Doctor of Law, Associate Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Philosophy, Professor
(Tomsk, Russia)

For Subscribers

41927 — in Unified catalogue «Russia's Press». Vol. I Newspapers and Journals

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*

Editing *O. V. Arefeva*

Proofreading *L. I. Zamullo*

Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*

Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Price not fixed.

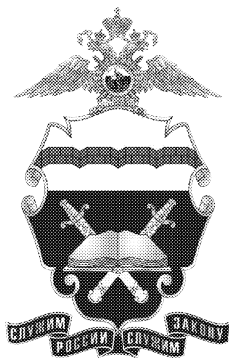
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 23.12.2022. Circulation 100 items. Published sheets 9,0. Printed sheets 9,8. Order No. 314.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2022

№ 4(87) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2022

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

От редакции

289 From the Editor

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

LEGAL SCIENCES

Противодействие правонарушающему поведению

Counteracting Delinquent Behaviour

- Пономарев С. Б.** Биологический фактор в этиологии преступного поведения. Трансформация научной парадигмы
- Нечепуренко А. А.** Освобождение от наказания в контексте института судимости
- Теохаров А. К., Бондарь А. Я.** Совершенствование деятельности уголовно-исполнительных инспекций: организационно-правовой аспект
- Кальницкий В. В., Куряхова Т. В.** Очередной шаг Конституционного Суда Российской Федерации в развитии института возвращения уголовного дела прокурору
- Миргородская Э. Р.** Предмет доказывания при рассмотрении судом в порядке ст. 125 УПК РФ жалоб на нарушение конституционных прав личности, допущенных на стадии возбуждения уголовного дела

- 290 Ponomarev S. B.** Biological Factor in Etiology of Criminal Behaviour. Transformation of the Scientific Paradigm
- 298 Nepochurenko A. A.** Exemption from Punishment in the context of the Institution of the Criminal Record
- 304 Teokharov A. K., Bondar' A. Ya.** Improvement of Penal Executive Inspections' Activity: Organizational Legal Aspect
- 310 Kalnitsky V. V., Kuryakhova T. V.** The Further Step of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Development of the Institution of Returning a Criminal Case to the Prosecutor
- 318 Mirgorodskaya E. R.** The Subject of Proof in Court's Consideration of Complaints about the Violation of the Constitutional Rights of an Individual Committed at the Stage of Initiating a Criminal Case (according to Article 125 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation)
- 322 Goman O. S., Surgutskov V. I.** The Role of Police in Control over Civil Weapon Trafficking under Modern Conditions

Гоман О. С., Сургутсков В. И. Роль полиции в осуществлении контроля за оборотом гражданского оружия в современных условиях

Право и государство

Law and State

- Варлакова Т. В.** Анализ языковых особенностей норм уголовного права
- Конюх Е. А.** Возникновение права собственности на земли сельскохозяйственного назначения при создании юридических лиц в процессе реорганизации совхозов и колхозов
- Дивольд В. Е.** Разработка методики оперативно-аналитического обеспечения розыскной деятельности
- Мушаков В. Е.** Совершенствование российского законодательства о цифровых правах человека: публично-правовой аспект

- 327 Varlakova T. V.** Analysis of Linguistic Peculiarities of the Norms of Criminal Law
- 334 Konyukh E. A.** The Emergence of Property Right in Farmland during the Formation of Legal Entities in the Process of Reorganization of State Farms and Collective Farms
- 340 Divold V. E.** Development of the Method of Operative Analytical Provision of Crime Detection Activity
- 346 Mushakov V. E.** Improvement of the Russian Legislation on Digital Rights of Man: the Aspect of Public Law

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Философский и методологический инструментарий

Philosophical and Methodological Toolkit

Анисин А. Л., Денисова Л. В. Методологический стандарт в методологическом арсенале науки

352 Anisin A. L., Denisova L. V. Methodological Standard in the Methodological Toolkit for Science

Религия и общество

Religion and Society

Морозов А. А. Православие в борьбе за традиционные ценности

360 Morozov A. A. Orthodoxy in Fight for Traditional Values

Информация для авторов

366 Information for Authors

Сведения об авторах

368 Annotated List of Authors (in Russian)

От редакции

Уважаемые коллеги!

Вот и подходит к завершению 2022 год, а значит, настало время подводить итоги. Уходящий год был ознаменован рядом важных для журнала событий, которые лишней раз подтверждают, что мы идем в правильном направлении.

В течение большей части года активно пересматривался Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (далее — Перечень), в связи с утверждением новой редакции номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. Вследствие этого Департаментом аттестации научных и научно-педагогических работников Минобрнауки России было предложено редакциям изданий обратиться с заявлением о включении изданий в Перечень по новой номенклатуре научных специальностей и пройти соответствующую процедуру перерегистрации. Нам удалось успешно справиться с поставленной задачей, а значит, мы и дальше будем принимать к рассмотрению рукописи статей, соответствующие следующим научным специальностям (отраслям науки): 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки); 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки); 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки); 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки); 5.7.9. Философия религии и религиозоведение (философские науки).

Хочу обратить ваше внимание на то, что в связи с укрупнением научных специальностей по юридическим наукам у редакции журнала появилась возможность рассматривать рукописи статей по новым для нас научным направлениям. Так, в соответствии с рекомендацией Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации от 10 декабря 2021 г. № 32/1-НС «О сопряжении научных специальностей номенклатуры, утвержденной приказом Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118, научных специальностей номенклатуры, утвержденной приказом Минобрнауки России от 23 октября 2017 г. № 1027» научная специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки значительно укрупнилась. Помимо привычных конституционного и муниципального права, конститу-

ционного судебного процесса, судебной деятельности, прокурорской деятельности, правозащитной и правоохранительной деятельности, административного права и административного процесса, в рассматриваемую специальность также входят новые для журнала научные направления: финансовое, налоговое и бюджетное право; трудовое право и право социального обеспечения (в области публично-правового регулирования в сфере труда и занятости. Правовое регулирование социального обеспечения и социальной защиты); земельное право, природоресурсное право, экологическое право, аграрное право (в области публично-правового регулирования охраны окружающей среды, природопользования, земельных отношений и градостроительства); корпоративное право, конкурентное право, энергетическое право (в области публично-правового регулирования в экономической сфере. Развитие и защита конкуренции. Техническое регулирование); наконец, информационное право. Таким образом, научные горизонты расширены и возможностей для опубликования своих трудов в нашем журнале у специалистов юридического профиля стало больше. Учитывая это обстоятельство и не откладывая в долгий ящик, в четвертом номере текущего года представляем работу кандидата юридических наук, доцента Е. А. Конюха, который рассматривает вопросы возникновения права собственности на земли сельскохозяйственного назначения при создании юридических лиц в процессе реорганизации совхозов и колхозов.

Еще одно важное событие состоялось этим летом. В отношении нашего журнала Управлением Роскомнадзора по Омской области проведено мероприятие систематического наблюдения, по итогам которого нарушений не выявлено.

В связи со сказанным хочу выразить слова благодарности за плодотворное сотрудничество нашим авторам и рецензентам, членам редакционного совета и редакционной коллегии, читателям. Без вашего труда, внимания и поддержки ничего бы не получилось. Предлагаю и дальше общими усилиями продвигать наш «Научный вестник Омской академии МВД России», делать его интересным, отвечающим современным запросам научной общественности.

Поздравляю вас с наступающим Новым годом и желаю крепкого здоровья, удачи и благополучия, дальнейших творческих успехов на пути развития отечественной науки!

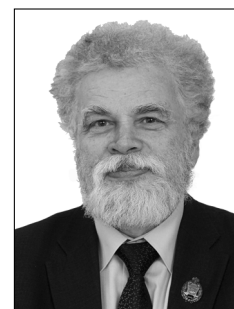
С уважением, главный редактор журнала Д. С. Рудман

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРАВОНАРУШАЮЩЕМУ ПОВЕДЕНИЮ COUNTERACTING DELINQUENT BEHAVIOUR

УДК 343.811:130.2 © С. Б. Пономарев, 2022
DOI: 10.24412/1999-625X-2022-487-290-297

Биологический фактор в этиологии преступного поведения. Трансформация научной парадигмы

С. Б. Пономарев, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Москва)
✉ docmedsb@mail.ru

Проблема оценки значения биологического фактора в этиологии преступного поведения не теряет своей актуальности. Современные исследования в области биологии преступника ведутся в психологическом, физиологическом, генетическом, нейробиологическом, биохимическом, дерматоглифическом направлениях. Негативная роль позитивистской школы криминологии заключается в том, что ее положения легли в основу расовой теории, социального дарвинизма, идеологии фашизма, использовались для оправдания геноцида. Обзор исследований показывает, что патогномичного биологического маркера преступности не существует. Большинство работ характеризуется недоучетом таких показателей, как чувствительность и специфичность. Перспективными являются комплексный подход к проблеме, применение методов математического моделирования в многофакторной оценке преступного поведения с учетом биологической составляющей.

Ключевые слова: преступное поведение; биологический фактор; криминальная антропология; расовая теория; генетика; физиология; нейробиология; нейроандрогенная теория; ген преступника.

Biological Factor in Etiology of Criminal Behaviour. Transformation of the Scientific Paradigm

S. B. Ponomarev, Research Institute of the Russian Federal Penitentiary Service (Moscow)
✉ docmedsb@mail.ru

The problem of estimating the meaning of a biological factor in etiology of criminal behavior is still relevant. Modern researches in the field of biology of a criminal are carried out in the psychological, physiological, genetic, neurobiological, biochemical, dermatoglyphics areas. The negative role of the positivist school of criminology lies in the fact that its provisions formed the basis for the racial theory, social Darwinism, ideology of fascism and were used to justify genocide. A review of studies proves that there is no pathognomonic biological marker of criminality. The majority of works is characterized by underestimation of such indicators as sensitivity and specificity. An integrated approach to the problem and the use of mathematical modeling methods in the multifactorial assessment of criminal behavior with regard to the biological component have good prospects.

Keywords: criminal behaviour; biological factor; criminal anthropology; racial theory; genetics; physiology; neurobiology; neuroandrogenic theory; criminal gene.

Для XIX века, по праву называемого «веком естествознания» [1], характерны значительная трансформация традиционной системы человеческих ценностей, изменение картины мира. Промышленная революция, стремительное развитие науки и техники нанесли удар по культурной, духовной и социальной

сферам человеческой жизни, изменили существующую веками систему моральных принципов. Так, идея творения человека по образу Божьему заменяется в XIX в. дарвиновской теорией происхождения от обезьяны, высокие чувства, любовь и творчество начинают объясняться незамысловатой фрейдовской схемой «ид-эго-суперэго», исторические реалии укладываются в прокрустово ложе марксовской формулы прибавочной стоимости и отношений «базис–надстройка». Всплеск вульгарного материализма проявлялся как неизбежное следствие овладения человеком новыми технологиями и знаниями. В условиях агрессивно развивающегося капитализма происходило доминирование абстрактно-рационального самосознания, утилитарно-эгоистического поведения, отказ от императивности этических норм.

Именно в таких исторических реалиях возникает и формируется позитивистская школа криминологии, призванная, по мнению ее апологетов, дать простые ответы на сложные вопросы о сущности и причинах преступности. До появления данной школы считалось, что любому индивиду изначально присущи как свобода воли, так и разум, в связи с чем считалось, что «субъекты преступления различаются только направлением воли» [2]. Среди философов существовало два взгляда на феномен свободы воли: 1) детерминизм, предполагающий зависимость воли от внешних и внутренних причин; 2) индетерминизм, оценивающий волю как явление, не зависящее ни от каких факторов [3].

Совершенно очевидным является тот факт, что феномен свободы воли — это не только предмет уголовно-правового или философского рассмотрения, независимо от того, какой точки зрения (детерминизм, индетерминизм) придерживаться при его изучении. Это также и проблема биологии, точнее, психофизиологии, так как психологические особенности личности связаны с повседневной деятельностью (в том числе преступной) человека. Данное положение представляло краеугольный камень, лежащий в основании теоретической базы криминальной антропологии. Указанная наука на заре своего существования видела причины преступного поведения исключительно в биологических абберациях, дурной наследственности и рассматривала любое преступное деяние как естественное явление, обусловленное биологическими особенностями человека, которые не зависят (или почти не зависят) от человеческой воли и социальных условий.

Считается, что основоположником криминальной антропологии является итальянский врач Ч. Ломброзо, основные идеи которого изложены на страницах книги «Преступный человек» [4].

Однако, как и у каждого большого научного направления, у Ч. Ломброзо имелись многочисленные

предшественники. Так, основатель физиогномики (метода определения особенностей личности по выражению лица) И. К. Лаватер (1741–1801) считал, что «биологическим» преступникам свойственны вялые подбородки, бегающие глаза, «задранные» носы. Френологи Ф. Й. Галль (1758–1828) и Й. К. Шпурцхейм (1776–1832) связывали криминальное поведение с особенностями строения черепа преступников. О существовании психически больных врожденных преступников сообщал французский психиатр Б. О. Морель (1809–1973) [2].

Однако впервые систематизированную и эмпирически аргументированную новую систему взглядов на сущность преступного поведения предложил Ч. Ломброзо. На основании анализа большого числа данных о морфологических признаках (Ч. Ломброзо изучил антропометрические характеристики около 400 итальянских заключенных) им были выделены следующие виды врожденных преступников-мужчин: убийца, вор, насильник, жулик.

Ч. Ломброзо считал, что врожденных преступников можно отличить по таким внешним признакам («стигматам преступности»): специфичная форма ушной раковины, выступающая нижняя челюсть, густые брови, развитые надбровные дуги, асимметричное лицо, скошенный череп, косоглазие, длинные руки, лишние пальцы, дефекты грудной клетки, гирсутизм и другие характеристики. Например, сочетание таких признаков, как тонкие губы, развитые скулы, выступающая нижняя челюсть, удлинённые зубы, орлиный нос указывали, по его мнению, на прирожденного убийцу, а прирожденного вора характеризовали бегающие глаза, черные волосы и редкая борода.

Описанные выше характеристики, утверждал Ч. Ломброзо, свидетельствовали о том, что преступник по своей сущности есть недоэволюционированное существо, стоящее в иерархии биологического и исторического развития ближе к зверю, нежели к представителю вида *Homo sapiens*.

Кроме приведенной классификации врожденных преступников, Ч. Ломброзо выделял также дегенератов (лиц, совершивших преступления в силу умственной неразвитости), криминалоидов («скрытых» преступников, трудноотличимых от законопослушных людей), а также — преступников страсти (людей, неспособных контролировать свои эмоции). Среди женщин, наряду с врожденными преступницами, Ч. Ломброзо выделял врожденных проституток и врожденных самоубийц.

Приверженцы ломброзианства распространили свои взгляды и на политическую жизнь. Так, согласно их мнению для нормального человека (не преступника) свойственны консерватизм, чувство неприятия нового (мизонеизм). Для политического же

врожденного преступника характерен филонизм — безотчетная тяга к переменам [5].

Причиной описанных явлений Ч. Ломброзо считал якобы обнаруженные им корреляции между физическим и психическим статусом индивида и его склонностью к совершению преступлений. Причиной преступности, полагал Ч. Ломброзо, является то, что преступники относятся к особой биологической породе, которой он дал название *homo delinquent* («человек преступный»). Эти люди в силу имеющихся у них врожденных атавистических характеристик не поддаются, по мнению Ч. Ломброзо и его последователей, исправлению и перевоспитанию. Прирожденные преступники, как хищные звери, биологически настроены на совершение преступлений. И вне зависимости от того, были они замешаны в криминальной деятельности или нет, врожденные преступники должны быть изолированы от общества либо уничтожены.

Известный российский юрист А. Ф. Кони считал, что Ч. Ломброзо «дошел до низведения карательной деятельности государства, до охоты за человеком-зверем» [6, с. 234].

Логично предположить, что должна существовать некая граница, за превышение которой врожденных преступников следовало, по мысли приверженцев рассматриваемой теории, лишать жизни или определять на пожизненное заключение. Методика определения этой границы также разрабатывалась Ч. Ломброзо. Им, в частности, была предложена специальная математическая формула, преобразованная впоследствии в широко используемый в современной криминологии коэффициент пораженности преступностью [7].

Идеи, высказанные Ч. Ломброзо, нашли значительную поддержку среди научного мира XIX в. Это связано с тем, что новая, внешне эффектная и упорядоченная система научных взглядов, эмпирически исследуя преступление, позволяла дать импульс развития уголовно-правовой науке, переводя ее в область естественных наук. Теория Ч. Ломброзо предоставляла простые ответы на сложные вопросы о сущности преступности и путях борьбы с ней. Заменяя существующие со времен Древнего Рима принципы уголовного права на систему формального распознавания преступников по антропометрическим признакам, Ч. Ломброзо не просто внедрял элементы наукообразия в уголовную политику государства, а, по существу, разрушал ее, заменяя проблему определения виновности лица, совершившего преступное деяние, вопросом его социальной вредности.

Среди последователей теории Ч. Ломброзо можно назвать таких ученых, как Р. Гарофало, Э. Ферри, П. Н. Тарновскую, Л. М. Моро-Кристоф и др. Каждый из них внес свой вклад в развивающуюся новую

науку — криминальную антропологию. Расширяя теорию Ч. Ломброзо, его ученик Э. Ферри выдвинул тезис о многообразии «факторов преступности», среди которых были не только анатомические и психофизиологические характеристики, но географические, религиозные, климатические и прочие параметры.

Необходимо отметить, что все исследования в области криминальной антропологии характеризовались в XIX в. низким уровнем математизации, нарушением условий проведения экспериментов, вольным обращением с фактическим материалом, скудным статистическим аппаратом и несоответствием теоретической базы реальному положению вещей — оценке роли социального фактора, психологических особенностей и условий совершения преступления в этиологии криминального поведения. Все перечисленное привело к краху научной школы Ч. Ломброзо (к чести ученого, он пересмотрел свои взгляды и в конце жизни стал утверждать, что преступная внешность не является облигатным условием совершения преступления, она свидетельствует лишь о склонности к противоправным поступкам).

Несмотря на то что в целом работы криминальных антропологов внесли значительный положительный вклад в изучение особенностей преступного мира, следует отметить, что научная парадигма учения Ч. Ломброзо стала благодатной почвой для появления евгеники, нацистских теорий о высшей и низшей расах, социального дарвинизма, идеологии фашизма.

Уже упомянутый выше Э. Ферри был автором принятого фашистским правительством Муссолини Уголовного кодекса, основанного на идеях криминальной антропологии. В гитлеровской Германии взгляды ламброзианцев вступили во взаимодействие с расовой теорией, выделявшей две ветви вида *homo sapiens*: высшую (арийцы) и низшую (евреи, цыгане, славяне, негры, азиаты). Именно в среде представителей низшей ветви, согласно этой теории, преобладают генотипы, кодирующие склонность к преступлениям. Была также разработана концепция так называемого опасного состояния личности, согласно которой природные преступники, независимо от того, совершили они криминальное действие или нет, должны быть уничтожены либо стерилизованы.

Результатом реализации положений учения о неполноценных народах и нациях-паразитах стало физическое уничтожение более 6 млн евреев, 220 тыс. цыган Европы, более 25 млн славян.

В США положения расистской теории были применены в XX в. в отношении негритянского населения. Утверждалось, что негры преступны по своей природе [8]. Совокупное влияние нищеты, изоляции и жизненных невзгод на афроамериканцев проявля-

лось в их высокой вовлеченности в криминальную деятельность [9]. Поэтому рядом ученых при исследованиях особенностей негроидной расы делаются выводы о связи их расовых характеристик с высоким уровнем преступности [10].

Продолжая идеи школы Ч. Ломброзо, гарвардский антрополог Э. Хутон, исследовав в XX в. более 10 тыс. заключенных, пришел к выводу, что преступники стоят на низкой стадии развития и «элиминировать преступность можно только путем физического истребления умственно и морально отсталых или путем полной их сегрегации в социально асептической среде» [цит. по: 8, с. 82].

В результате, основываясь на положениях теории Ч. Ломброзо, в 27 штатах США в начале XX в. узаконили практику насильственной стерилизации (пострадали около 60 тыс. человек), расовой сегрегации и ограничений на право вступления в смешанные браки (которое действовало в ряде штатов до 1967 г.) [11]. Сходная картина наблюдалась в Европе, где в Швеции, Финляндии, Норвегии, Швейцарии также действовали программы принудительной стерилизации «неполноценных», а также на севере африканского континента, где существовал режим апартеида.

Используя положения ломброзианства евгеника, предполагающая «очищение» человечества от асоциальных элементов, была официальной стратегией в 30-х гг. XX в. в фашистской Германии, Великобритании, Швеции, упомянутых штатах США.

Американским исследователем У. Шелдоном в 40-е гг. XX в. была разработана система определения преступника по телесным характеристикам (так называемая система социотипов) [12]. У. Шелдон доказывал, что мезоморфы (атлетически сложенные люди) отличаются склонностью к насильственным преступлениям. Из этого наблюдения У. Шелдон сделал далеко идущее заключение о том, что указанный признак может быть использован в качестве маркера при определении приверженности к совершению противоправных действий.

Идеи У. Шелдона в 80-х гг. XX в. нашли продолжение в исследованиях американских криминологов К. Вильсона и Р. Хернштейна, которые, развивая положения биосоциальной теории преступности, доказывали, что склонность к криминальному поведению обусловлена большим количеством разнонаправленных факторов, одним из которых является наличие у преступника физической силы [13].

Новый импульс развитию криминальной антропологии дали все возрастающие возможности исследования генома человека в XX в. Наследственность, по мнению представителей ломброзианской школы, это тот ключ, который «открывает все криминологические двери» [14, с. 25]. Поэтому на новые открытия в области

генетики возлагались большие надежды в среде ученых, исследующих биологию преступников.

Первые исследования в этом направлении касались однояйцевых близнецов [15]. Так, было установлено, что однояйцевые (монозиготные) близнецы совершали преступления более чем в 60% случаев, а разнояйцевые — только в 25%. Был проведен анализ генеалогического древа лиц, известных своей противоправной деятельностью. Хрестоматийным примером здесь является исследование потомков жившего в Англии в XVIII в. Патрика Хулигана (отсюда этимология русского слова «хулиган»), известных своей криминальной активностью. В проводимом американскими криминологами в течение нескольких десятилетий лонгитудинальном Кембриджском исследовании была убедительно доказана значимость родственных связей в возникновении преступного поведения [16].

В целом учеными были получены данные, подтверждающие, что генетический аппарат человека предопределяет вероятность антисоциального поведения человека и его агрессивной реакции [17; 18]. Анализ данных более 4000 человек, проведенный американской исследовательницей Т. Моффит и ее соавторами, позволил сделать вывод, что генетический фактор, связанный с преступным поведением, оказывает на человека большее влияние, чем окружающая среда [19; 20].

В частности, было обследовано несколько семей, отличающихся тем, что в них из поколения в поколение мужчины были склонны к насилию. В результате установлено, что в этих семьях передается по наследству мутированный ген, ответственный за синтез моноаминоксидазы А (МАОА). Данный ген локализуется в X-хромосоме. Его измененная активность снижает выработку гормона серотонина, и это ведет к неконтролируемому импульсивному поведению [21]. Генетики назвали этот локус ДНК «геном преступника» (другие названия: «ген воина», «ген агрессии», «ген лидера»). Примечательно также, что у женщин действие указанного гена сглажено за счет компенсаторной активности парной X-хромосомы.

В ходе исследований было изучено несколько тысяч заключенных, отбывающих наказание в американских тюрьмах. «Ген преступника» был найден у большинства из них. Причем специалисты установили, что его носители чаще склонны к жестокости, особенно с применением оружия, и занимают «командные должности» в уличных бандах [22; 23].

Эволюционно «ген преступника» аккумуляровался у народов, ведущих воинственный и экстремальный образ жизни. Например, его носителями являются 59% чернокожих американцев, 56% маори (племя, практиковавшее в прошлом каннибализм) и только 34% белых американцев [24].

Носительство «гена преступника» проявляется в повседневной жизни человека. Такие люди остаются хладнокровными в стрессовой или экстремальной ситуации, им нравятся игры со смертью, агрессивные и авантюрные действия, экстремальный спорт и тому подобное.

Интересные данные были получены также в отношении гена CDH13. От его активности зависят межнейронные связи в мозге человека. Мутация CDH13 провоцирует развитие синдрома гиперактивности с нарушением внимания. При этом сочетание мутации гена CDH13 и мутации гена MAOA повышает вероятность совершения убийства.

В 60-е гг. XX в. генетики обнаружили существование в человеческой популяции мужчин с двойной Y-хромосомой. Из этого факта было сделано предположение, что такие мужчины — это так называемые «супер-альфа-самцы», для которых характерна повышенная агрессивность и, следовательно, высокая тяга к совершению насильственных преступлений. Но при дальнейших исследованиях выяснилось, что процент таких мужчин в среде лиц, отбывающих наказание, крайне мал (около 1,5%) и преступления, совершенные ими, как правило, не связаны с насилием.

Большие надежды сторонники криминальной антропологии возлагали на изучение умственных способностей. Согласно теоретическим выкладкам школы Ч. Ломброзо интеллект преступников должен быть ниже среднего интеллекта в популяции. Для оценки уровня интеллекта использовался (и до сих пор широко используется) разработанный немецким ученым Г. Ю. Айзенком индекс IQ, в технологии расчета которого был применен математический метод факторного анализа, учитывающий логический, образный, математический и вербальный факторы. В своих работах Г. Ю. Айзенк утверждал, что IQ у белых выше, чем у чернокожих, у мужчин — выше, чем у женщин, у законопослушных граждан — выше, чем у преступников. Дальнейшие исследования, проведенные другими учеными, показали, что уровень этого индекса у преступников, хоть и был несколько ниже, в среднем статистически значимо не отличался от уровня IQ законопослушного населения.

В начале XXI в. была сделана попытка связать повышенную тягу к агрессии с уровнем мужского гормона — тестостерона. Теоретической базой исследований при этом была так называемая эволюционная нейроандрогенная теория, разработанная американским ученым Л. Эллисом [25; 26]. Согласно этой теории причины преступности коренятся в природе мужчины, вынужденного бороться с соперниками за обладание женщиной, этим исследователи объясняли рост преступности в период полового созревания. Большое внимание уделялось генетическому фактору, детерминирующему содержание тестостерона

в организме: при обследовании более 600 заключенных было выяснено, что уровень тестостерона достоверно коррелировал с тяжестью преступления и количеством нарушений тюремных правил [27; 28].

Согласно эволюционной нейроандрогенной теории механизм действия тестостерона связан с возникновением изменений в лимбической системе мозга, способствующих нарушению контроля поведения и приводящих к изменению латерализации мозга, что провоцирует сдвиг активности в правое полушарие, меняя мышление и моральные установки.

В целом положение о том, что вовлеченность в криминальную деятельность связана с состоянием психики человека (которая на макроуровне обусловлена изменениями структур головного мозга), является общепризнанным. Так, по оценкам ряда исследователей, до 75% всех преступников страдают личностными расстройствами [29], имеющими как биологическую, так и социальную основу [30]. Психика же во многом определяется функционированием таких отделов головного мозга, как орбитофронтальная кора, островковая кора, миндалевидное тело и др.

Орбитофронтальная кора отвечает за социализацию, мораль и склонность к агрессии. Ее незрелость или поражение вследствие травмы головного мозга приводят к нарушениям социальных взаимодействий, сквернословию, гиперсексуальности, отсутствию эмпатии, склонности к употреблению алкоголя и наркотиков, снижению интеллекта. Указанное натолкнуло исследователей на мысль о том, что поражение перечисленных выше отделов головного мозга может свидетельствовать о склонности человека к криминальному поведению [31]. Поэтому для анализа уровня активности орбитофронтальной коры и оценки связи между моральным статусом испытуемого и нейрональной функцией в настоящее время практикуют магнитно-резонансную томографию головного мозга, в ходе которой испытуемому рассказывают скабрзные анекдоты или показывают аморальные изображения. По динамическим изменениям активности орбитофронтальной коры в ходе такого теста судят о моральном облике испытуемого и его склонности к антиобщественным действиям. Аналогичным образом можно исследовать префронтальную кору, формирующую как альтруистическое, так и психопатологическое поведение; миндалевидное тело, отвечающее за формирование эмоций, чувства страха, память и волю; островковую долю, участвующую в формировании сознания и эмоций. Проведенные видным отечественным ученым Б. А. Спасенниковым и его соратниками исследования показали связь криминального поведения с различными психическими расстройствами, обусловленными патологией отделов головного мозга: прецентральной коры, миндалины и гиппокампа [32; 33].

Другое интересное исследование в области нейробиологии касается эффекта Даннига-Крюгера, который заключается в том, что преступники, как правило, обладают завышенным самоощущением и проявляют более высокую уверенность в собственных способностях, чем остальные люди. Указанный эффект часто обусловлен врожденной или приобретенной аномалией миндалевидного тела, орбитофронтальной зоны коры лобной доли, островковой коры, которые также фиксируются при проведении магнитно-резонансной томографии [34].

Нужно сказать, что одним из результатов изучения головного мозга в западном мире стало использование лоботомии в целях «излечения» преступников от их пристрастия к совершению преступлений. Так, в США было произведено несколько десятков тысяч подобных операций, следствием которых были такие явления, как потеря воли, снижение интеллекта, нарушение координации и речи, недержание мочи, паралич и др. В настоящее время лоботомия запрещена повсеместно как антигуманный метод лечения.

Еще одна попытка выявить физиологический параметр, указывающий на склонность индивида к совершению преступлений, была связана с изучением сердечного ритма. Так, в 70-х гг. XX в. американскими учеными было установлено, что сердца преступников бьются медленнее, чем у обычных людей. Правда, в дальнейшем было выяснено, что брадикардия — удел многих, чья работа связана с риском: разведчиков, спортсменов, парашютистов, т. е. лиц, заведомо не имеющих отношения к преступному миру. Вместе с тем более углубленные исследования в этом направлении, проводимые в настоящее время, свидетельствуют о том, что такие сложные методы, как кардиоинтервалография и электроэнцефалография могут дать достоверную информацию о склонности индивида к немотивированной агрессии [35].

Из других попыток найти биологические маркеры преступности стоит упомянуть исследования в области дерматоглифики. Сторонники этого научного направления считают, что рисунок узоров на коже пальцев рук и стоп может свидетельствовать о генетических отклонениях. При анализе отпечатков пальцев серийных убийц было выяснено, что их дерматоглифическая картина говорит о генетически запрограммированном девиантном поведении. В результате были сделаны выводы о том, что активность сексуальных маньяков может быть связана с наличием у них ненормального врожденного конституционального типа организации центральной нервной системы, о котором косвенно свидетельствуют дерматоглифические признаки [36]. Эти выводы в настоящее время признаются спорными, тем более что в 2016 г. Комиссия по борьбе с лженаукой РАН

признала дерматоглифику лженаукой, наряду с хиромантией, астрологией, алхимией, информатикой, парапсихологией, яфетидологией, нумерологией и проч.

Как видим из приведенного краткого обзора, несмотря на многообразие проводимых исследований и богатую историю вопроса, до сих пор не удалось выявить точные биологические факторы (генетические, биохимические, гормональные, антропометрические и другие), по сочетанию которых можно было бы с уверенностью идентифицировать врожденного преступника (если такой вообще существует).

На наш взгляд, общим камнем преткновения для многих перечисленных выше научных работ было недостаточное математическое обеспечение исследований, в частности, недооценка таких статистических показателей, как чувствительность и специфичность принимаемых во внимание факторов.

Чувствительность фактора говорит о статистической вероятности того, что исследуемый индивид относится к категории преступников. Специфичность отражает статистическую вероятность того, что неправомерник действительно не является преступником.

Формулы, по которым высчитываются чувствительность и специфичность, просты:

$$\text{чувствительность} = \frac{\text{ИП}}{\text{ИП} + \text{ЛО}} \cdot 100,$$

где ИП — число истинно-положительных результатов (подтверждающих нулевую гипотезу); ЛО — число ложно-отрицательных результатов (ошибки первого рода);

$$\text{специфичность} = \frac{\text{ИО}}{\text{ИО} + \text{ЛП}} \cdot 100,$$

где ИО — число истинно-отрицательных результатов (подтверждающих альтернативную гипотезу); ЛО — число ложно-положительных результатов (ошибки второго рода).

Приемлемым представляется результат, при котором значения обоих этих показателей колеблются в районе 90% для контрольной группы наблюдений. Поэтому даже беглого знакомства с проблемой достаточно для того, чтобы утверждать, что чисто по биологическим признакам невозможно получить высокие цифры указанных показателей для исследуемых маркеров преступности. Выходом является оценка нескольких взятых в комплексе параметров. Например, как это было сделано в упомянутых выше исследованиях оценки сочетания мутированных генов MAOA и CDH13. Но и этого недостаточно. Для получения приемлемого результата необходи-

мо учитывать не только биологические, но и другие (социальные, анамнестические, психологические) показатели [15]. Известно, что феномен человека заключается в том, что он — биосоциальное существо, принадлежащее двум мирам: живой природе и социальной организации. От этого следует отталкиваться в исследованиях, посвященных роли биологических факторов в этиологии преступного поведения [37].

В качестве примера к сказанному можно привести результаты, полученные при изучении мутированного гена MAOA. Так, было выявлено, что при сочетании следующих факторов: 1) травмы головного мозга; 2) наличия в геноме человека «гена преступника»; 3) психологического дистресса; 4) пребывания в негативной социальной среде — у человека может возникнуть стойкая приверженность к криминальной модели поведения [18; 38].

Целесообразно сделать заключение о роли в формировании вовлеченности в криминальную деятельность сочетания эндогенных (физиологические, генетические, психологические особенности) и экзогенных (полученные травмы, особенности социальной среды, перенесенные болезни) механизмов, о чем неоднократно писали исследователи [15; 39].

Исходя из сказанного, можно констатировать, что нельзя не учитывать идеи уголовной антрополо-

гии. Начиная с примитивного анализа внешних признаков преступника, пройдя через гонения и трагические ошибки, учение о биологии криминального поведения получило новый импульс в связи с развитием генетики и физиологии (в частности, нейрофизиологии), обладающих в наше время высокотехнологичными методами исследования организма. Вместе с тем новейшие данные свидетельствуют о том, что, основываясь исключительно на информации о биологических особенностях человека, невозможно предугадать ни его дальнейший жизненный путь, ни приверженность преступному поведению. Все говорит о том, что патогномичных биологических маркеров преступного поведения не существует. В то же время включение информации о биологических особенностях в комплексный анализ других показателей (социальных, психологических и проч. [40]) может способствовать созданию эффективной модели криминального поведения. При этом представляется верным использовать современные методы математического моделирования, например, факторного и кластерного анализа, искусственной нейронной сети [41].

Именно таким видится дальнейший перспективный путь исследований роли биологических факторов в формировании преступного поведения индивида.

Список литературы

1. Осипов В. И. Мировоззрение естествоиспытателей XIX века и философия. Архангельск, 2004.
2. Молчанов Б. А., Анциферова Ю. С. Антропологическая школа уголовного права в системе научных направлений XIX – начала XX вв. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № 3.
3. Еникеев А. А., Станишевский А. И. Свобода воли в философии и юриспруденции: анализ, сравнение, проблематика // Философия права. 2018. № 2(85).
4. Ломброзо Ч. Преступный человек. М., 2022.
5. Юдин Т. И. Очерки истории отечественной психиатрии. М., 1951.
6. Кони А. Ф. Избранные труды и речи. Тула, 2000.
7. Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение / под ред. К. К. Горяинова. М., 2008.
8. Шур Э. М. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке / пер. с англ. Ю. А. Неподаева. М., 1977.
9. Hunt R. M., Rainwater L., Yancy W. The Moynihan Report and the Politics of Controversy. Cambridge, 1967.
10. Rushton J. P. Race, Evolution, and Behavior. The Charles Darwin Research Institute, 1997.
11. Black E. War against the weak: eugenics and America's campaign to create a master race. Washington, 2012.
12. Washburn S. Review of W. H. Sheldon. Varieties of Delinquent Youth // The American Anthropologist. 1951. Vol. 53.
13. Wilson J. Q., Herrnstein R. Crime and Human Nature: The Definitive Study of the Causes of Crime. Simon & Schuster, 1985.
14. Антонян Ю. М. Тяжкий путь познания преступника // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7.
15. Щербаков Г. В., Лаврентьева И. В. Биологическое, личностное и социальное в происхождении преступности // Прикладная юридическая психология. 2021. № 2(55).
16. Piquero A. R., Farrington D. P., Blumstein A. Key issues in criminal career research: New analyses of the Cambridge Study in Delinquent Development. Cambridge University Press, 2007.

17. Brunner H. G., Nelenx O., Breakefield H., Ropersand B., Van Oost A. Abnormal behavior associated with a point mutation in the structural gene for monoamine oxidase A // Science. 1993. Vol. 262. Issue 5133.
18. Fallon J. The Psychopath Inside. A neuroscientist's personal journey into the dark side of the brain. University of California, 2014.
19. Moffitt T. E. The new look of behavioral genetics in developmental psychopathology: Gene-environment interplay in antisocial behaviors // Psychol Bull. 2005. № 131(4).
20. Moffitt T. E. Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: a developmental taxonomy // Psychol. Rev. 1993. № 100(4).
21. Stanford M. S., Houston R. J., Villemarette-Pittman N. R., Greve K. W. Premeditated aggression: clinical assessment and cognitive psychophysiology // Personality and Individual Differences. 2003. Vol. 34, No. 5.
22. Vaske J., Wright J. P., Boisvert D., Beaver K. M. Gender, genetic risk, and criminal behavior // Psychiatry Research. 2011. № 185.
23. Schwartz J. A., Beaver K. M. Evidence of a gene x environment interaction between perceived prejudice and MAOA genotype in the prediction of criminal arrests // Journal of Criminal Justice. 2011. № 39.
24. Sabol S. Z., Hu S., Hamer D. A functional polymorphism in the monoamine oxidase A gene promoter // Hum Genet. 1998. № 103(3).
25. Ellis L. A Theory Explaining Biological Correlates of Criminality // European Journal of Criminology. 2005. № 2(3).
26. Ellis L., Hoskin A. W. The evolutionary neuroandrogenic theory of criminal behavior expanded // Aggression and Violent Behavior. 2005. Vol. 24.
27. Dabbs J. M., Carr T. S., Frady R. L., Riad J. K. Testosterone, crime, and misbehavior among 692 male prison inmates // Personality and Individual Differences. 1995. № 18(5).
28. Hoskin A. W., Ellis L. Fetal Testosterone and Criminality: Test of Evolutionary Neuroandrogenic Theory // Criminology. 2015. № 1(53).
29. Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии / под ред. В. Ю. Большакова, В. Н. Дружина; пер. с англ. СПб., 2001.
30. Жигарев Е. С. Философская антропология: криминологический аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4.
31. Raine A., Buchsbaum M., La Casse L. Brain abnormalities in murderers indicated by positron emission tomography // Biological Psychiatry. 1997. Vol. 42. № 6.
32. Спасенников Б. А. Прецентральная кора, миндалина, гиппокамп и преступное поведение: научная гипотеза // NovaInfo. 2015. № 36.
33. Тихомиров А. Н., Спасенников Б. А. Криминальное поведение и синдром нетерпения // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3(90).
34. Спасенников Б. А. Эффект Даннинга-Крюгера и криминальное поведение // NovaInfo. 2015. № 36.
35. Конарева И. Н. Электрографические корреляты агрессивности как свойства личности (обзор) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Биология, химия». 2012. Т. 25. № 4.
36. Богданов Н. Н., Самищенко С. С., Хвыля-Олинтер А. И. Дерматоглифика серийных убийц // Вопросы психологии. 2009. № 4.
37. Свирин Ю. А. Биологический (генетический) фактор как одно из условий преступного поведения // Российская юстиция. 1996. № 12.
38. Tiihonen J., Rautiainen J., Ollila H. M. Genetic background of extreme violent behavior // Molecular psychiatry. 2015. Vol. 20.
39. Mengzhen L., Yu J., Scott V. Association studies of up to 1.2 million individuals yield new insights into the genetic etiology of tobacco and alcohol use // Nature Genetics. 2019. Vol. 51.
40. Антонян Ю. М., Блувштейн Ю. Д. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М., 1974.
41. Пономарев Д. С. К вопросу о перспективах использования информационных технологий в разработке методик противодействия криминальной субкультуре // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий). Рязань, 2021.

Освобождение от наказания в контексте института судимости

А. А. Нечепуренко, Омская академия МВД России
✉ nechepurenko_oma@mail.ru

Дается оценка парадоксальной законодательной ситуации с регулированием освобождения осужденного от наказания как основания не считать его судимым. Анализируется институт освобождения от наказания и его виды в соотношении с институтом судимости. Отмечается, что в отечественном федеральном законодательстве содержится гораздо большее количество правоограничений для лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, чем для осужденных, освобожденных от назначения наказания или от его полного отбывания. Исходя из оценки судимости как базовой формы уголовной ответственности приводятся аргументы в пользу того, что освобождение от наказания не должно влечь аннулирования судимости с момента вступления приговора в законную силу, и предлагается авторская конструкция части 2 статьи 86 УК РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность; наказание; судимость; правоограничения судимости; последствия судимости; освобождение от отбывания наказания; освобождение от назначения наказания.

Exemption from Punishment in the context of the Institution of the Criminal Record

A. A. Nepochurenko, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ nechepurenko_oma@mail.ru

There is an assessment of paradoxical legislative situation concerning the regulation of convict's exemption from punishment as the ground for not considering him to be a convict. The institution of exemption from punishment and its types in relation to the institution of the criminal record are under analysis. It is noted that the domestic federal legislation comprises far more legal restrictions for persons exempted from criminal liability on non-rehabilitating grounds than for convicts exempted from imposing punishment or from complete serving it. Estimating the record of criminal convictions as the basic form of criminal liability the author gives arguments in favor of the fact that exemption from punishment should not entail the annulment of a record of criminal convictions from the moment the sentence comes into force, and proposes his own version of part 2 of Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal liability; punishment; criminal record; legal restrictions due to a criminal record; consequences of a criminal record; exemption from serving the sentence; exemption from imposing punishment.

Институт освобождения от наказания постоянно привлекает научную общественность своим недостаточно четким законодательным регулированием [1, с. 48–50; 2, с. 9–13]. Среди прочих довольно часто обсуждается проблема его содержания [3, с. 188–193]. Казалось бы, в главе 12 УК РФ законодатель вполне четко высказался по данному поводу и к этому следует добавить только указание на освобождение от наказания несовершеннолетних, предусмотренное в ст. 92 УК РФ, и, с некоторыми оговорками, касающимися неудачного расположения в главе 10 УК РФ

(«Назначение наказания»), условное осуждение (ст. 73 УК РФ). Однако такая трактовка содержания указанного института вступает в противоречие с формулировкой ч. 2 ст. 86 УК РФ, где указывается, что лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым. В то же время даже неглубокий анализ уголовного законодательства позволяет утверждать, что ряд лиц, освобожденных по определенным условиям от отбывания всего наказания или оставшейся его части (ст. ст. 73, 79, 80, 81, 82, 82¹), продолжают оставаться судимыми еще какой-то период после их

освобождения. Более того, лица, освобожденные от отбывания оставшейся части наказания по актам амнистии или помилования (ст. ст. 84, 85 УК РФ), в соответствии с ч. 6 ст. 86 УК РФ также считаются судимыми. Одним из первых обратил внимание на данную небрежность законодателя в конструировании ч. 2 ст. 86 УК РФ В. Д. Филимонов, подчеркнув, что она требует ограничительного толкования [4, с. 162–163]. Возникает резонный вопрос о том, какой смысл вкладывает законодатель в содержание ч. 2 ст. 86 УК РФ, не приводя в ней никаких оговорок относительно тех видов освобождения от уголовного наказания, которые судимости не влекут.

Чтобы глубже разобраться в данном вопросе, отметим, что в зависимости от стадии реализации наказания можно выделить три разновидности освобождения от него: освобождение от назначения наказания; освобождение от отбывания наказания в полном объеме и освобождение от отбывания оставшейся части наказания. Именно в таком соотношении с родовым понятием освобождения от наказания рассматриваются данные правовые образования в отечественной учебной и научной литературе [5, с. 19; 6, с. 105]. При этом представляется очевидным, что только о первых двух разновидностях освобождения от наказания идет речь, когда осужденных признают несудимыми в соответствии с ч. 2 ст. 86 УК РФ. Следует отметить, что данная позиция была закреплена в ч. 2 ст. 86 Модельного уголовного кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств, принятого на Межпарламентской Ассамблее 17 февраля 1996 г. (далее — Модельный уголовный кодекс), но, к сожалению, в последующем не воспринята в таком развернутом виде в уголовных кодексах участников указанной Ассамблеи. Возможно, это произошло из-за излишнего указания здесь же еще и на частный случай обратной силы уголовного закона, содержание которого и так раскрывается в ст. 12 Модельного уголовного кодекса (ссылка на то, что лица считаются несудимыми, если они отбыли наказание за деяние, преступность которого устранена законом). Данная норма была сформулирована в ч. 2 ст. 86 Модельного уголовного кодекса следующим образом: «Лица, осужденные по приговору суда без назначения наказания или освобожденные по приговору суда от отбывания нака-

зания, или отбывшие наказание за деяние, преступность и наказуемость которого устранена законом, признаются не имеющими судимости»¹.

На разновидности обвинительного приговора в соответствии с данными видами освобождения от наказания имеется указание и в УПК РФ (пп. 2, 3 ч. 5 ст. 302). Наконец, по вопросу о том, что следует понимать под освобождением от наказания в смысле ч. 2 ст. 86 УК РФ, в 2022 г. дал разъяснение Верховный Суд Российской Федерации². При этом в своем толковании высшая судебная инстанция почему-то не стала приводить исчерпывающий перечень статей УК РФ, в которых закреплена каждая из двух разновидностей освобождения от наказания, дающая право считать освобожденное от наказания лицо несудимым, а ограничилась приведением примеров таких статей. В пункте 2 указанного постановления к юридическим фактам, не влекущим судимости в соответствии с ч. 2 ст. 86 УК РФ, отнесены:

— обвинительный приговор без назначения наказания (ст. 80¹ УК РФ, ч. 1 ст. 92 УК РФ, пункт 1 примечаний к ст. 134 УК РФ);

— обвинительный приговор с назначением наказания, от отбывания которого осужденный полностью освобожден (ч. 1 ст. 78 УК РФ; ч. 2 ст. 84 УК РФ, п. 1 ч. 6 ст. 302 УПК РФ; ч. 2 ст. 92 УК РФ).

Этим Верховный Суд не ограничился и в п. 3 данного постановления сделал достаточно спорное разъяснение о том, в каких еще случаях следует считать осужденного несудимым с освобождением его от отбывания назначенного наказания. Он указал, что в соответствии с ч. 2 ст. 86 УК РФ лицо считается несудимым и тогда, когда, назначив наказание, суд изменяет категорию преступления на менее тяжкую и при наличии оснований, относящихся в одном случае только к институту освобождения от уголовной ответственности (ст. ст. 75, 76, 78 УК РФ), в другом — только к институту освобождения от наказания (ст. 92 УК РФ), в третьем — к обоим из указанных институтов (ст. ст. 84, 94 УК РФ), освобождает осужденного от отбывания назначенного наказания. Законность такого указания нижестоящим судам о возможности применения норм института освобождения от уголовной ответственности при обосновании вынесения обвинительного приговора с освобождением от отбывания наказания весьма сомнительна³ и совершенно

¹ Правоведение. 1996. № 1. С. 91–150.

² О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядка снятия судимости см.: *постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2022 г. № 14. Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Аналогичное расширительное толкование о порядке применения ч. 6 ст. 15 УК РФ для целей освобождения от отбывания осужденного от наказания ранее уже было дано Верховным Судом Российской Федерации (*О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации* : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 10 (п. 10)).

справедливо вызывает критику со стороны ученых [7, с. 85–86]. Признавая весомость аргументов в пользу избыточности назначения какого-либо наказания при постановлении обвинительного приговора лицу, в отношении которого истекли сроки давности уголовного преследования [6, с. 109], следует поставить под сомнение и обоснованность отнесения Верховным Судом Российской Федерации нормы, заключенной в ч. 1 ст. 78 УК РФ, не к освобождению от назначения наказания, а к освобождению от отбывания наказания в полном объеме.

С учетом вышеизложенного полагаю, что не судимыми в смысле существующей формулировки ч. 2 ст. 86 УК РФ следует считать: 1) *освобожденных от назначения наказания* в связи с изменением обстановки (ст. 80¹ УК РФ), в связи с истечением сроков давности совершения преступления, если подозреваемый или обвиняемый возражает против освобождения от уголовной ответственности по данному основанию и производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке до его разрешения по существу (ст. ст. 78, 94 УК РФ с учетом ч. 8 ст. 302 УПК РФ), в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ (ч. 1 ст. 92 УК РФ), в связи со вступлением в брак с потерпевшей от действий сексуального характера (примечание 1 к ст. 134); 2) *освобожденных от отбывания наказания в полном объеме* в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. ст. 83, 94), в связи с амнистией, если она применяется на момент вынесения подсудимому обвинительного приговора (ст. 84 УК РФ с учетом п. 1 ч. 6 ст. 302 УПК РФ), а также в связи с помещением осужденного к лишению свободы несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92 УК РФ).

Обратим внимание на то, что на лицо, совершившее преступление, неблагоприятные уголовно-правовые и уголовно-исполнительные последствия распространяются только в том случае, если оно по обвинительному приговору суда приобретает статус судимого. Кроме того, для лиц, являющихся судимыми, ранее бывших таковыми либо освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, устанавливаются различные правоограничения, указанные в многочисленных федеральных законах. Изучение этих федеральных законов позволяет объединить такие правоограничения в три основные группы:

- 1) для лиц, имеющих судимость;
- 2) для лиц, имеющих или имевших судимость;
- 3) для лиц, имеющих или имевших судимость,

а также лиц, освобождавшихся от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Первая группа правоограничений представляет собой содержание такой формы реализации уголовной ответственности, как судимость. Эти правоограничения законодатель именует в ч. 1 ст. 86 УК РФ «иными правовыми последствиями судимости» наряду с теми правоограничениями, которые предусмотрены в уголовном законодательстве для лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость, применительно к рецидиву преступления и назначению наказаний. Названные правоограничения налагаются на осужденного по приговору суда, вступившему в законную силу, действуют только в пределах срока судимости и являются первичными негативными последствиями совершения лицом преступления той или иной категории. Не слишком последовательно, но все же зависимость продолжительности действия правоограничений судимости от тяжести совершенного преступления признает и сам законодатель, что выражается в дифференциации сроков погашения судимости в ч. 3 ст. 86 УК РФ. Группа правоограничений, налагаемых на лиц, совершивших преступления, только на период судимости, достаточно обширна и разнородна. Все указанные правоограничения можно разделить на две большие подгруппы: правоограничения, распространяющиеся на судимых за совершение любого преступления, и правоограничения, распространяющиеся на отдельные категории судимых. Назовем несколько правоограничений из первой подгруппы. Сюда относятся, например, запреты на: занятие должностей государственной гражданской службы; призыв на военную службу, заключение контракта о прохождении военной службы; службу в таможенных органах; службу в ведомственной охране; право быть присяжным заседателем и кандидатом в присяжные заседатели. Вторая подгруппа содержит прежде всего правоограничения административного надзора, устанавливаемого за совершеннолетними лицами, отбывавшими наказание в виде лишения свободы. Из правоограничений, распространяющихся только на отдельные категории осужденных, можно отметить следующие запреты для лиц, имеющих судимость за умышленные преступления: на осуществление частной детективной и охранной деятельности; на занятие адвокатской деятельностью; на назначение арбитром арбитражного управления; на занятие должности специалистов авиационного персонала. Устанавливаются и еще более узконаправленные правоограничения. Это, например, следующие запреты: на оформление опекуна и попечительства за совершеннолетними гражданами для лиц, имеющих судимость за умышленные преступления против жизни и здоровья; на продолжение воинской службы по контракту для лиц, осужденных за умышлен-

ные преступления к лишению свободы условно; на занятие должностей муниципальной службы для лиц, осужденных к наказанию, исключающему возможность исполнения должностных обязанностей по муниципальной службе.

Применительно ко *второй группе* правоограничений прежде всего следует отметить ограничение пассивного избирательного права в отношении граждан Российской Федерации, осужденных к лишению свободы за совершение средней тяжести, тяжких и (или) особо тяжких преступлений. Такие лица могут избираться Президентом Российской Федерации в представительные органы власти Российской Федерации, на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, только если после погашения или снятия судимости пройдет еще 5, 10 или 15 лет соответственно⁴. К этой же группе правоограничений относится и запрет занимать должности в органах и организациях прокуратуры лицам, имеющим или имевшим судимость.

Особого внимания заслуживает *третья группа* правоограничений, предусмотренных во многих федеральных законах, регулирующих прохождение различных видов правоохранительной государственной службы, т. е. деятельности, связанной с предъявлением к лицам, ее осуществляющим, особым нравственным требованиям. Эти правоограничения, за редким исключением, сформулированы как бессрочные. Так, лица, не только имеющие или имевшие судимость, но и освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, перечисленным в соответствующих федеральных законах, не могут быть приняты на службу или продолжать ее: в органах внутренних дел, в органах принудительного исполнения, в уголовно-исполнительной системе, в следственном комитете, в Федеральной службе безопасности и др. [подробнее см.: 8, с. 39–45].

Итак, анализ многочисленных федеральных законов, предусматривающих подобного рода правоограничения, позволяет сделать однозначный вывод, что лица, являющиеся судимыми или бывшие таковыми, претерпевают значительные правоограничения в период судимости и нередко в течение достаточно длительного срока после ее погашения или снятия. Если же речь идет о службе в абсолютном большинстве силовых структур, то лицо, когда-либо имевшее судимость, лишается такой возмож-

ности навсегда. В целом ряде случаев указанный запрет распространяется и на лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, т. е. на тех лиц, совершивших впервые преступления небольшой или средней тяжести, которых суд счел наименее опасными для общества и освободил от претерпевания процедуры судебного следствия и вынесения обвинительного приговора. На этом фоне вызывает недоумение пробел в регулировании правоограничений судимости в отношении тех лиц, которым суд вынес обвинительный приговор, но по каким-либо основаниям освободил от наказания. На них, за редким исключением, не распространяются многочисленные общеправовые ограничения, хотя фактически они также являются лицами, совершившими преступления, причем в ряде случаев представляют большую общественную опасность, чем освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Автором был установлен только один случай наложения подобных правоограничений на лиц, освобожденных от уголовного наказания, а именно, в Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» (пп. 4 п. 5 ст. 18) в 2017 г. были внесены изменения, в соответствии с которыми не могут быть приняты на службу или на работу в органы государственной охраны не только граждане Российской Федерации, имеющие или имевшие судимость или освобождавшиеся от уголовной ответственности по ряду нереабилитирующих оснований, но и освобождавшиеся от уголовного наказания⁵.

Данная ситуация сложилась вследствие того, что институт судимости в Уголовном кодексе Российской Федерации представлен достаточно противоречиво. Прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что совершенно незаслуженно судимость занимает положение некой правовой структуры, подчиненной наказанию и без него самостоятельного значения не имеющей. На самом деле судимость является атрибутом уголовной ответственности, ее базовой формой реализации и ее основанием служит не наказание, а совершение преступления. В связи с этим срок погашения и снятия судимости следует исчислять не с момента отбытия наказания, а с момента вступления обвинительного приговора в законную силу, как это и указано в ч. 1 ст. 86 УК РФ. В пределах срока судимости за преступление той или иной категории и должны реализовы-

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 21 февраля 2014 г. № 19-ФЗ ; О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ (ст. 4) ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 153-ФЗ.

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной охране» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 1 июля 2017 г. № 148-ФЗ.

ваться такие формы уголовной ответственности, как наказание и испытание⁶. Для этого в следующем Уголовном кодексе Российской Федерации требуется установить определенные сроки судимости за преступление каждой категории. Они должны быть достаточно большими, чтобы вместить в себя все возможные варианты назначения наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров применительно к срочному лишению свободы. Например, за преступления небольшой тяжести — 5 лет, средней тяжести — 10 лет, тяжкие — 20 лет, особо тяжкие — 40 лет. Установление таких больших сроков судимости, конечно, предполагало бы возможность их погашения судом по истечении половины срока. Исключение следует установить только в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы. Целесообразно, чтобы для таких осужденных судимость была бы пожизненной, независимо от освобождения их от отбывания наказания в связи с болезнью, по акту помилования или условно-досрочно. Предполагается, что при таких больших сроках судимости отпадет необходимость в большинстве иных федеральных законов устанавливать какие-либо еще сроки после ее погашения или снятия для ограничения лиц, совершивших преступления, в определенных правах, в том числе и в пассивном избирательном праве, как это совершенно произвольно установлено в настоящее время российским законодателем.

Теперь отметим, что можно сделать в рамках действующего положения с законодательной регламентацией института судимости применительно к проблеме соотношения его с институтом освобождения от наказания. В связи с этим обратим внимание, что столь сложный теоретический вопрос, как соотношение уголовной ответственности и судимости уже начал переходить в практическую плоскость. Так, имеется первый в мире законодательный опыт закрепления содержания понятия уголовной ответственности в ст. 44 «Уголовная ответственность и ее цели» действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ)⁷. Уголовная ответственность определяется как осуждение от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применение на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с данным Кодексом. Здесь же в ч. 1 ст. 45 «Судимость» указывается, что такое осуждение создает правовое

состояние судимости. Мы видим, что по УК РБ судимость скорее признается атрибутом или последствием уголовной ответственности, но никак не последствием наказания. Более того, белорусский законодатель установил, что уголовная ответственность реализуется и в осуждении без назначения наказания (п. 4 ст. 46 «Реализация уголовной ответственности»). При этом лицо считается судимым, если совершило преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление, соответственно один или два года со дня вступления в законную силу приговора суда (п. 8 ч. 1 ст. 97 УК РБ). К сожалению, белорусский законодатель не пошел дальше в понимании того, что судимость в любом случае должна сохраняться независимо от того, освобожден осужденный от назначения наказания или от его отбывания. В частности, в ч. 2 ст. 97 УК РБ указывается, что, если приговор не был приведен в исполнение, судимость погашается по истечении сроков давности исполнения приговора. Конечно, к осужденным, в отношении которых истек срок давности обвинительного приговора, не может быть применено назначенное наказание, но это не означает, что их судимость вследствие этого должна автоматически погашаться по истечении указанных сроков. Напротив, с момента истечения этих сроков и следует исчислять срок погашения судимости, который определен в настоящее время в ч. 3 ст. 86 УК РФ.

Казалось бы, учитывая изложенное, можно пойти по пути внесения во все федеральные законы, предусматривающие правоограничения для лиц, совершивших преступления, такого же уточнения, как это сделано в рассмотренном случае применительно к Федеральному закону «О государственной охране». Однако рациональнее все же этого не делать, а на законодательном уровне признать, что судимость является базовой формой реализации уголовной ответственности, и на этом основании установить, что все лица, освобожденные от назначения наказания или от его отбывания, считаются судимыми до тех пор, пока судимость не будет погашена по истечении сроков, указанных в ч. 3 ст. 86 УК РФ. В таком случае формулировка ч. 2 ст. 86 УК РФ могла бы иметь следующий вид: «Лицо, освобожденное от назначения наказания или от его отбывания, считается несудимым после истечения сроков погашения судимости, указанных в части третьей настоящей статьи».

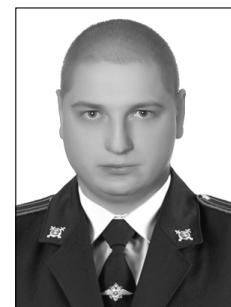
⁶ К испытанию автор относит такие меры уголовной ответственности, применяемые взамен наказания в течение определенного испытательного срока, как условное осуждение, отсрочка отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания большим наркоманией и условно-досрочное освобождение от отбывания наказания.

⁷ Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001. С. 21.

Список литературы

1. *Иванцова Н. В., Кабанова В. Г.* Освобождение от наказания в уголовном праве // Марийский юридический вестник. 2017. № 1.
2. *Терентьева В. А.* О понятии освобождения от уголовного наказания в доктрине уголовного права // Уголовная юстиция. 2017. № 10.
3. *Ефремова И. А.* Понятие, признаки, основания и виды института освобождения от наказания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1.
4. *Уголовный кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий / под науч. ред. Н. Ф. Кузнецовой и Г. М. Миньковского.* М., 1997.
5. *Освобождение от уголовного наказания : учебное пособие / под науч. ред. проф. Т. Г. Черненко.* Кемерово, 2011.
6. *Черненко Т. Г.* Обвинительный приговор без назначения наказания // Вестник Кузбасского института. 2022. № 1.
7. *Звечаровский И. Э.* Освобождение от уголовной ответственности и наказания в уголовном праве России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8.
8. *Нечепуренко А. А.* Законодательное регулирование негативных последствий для лиц, совершивших преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 4(79).

УДК 343.85 © А. К. Теохаров, А. Я. Бондарь, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-487-304-309

Совершенствование деятельности уголовно-исполнительных инспекций: организационно-правовой аспект

А. К. Теохаров, Омская академия МВД России

✉ teo_oma@mail.ru

А. Я. Бондарь, Восточно-Сибирский институт МВД России

✉ alik260410@yahoo.com

Анализируются правовые и организационные проблемы, возникающие в деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Рассмотрены особенности предупреждения правонарушающего поведения со стороны подучетных лиц. Акцентируется внимание на пробелах в уголовно-исполнительном законодательстве относительно осуществления надзора за осужденными к исправительным и обязательным работам. Авторами сформулированы научно обоснованные предложения и рекомендации по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: исполнение уголовного наказания; уголовно-исполнительная инспекция; наказания, не связанные с лишением свободы; осужденные; подучетные лица; ограничение свободы; предупреждение преступлений.

Improvement of Penal Executive Inspections' Activity: Organizational Legal Aspect

A. K. Teokharov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ teo_oma@mail.ru

A. Ya. Bondar', East-Siberian Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ alik260410@yahoo.com

Legal and organizational problems arising in the activity of penal executive inspections are under consideration. The authors examine the peculiarities of prevention of unlawful behaviour of the registered persons. The focus is made on the gaps in the penal executive legislation regarding the supervision of persons sentenced to correctional and mandatory work. The paper contains the scientifically substantiated proposals and recommendations on improvement of penal executive legislation and practice of its application.

Keywords: execution of criminal punishment; penal executive inspection; punishment not related to imprisonment; convicts; persons registered; limitation of freedom; crime prevention.

В последнее время уголовно-исполнительным инспекциям (далее — УИИ) отводится значительная роль, поскольку курс уголовной политики нашей страны направлен на гуманизацию уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. УИИ осуществляют учет осужденных, разъясняют им порядок

отбывания назначенного наказания, согласовывают с органами местного самоуправления места для отбывания наказаний, проводят воспитательную работу с подучетными, подают представления в суд как о замене наказаний на более строгие (ежегодно суды отправляют в места лишения свободы 30% осужденных¹), так и на освобождение от наказания, выявляют

¹ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2021 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 25.09.2022).

детерминанты, способствующие рецидиву преступлений, посещают осужденных по месту их жительства для контроля за их образом жизни, опрашивают их соседей, делают запросы в органы внутренних дел о наличии административных правонарушений, совершенных подучетными в период отбывания наказания, выносят постановления о приводе лиц, уклоняющихся от явки, осуществляют первоначальные розыскные мероприятия в отношении злостно не реагирующих на законные требования осужденных и скрывшихся от контроля, контролируют обеспечение исковых требований и проч.

Постоянное совершенствование законодательного закрепления порядка и условий исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы, и мер уголовно-правового характера прослеживается при рассмотрении проблемных вопросов в деятельности УИИ. Так, к достаточно урегулированным в организационном и правовом плане можно отнести порядок и условия исполнения и отбывания уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, которые исполняются в Российской Федерации продолжительное время. Вместе с тем более детального подхода к совершенствованию на законодательном уровне требуют порядок и условия назначения, отбывания, исполнения наказаний, мер уголовно-правового характера, введенных в последнее время. Анализ статистических данных, изучение мнений практических работников, составление всевозможных аналитических обзоров и т. д. — необходимые элементы в решении проблемных вопросов, возникающих в деятельности УИИ.

Остается открытым вопрос о надзоре за осужденными, которым установлен запрет на посещение мест проведения массовых и иных мероприятий. Законодатель не ограничивает список данных мест, т. е. предусмотренная уголовным законом возможность запрета для суда не содержит исчерпывающего перечня подобных мест. Например, это могут быть развлекательные заведения, работающие преимущественно в ночное время. Инструкция по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы² (далее — Инструкция) в п. 33 предписывает в этих случаях сотруднику инспекции проявлять сдержанность и осмотрительность, чтобы не спровоцировать со стороны осужденного и других лиц противоправных действий, но не детализирует действий сотрудника инспекции при выявлении нарушения со стороны осужденного установленного ограничения. В таком случае было бы логичным проверить осужденного по месту жительства, однако в соответствии с п. 27 Инструкции запрещена проверка осужденного по месту жительства в ночное время.

Подчеркнем следующий неоднозначный момент, возникающий на практике. По действующему предписанию закона (ч. 4 ст. 47.1 УИК РФ) сотрудники УИИ обязаны проводить дактилоскопирование осужденных к ограничению свободы. Возникает правомерный вопрос о том, для чего дублировать уже проделанную работу органов предварительного расследования, тем более если ограничение свободы применено как дополнительный вид наказания и осужденный освобожден из мест лишения свободы.

Надзор за осужденными к исправительным и обязательным работам также имеет некоторые особенности. Так, обязательные работы предполагают осуществление трудовых обязанностей осужденным помимо его основного места работы в свободное время (не менее двух и не более четырех часов в день). Инспекция решает, в какую организацию будет направлен осужденный для отбывания данного вида наказания. Обычно УИИ определяет местом прохождения обязательных работ учреждения органов муниципальной власти. Чаще всего такие работы связаны с благоустройством территории города, поселка, его озеленением, уборкой от мусора дворов и площадей, ямочным дорожным ремонтом. Исполнение подучетным лицом трудовых обязанностей инспектор контролирует через организацию, в которой числится осужденный. Однако на практике установлены факты, когда инспекторы выявляли случаи формального зачета отработанного времени осужденным. Как правило, осужденные оказывали психологическое воздействие на работников организаций, предприятий путем жалоб на судьбу и жизненные обстоятельства, и к реальным работам они не привлекались [1, с. 83].

Следует особенно подчеркнуть, что в отдаленных от филиала инспекции местах администрация муниципалитета не может предоставить места для отбывания обязательных и исправительных работ, в то время как суды продолжают назначать эти виды наказаний, не учитывая реальной обстановки. При этом осужденные не могут ездить в города отбывать эти наказания ввиду отсутствия: а) транспорта (электрички ходят два раза в неделю); б) денег на проезд.

Отдельными авторами справедливо указано на иные проблемы трудоустройства осужденных к обязательным и исправительным работам [2, с. 45; 3, с. 449; 4, с. 66]. Практически все УИИ испытывают проблемы с трудоустройством осужденных, на что, несомненно, оказывают большое влияние кризисные явления в экономике государства. Кроме того, осужденные к этим видам наказаний, пользуясь тем, что им вверили имущество предприятия (газоконо-

² Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы : приказ Минюста РФ от 11 октября 2010 г. № 258 // Российская газета. 2010. 27 окт.

силку, электропилу и проч.), сдавали его в ломбарды, комиссионные магазины, а вырученные деньги тратили на личные нужды (преимущественно алкогольные напитки). Впоследствии выяснялось, что привлечь осужденных к материальной ответственности проблематично или вообще не представляется возможным.

Анализ судимости в стране показывает, что популярной мерой государственного принуждения к правонарушителям у судов продолжает оставаться условное осуждение (ст. 73 УК РФ), доля которого составляет около 30%³. Остальные альтернативные виды уголовных наказаний (ст. 44 УК РФ) назначаются неохотно, хотя их реализация для общества полезна. Практика давно показала, что условно осужденные лица продолжают нарушать закон, потому что не в полной мере осознают тот компромисс, на который пошло государство; при минимальных ограничениях чувствуют безнаказанность, безответственность и вседозволенность, лояльность судов, которые, руководствуясь принципом гуманизма, не назначают реального лишения свободы⁴. Отдельные исследователи [5, с. 47; 6, с. 27] давно уже высказывали мысль о необходимости декриминализации нормы, предусмотренной ст. 73 УК РФ.

Неэффективная практика применения норм уголовного закона порождает сложности для сотрудников УИИ. Некоторые осужденные не считают нужным соблюдать наложенные на них судами правоограничения и правила отбывания наказания, испытательного срока, разъясненные исчерпывающим образом при постановке на учет. В связи с этим инспекторы вынуждены назначать проведение первоначальных розыскных мероприятий, удельный вес которых, по данным нашего исследования, составил 4,8%. Считаю, что этот высокий показатель не способствует эффективной работе должностных лиц по исполнению судебных решений, существенно отягощает исполнение служебных обязанностей.

В настоящее время УИИ в своей деятельности применяют программно-технический комплекс автоматизированного картотечного учета спецконтингента (далее — ПТК АКУС), который повышает эффективность решения задач, стоящих перед учреждениями УИС в сфере документооборота, ведения накопления и обработки данных об абонентах, обобщения данных, справок, статистических сводок,

а также в сфере получения необходимой информации. Вследствие этого отмечается ряд положительных моментов, оказывающих влияние на работу указанных органов: исключение возможности фальсификации документов; минимизация затрат времени на их подготовку; повышение качества контроля за сроками пребывания; облегчение составления пакета документов при проведении розыскных мероприятий в случае побега.

На основе вносимых данных ПТК АКУС УИИ позволяет сразу же и качественно создавать различные документы, предусмотренные Инструкцией об организации работы уголовно-исполнительных инспекций⁵. На сегодняшний день используются более 35 видов таких документов.

Наряду с положительными моментами применения рассматриваемого программно-технического комплекса существуют и некоторые недостатки. Во-первых, хотелось бы отметить одну из существенных недоработок данной программы, касающуюся ее работы в заданном режиме. Из-за большого количества информации, вносимой в единую базу, происходят сбои при непосредственном контакте с ней. Такие факты приводят к потере некоторых сохраненных данных либо изменению сведений масштабного характера. Чтобы внести в базу хотя бы одного абонента, затрачивается немало времени, и когда происходят происшествия такого рода, обязательно должны быть устранены все возникшие неполадки и восстановлены все данные. Получается, что сотрудниками УИИ проводится двойная работа с базой.

Во-вторых, человеческий фактор может оказать негативное влияние на функционирование ПТК АКУС УИИ. Все сотрудники работают в единой базе данных, следовательно, они все могут вносить, изменять или удалять какие-либо сведения. Значит, допускается вероятность произвольного вмешательства любых лиц, имеющих доступ к рассматриваемой базе.

В связи с этим предлагается нормативно закрепить следующее положение: каждый сотрудник УИИ, который работает с базой данных ПТК АКУС УИИ, должен быть ограничен в возможностях изменения, удаления или внесения сведений об абонентах. Это повысит надежность и качество хранения имеющейся информации. Необходимо отметить, что возможности ознакомления с указанными данными сохраняются, а вот право их редактирования

³ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008-2021 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 25.09.2022).

⁴ Такие решения судов, порой безосновательные, объясняются верой в преступника, дают возможность исправиться, трудоустроиться и вести законопослушный образ жизни. Для сотрудников же уголовно-исполнительных инспекций это означает неоднократное выполнение обязанностей по трудоустройству одного и того же нарушителя, что обуславливает затраты личного и служебного времени и бюджетных средств.

⁵ Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 // Российская газета. 2009. 14 авг.

будет предоставлено только тому должностному лицу, которое внесло их в единую базу. Несомненно, введение ПТК АКУС оказало положительное влияние на организацию деятельности УИИ. Однако эффективное выполнение задач, возложенных на УИИ, требует постоянной работы по мониторингу функционирования программно-технического комплекса в целях выявления и устранения каких-либо его недостатков.

Еще одним условием, способствующим совершенствованию подучетными преступлений и административных правонарушений, являются недостатки в организации служебного взаимодействия УИИ и органов внутренних дел. На федеральном уровне по данным вопросам в 2012 г. был принят совместный приказ ФСИН России и МВД России № 190/912, которым утвержден Регламент взаимодействия УИИ и ОВД⁶.

Однако в научной литературе отмечается, что на местах, к сожалению, имеют место случаи не совсем точного соблюдения вышеназванного Регламента [7, с. 158]. Например, ОВД не всегда своевременно: представляют соответствующие материалы информационно-аналитического характера по вопросам взаимодействия с УИИ; информируют УИИ о фактах возбуждения уголовного дела или дела о правонарушении административно-правового характера в отношении подучетных; направляют в УИИ обобщенные справки о результатах проведения с подучетными лицами несовершеннолетнего возраста профилактической работы (данный документ требуется по достижении подучетными восемнадцатилетнего возраста).

Поэтому необходимо на местах укреплять взаимодействие УИИ и ОВД по обеспечению частной превенции преступлений и административных правонарушений подучетными лицами, совершенствовать работу по обмену служебной информацией на основе Соглашения между ФСИН России и МВД России об организации обмена информацией в электронном виде от 18 декабря 2012 г.⁷

Практика показывает, что в филиалах УИИ трудится незначительное число сотрудников, которые осуществляют надзор за всем спецконтингентом, что составляет от 1 до 2,5% от количества осужденных, состоящих на учете в инспекции. При этом происходит неуклонное сокращение штатов УИИ в ходе реформирования уголовно-исполнительной систе-

мы. С введением в действие принципиально нового по своей правовой природе ограничения свободы как вида уголовного наказания нагрузка на одного инспектора возросла в несколько раз.

Об изменении оргштатной численности личного состава законодатель, к сожалению, ничего не говорит. В связи с протяженностью территории (часто превышающей 200 км), обслуживаемой областными филиалами инспекций, а также отдаленностью многих населенных пунктов от места дислокации инспекции, надзор за осужденными осуществляется минимальный. Добавляются сложности в виде нечищенных в зимний период дорог, паводков весной, отсутствия служебного транспорта в филиале инспекции или средств на его ремонт и др.

К этому необходимо добавить, что в некоторых населенных пунктах ликвидированы отделения полиции в процессе реформирования органов внутренних дел. Таким образом, осуществлять надзор за осужденными к альтернативным лишению свободы наказаниям в действительности некому. По мнению Р. А. Садыковой, подобная негативная ситуация сложилась во многих регионах России [8, с. 163].

Вызывает определенное сомнение обоснованность данного подхода к определению норматива штатной численности сотрудников УИИ. Как отмечается в постановлении Правительства РФ от 23 апреля 2012 г. № 360, расчет норматива штатной численности сотрудников УИИ осуществлен в процентном отношении от среднегодовой численности только осужденных, состоящих на учете в УИИ⁸. В то время как данные учреждения уголовно-исполнительной системы осуществляют не только исполнение целого ряда видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества, но также и меру пресечения в виде домашнего ареста.

В российском уголовно-процессуальном законодательстве закреплено, что под домашним арестом понимается мера пресечения, избираемая судом в отношении обвиняемого (подозреваемого), состоящая в нахождении обвиняемого (подозреваемого) в изоляции от общества в квартире (ином жилом помещении), где он проживает, при этом на него возлагаются определенные запреты, и за ним осуществляется контроль [9, с. 223]. В последние годы данная мера пресечения часто применяется в следственной и судебной практике, так как, во-первых, результаты

⁶ Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений : приказ Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 190/912 // Рос-сийская газета. 2012. 26 окт.

⁷ Соглашение между ФСИН России и МВД России об организации обмена информацией в электронном виде от 18 декабря 2012 г. № 1/23-63701/1/11940. URL: <http://zakoniporjadok.my1.ru/publ/4-1-0-13271> (дата обращения: 29.09.2022).

⁸ О некоторых вопросах деятельности уголовно-исполнительных инспекций : постановление Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2012 г. № 360 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 18, ст. 2224.

экспертных опросов свидетельствуют о достаточно высоком уровне ее эффективности, во-вторых, она не сопряжена с объективными издержками негативного характера, которые имеют место при заключении под стражу. В научной литературе отмечается тенденция многократного увеличения количества фактов применения в отношении обвиняемых (подозреваемых) домашнего ареста [10, с. 24; 11, с. 17].

Данная тенденция обуславливает увеличение среднегодовой численности лиц, состоящих на учете в УИИ, за счет обвиняемых (подозреваемых), к которым применен домашний арест на досудебной стадии уголовного процесса. Но формально-логическое, буквальное толкование нормативно-правового положения о расчете норматива штатной численности сотрудников УИИ, исходя лишь из среднегодовой численности только осужденных, которые состоят на учете в УИИ, дает основание сделать гипотетический вывод, что увеличение количества обвиняемых (подозреваемых), к которым на досудебной стадии применен домашний арест, не влияет на увеличение штатной численности сотрудников УИИ.

В значительной мере именно из-за большой загруженности сотрудники УИИ не в состоянии проводить профилактическую работу на высоком качественном уровне со всеми лицами, состоящими у них на учете. По этому поводу в научной литературе справедливо отмечается, что имеются некоторые проблемы в служебной деятельности УИИ при организации и осуществлении психолого-педагогической и воспитательно-профилактической работы по обеспечению частной превенции новых преступлений со стороны подучетных лиц [12, с. 130].

Например, почти половиной осужденных к наказанию в виде исправительных работ допускаются различные нарушения порядка и условий отбывания наказания, хотя большинству из них УИИ были вынесены письменные предупреждения. Кроме того, ученые также подчеркивают, что имеет место увеличение количества осужденных, которые находятся в розыске. В отношении каждого десятого из них возбуждены уголовные дела за совершение нового преступления в период нахождения на учете в УИИ. Способствуют данным негативным явлениям и недостат-

ки в осуществлении индивидуальной профилактики и контрольных функций в отношении подучетных, в изучении их поведения и круга общения [13, с. 8].

Вряд ли следует ожидать высокого уровня эффективности служебной деятельности сотрудников УИИ по выполнению широкого круга задач в условиях увеличения количества подучетных, приходящихся на одного сотрудника.

Вышеизложенное позволяет сформулировать некоторые социально обусловленные предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы. Так, предлагается в п. 1 постановления Правительства РФ от 23 апреля 2012 г. № 360 внести изменения следующего содержания.

«1. Расчет норматива штатной численности сотрудников УИИ осуществляется в процентном отношении от среднегодовой численности осужденных, состоящих на учете в УИИ, и обвиняемых (подозреваемых), к которым применен домашний арест или запрет определенных действий».

При наличии бюджетно-финансовой возможности предусмотреть норматив штатной численности сотрудников УИИ в количестве 4% от среднегодовой численности осужденных и обвиняемых (подозреваемых), состоящих на учете в УИИ, к которым применен домашний арест и запрет определенных действий».

В заключение сформулируем выводы:

1. Деятельность УИИ является многоаспектной, сотрудники осуществляют контроль и надзор как за осужденными, так и за подозреваемыми (обвиняемыми) в совершении преступлений. Однако из-за пробельности уголовно-исполнительного законодательства эффективно выполнять данные функции невозможно. В связи с этим необходим постоянный мониторинг законодательства и проблем правоприменения в рассматриваемой сфере.

2. Реализация вышеуказанных предложений на нормативно-правовом уровне будет способствовать тому, что сотрудники УИИ смогут больше служебного времени уделять практической деятельности по контролю за каждым лицом, состоящим на учете, индивидуальной профилактической работе по предупреждению преступлений и иных правонарушений с их стороны.

Список литературы

1. Дорожинский А. А. Причины неэффективного посткриминального контроля, осуществляемого уголовно-исполнительными инспекциями ФСИН России, и меры по их устранению // Алтайский юридический вестник. 2021. № 4(36).
2. Тарабуев Л. Н. Некоторые вопросы деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказания в виде исправительных работ // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 1(53).
3. Фетищева Л. М., Ганьжин Е. В. Уголовно-исполнительные инспекции как субъекты профилактики повторных преступлений и иных правонарушений // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12(163).

4. *Кривоносова Д. В.* Некоторые аспекты взаимодействия органов местного самоуправления и уголовно-исполнительных инспекций при исполнении наказаний в виде исправительных работ и обязательных работ // *Юридическая наука: история и современность.* 2022. № 4.
5. *Петров С. А.* Необходим ли институт условного осуждения? // *Законность.* 2022. № 7(1053).
6. *Лантев Д. Б.* Об испытательном характере условного осуждения // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление.* 2021. № 1.
7. *Смирнова И. Н., Минаева И. С.* Проблемы организации совместной деятельности уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел в сфере профилактики преступлений и других правонарушений осужденных без изоляции от общества // *Вестник Псковского государственного университета.* Серия: Экономика. Право. Управление. 2016. № 3.
8. *Садыхова Р. А.* Понятие, структура и классификация административно-правового статуса сотрудника уголовно-исполнительной инспекции // *Аграрное и земельное право.* 2020. № 12(192).
9. *Новиков Е. Е.* О некоторых проблемах правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений, функционирующих на основном этапе исполнения и отбывания уголовных наказаний и иных мерах уголовно-правового характера // *Сибирский антропологический журнал.* 2021. Т. 5. № 4.
10. *Овчинников Ю. Г.* Порядок осуществления контроля над исполнением меры пресечения в виде домашнего ареста // *Научный вестник Омской академии МВД России.* 2017. № 1(64).
11. *Пиллюшин И. П.* Эффективность домашнего ареста в уголовном судопроизводстве // *Научный вестник Омской академии МВД России.* 2018. № 2(69).
12. *Бобешко А. В., Денисов А. Д.* О необходимости совершенствования методического обеспечения деятельности уголовно-исполнительных инспекций // *Право и государство: теория и практика.* 2021. № 6(198).
13. *Бякина С. И.* Проблемы организации и проведения воспитательной работы с осужденными, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // *Ведомости уголовно-исполнительной системы.* 2021. № 9(232).

УДК 343.1 © В. В. Кальницкий, Т. В. Куряхова, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-487-310-317

Очередной шаг Конституционного Суда Российской Федерации в развитии института возвращения уголовного дела прокурору

В. В. Кальницкий, Омская академия МВД России

✉ kvv_omsk07@mail.ru

Т. В. Куряхова, Омская академия МВД России

✉ kuryahova@mail.ru

Рассматривается правовая позиция Конституционного Суда РФ о применимости возвращения уголовного дела прокурору в случаях, когда в исследуемом событии суд устанавливает признаки не вмененного, а иного преступления, которому органами расследования оценка не дана. Проводится сопоставление такого решения суда с имеющимися основаниями возвращения уголовного дела прокурору, показывается его автономность. Обозначаются необходимость и возможные подходы к регламентации анализируемой ситуации в законе, а также совершенствованию института возвращения уголовного дела прокурору в целом.

Ключевые слова: возвращение уголовного дела прокурору; статья 237 УПК РФ; изменение обвинения.

The Further Step of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Development of the Institution of Returning a Criminal Case to the Prosecutor

V. V. Kalnitsky, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ kvv_omsk07@mail.ru

T. V. Kuryakhova, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ kuryahova@mail.ru

The legal provision of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding applicability of returning a criminal case to the prosecutor in the situations when, in the event under investigation, the court establishes the features not of the crime charged but of another crime which has not been estimated by the investigative bodies. The authors compare such a decision of court with the grounds for returning a criminal case to the prosecutor and demonstrate its autonomy. The authors outline the necessity and possible approaches to the regulation of the analyzed situation in the law as well as the improvement of the institution of returning a criminal case to the prosecutor in general.

Keywords: returning a criminal case to the prosecutor;
Article 237 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation; changing the charge.

Непростая судьба института возвращения судом уголовного дела прокурору, в частности многочисленные толкования различных его аспектов Конституционным Судом РФ¹, а также множественные нормативные корректировки², широко известны и интерпретированы в печати [1, с. 10–15; 2, с. 6–12; 3, с. 82–88; 4, с. 36–43; 5, с. 54–67; 6; 7, с. 89–94; 8; 9, с. 28–35; 10; 11; 12, с. 13–14]. Исследователями отмечена трансформация оснований данного решения из сугубо формальных нарушений, препятствующих суду рассмотреть и разрешить уголовное дело, в нарушения сущностные, связанные с невозможностью для суда принять предложенную обвинением оценку обстоятельств содеянного и его квалификацию [7, с. 89–94; 8, с. 103–128; 14, с. 50–55; 15, с. 42–49]. В череде решений Конституционного Суда РФ наиболее резонансной стала позиция, согласно которой суд вправе вернуть уголовное дело прокурору для применения закона о более тяжком преступлении³. Отдельные юристы увидели в ней признаки возвращения уголовного дела для дополнительного расследования, поскольку новое обвинение потребует производства допроса обвиняемого, показания которого могут отличаться от первоначальных, не исключено также проведение других следственных действий [2, с. 6–12; 3, с. 82–88; 4, с. 36–43; 11, с. 126; 13, с. 17].

Конституционный Суд свое решение мотивирует иначе. Во-первых, он категорически отмежевывается от какой-либо ассоциации возвращения уголовного дела прокурору с возвращением уголовного дела для производства дополнительного расследования,

основным признаком которого выступает нацеленность на собирание дополнительных доказательств, и называет возвращение судом уголовного дела прокурору «особым порядком движения уголовного дела, не тождественным его возвращению для производства дополнительного расследования». Во-вторых, случаи возвращения уголовного дела прокурору для усиления обвинения ограничены ситуациями, когда заниженная квалификация является следствием грубой и очевидной ошибки (фактическое описание содеянного бесспорно требует другой правовой оценки) либо когда суд установит (придет к убеждению), что собранной судебным следствием совокупности доказательств соответствует квалификация, которую он не может реализовать в силу правила о пределах судебного разбирательства. Суд не просит и не поручает что-либо установить, но предписывает устранить препятствие для вынесения решения, соответствующего познанным в судебном разбирательстве обстоятельствам. В-третьих, и это, пожалуй, самое главное, своей правовой позицией Конституционный Суд РФ обозначает должное место судебной власти среди других реализуемых в уголовно-процессуальной сфере властей (полицейской и прокурорской) и указывает на недопустимость ее умаления какими-либо ограничениями в свободе выражения внутреннего убеждения суда.

Специфика деятельности Конституционного Суда РФ состоит в том, что правовые позиции вырабатываются им в соответствии с предметом обращения и не затрагивают конкретными предписаниями смежные вопросы, также нуждающиеся

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П; По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П; По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гр-на Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П; По делу о проверке конституционности положений частей 3–7 статьи 109 и части 3 статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гр. С. В. Махина : постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 23-П; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Гренко А. И., Дмитриева Н. В. и Левкина А. С. на нарушение их конституционных прав частями 2 и 3 статьи 109 и частью 3 статьи 237 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 4 октября 2012 г. № 1852-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Белькова О. В. на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 237 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2012 г. № 2001-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; и др.

² О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ; О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 64-ФЗ; О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части наделения суда правом соединения уголовных дел в одно производство : федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 327-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гр-на Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П (далее — Постановление № 16-П). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в интерпретации. Вместе с тем в опубликованных решениях содержатся общие принципиальные положения, отражающие стратегию подхода, опираясь на которые, казалось бы, можно описать в законе механизм реагирования на любые коллизионные ситуации⁴. К сожалению, этого не происходит. Законодатель остерегается применять сформулированные подходы, так сказать, по аналогии, не переводит смысл имеющихся решений на язык общего регулирования, ограничиваясь только точечными предписаниями.

В таких условиях сохраняются предпосылки для новых обращений в Конституционный Суд РФ и, соответственно, очередных его решений, представляющих весьма интересный материал для интерпретации, в том числе в контексте ранее выработанных позиций. Рассмотрим последнее к данному моменту определение⁵, связывая его положения с фактическими обстоятельствами противоправного события, которые согласно материалам уголовно-процессуального производства выглядят следующим образом.

Адвокаты Г. и Ш. органами расследования обвинялись в совершении вмешательства в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, т. е. преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ. Согласно обвинительному заключению вмешательство выразилось в принуждении свидетеля к даче суду заведомо ложных показаний. Поскольку непосредственное воздействие на суд (председательствующего в судебном заседании) не установлено, а влияние на свидетеля вмененного состава преступления не образует, судом первой инстанции подсудимые оправданы. По представлению прокурора суд апелляционной инстанции отменил оправдательный приговор и возвратил уголовное дело прокурору. Как следует из апелляционного постановления, суд первой инстанции, установив в судебном заседании фактические обстоятельства, указывающие на признаки другого преступления, не дал им оценку. В обеих кассационных инстанциях в передаче жалоб в судебное заседание отказано, отклонены доводы о недопустимости отмены приговора с возвращением уголовного дела прокурору при наличии в деле признаков иного состава преступления.

Анонсированное определение Конституционного Суда РФ принято по обращению Г. и Ш. В документе подытожено, что «суд апелляционной ин-

станции вправе ... отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору, указав при этом обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации того же деяния обвиняемого как иного преступления». Поскольку в рассматриваемом определении и в постановлении № 16-П, реализованном в п. 6 ч. 1 и ч. 1³ ст. 237 УПК РФ, речь идет, хотя и в различных контекстах, о возвращении дела прокурору для изменения квалификации, и кроме того, суды общей юрисдикции ссылались в обоснование своей позиции на указанное постановление, усматривая сходство ранее разрешенной и вновь возникшей фактических ситуаций, проведем сравнение выраженных в них позиций. Конечной целью такого анализа будет выявление наличия/отсутствия новых нюансов, развивающих институт возвращения уголовного дела прокурору.

1. Сначала выделим существенные признаки сравниваемых фактических ситуаций. В «деле Гадаева» (Постановление № 16-П) и «в деле Г. и Ш.» (Определение № 824-О) речь идет об изменении квалификации, вызванном несовпадением правовой оценки деяния органами преследования и судом. Данный аспект составляет основу препятствия для вынесения правосудного решения. Но имеются весьма существенные нюансы. В «деле Гадаева» возникла потребность применить закон о более тяжком преступлении, в «деле Г. и Ш.» санкция по новой предполагаемой квалификации существенно мягче. Весьма значимое отличие также в том, что в первой ситуации выявленные судом обстоятельства содеянного полностью совпадают с описанными в обвинительном тезисе, установлены лишь дополнительные последствия, во второй — потребуется практически новое описание содеянного, поскольку неверно определена суть преступления, которая состоит не во вмешательстве в деятельность суда, а в принуждении свидетеля к даче показаний.

2. В обеих ситуациях содеянное установлено в ходе судебного следствия с той степенью полноты, которая позволила суду сформировать внутреннее убеждение. Это весьма важный нюанс, неотъемлемое условие возвращения уголовного дела прокурору, без такового решение суда теряет свою ценность и даже легитимность. Уголовное дело возвращается для предоставления судебной власти возможности беспрепятственно отразить в принимаемых решениях фактические обстоятельства преступления в том объеме, в котором они познаны, и в той

⁴ Варианты реализации правовых позиций Конституционного Суда РФ применительно к сходным по своей правовой природе ситуациям предлагались нами на страницах периодической печати (см.: 16, с. 56–57; 17, с. 41–44; 18, с. 229–230).

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр-н С.М. Головатюка и Я.С. Шейнина на нарушение их конституционных прав частью 3 статьи 15, пунктом 1 части 1 статьи 237 и частью первой статьи 252 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 7 апреля 2022 г. № 824-О (далее — Определение № 824-О). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правовой форме, которая с позиции суда отражает их адекватно. Иначе говоря, отчетливо и последовательно проводится идея недопустимости сдерживания суда, приоритета судебного усмотрения над усмотрением полицейской и прокурорской властей. Однако возникает вполне закономерный вопрос о том, вправе ли суд самостоятельно установить все обстоятельства нового состава преступления (под новую квалификацию), поскольку действия подсудимых по склонению свидетелей к даче заведомо ложных показаний не были отражены в обвинении, уголовное дело по данной статье не возбуждалось, а обратившиеся в Конституционный Суд РФ утверждают, что судебные инстанции вышли за пределы судебного разбирательства. Из контекста Определения № 824-О, содержащего описание всех обозначенных аспектов, но последовательно проводящего мысль о недопустимости умаления авторитета суда и доверия к нему как органу правосудия, обязанному вынести правосудный приговор, вытекают законность и конституционность такого понимания пределов судебного исследования. Справедливости ради еще раз отметим, что в деле адвокатов Г. и Ш. судом первой инстанции установлены фактические обстоятельства не другого (нового), а одного и того же жизненного случая, дело о котором поступило в суд.

3. Значимые для интерпретации института возвращения уголовного дела прокурору аспекты (сугубо процедурные, эксклюзивные для данного уголовного дела) вытекают из специфики апелляционного производства. Во-первых, не сама вторая инстанция установила фактические обстоятельства другого преступления, она увидела, что суд первой инстанции их установил, но не дал оценку. Тот факт, что апелляционная инстанция непосредственно доказательства не исследовала (в конкретном деле, в котором были применены оспариваемые заявителями нормы), не признан существенным для формирования позиции Конституционного Суда РФ, что расширяет наши представления о содержании рассматриваемого института. Во-вторых, важно определиться с условиями допустимости решения суда апелляционной инстанции о возвращении дела прокурору по основанию, связанному с изменением описания обстоятельств содеянного и их переквалификацией. По сути, речь идет о повороте к худшему, поскольку возвращение дела для переквалификации содеянного имеет место после отмены оправдательного приговора. В описательно-мотивировочной части Определения № 824-О указано, что «суд апелляционной инстанции вправе — как при наличии представления прокурора или жалобы потерпевшего на приговор, так и по своей инициативе — отменить приговор и вернуть уго-

ловное дело прокурору». Выше (в предыдущем абзаце) говорится, что «при наличии представления прокурора или жалобы потерпевшего на приговор, которыми инициирован апелляционный пересмотр уголовного дела и в которых поставлен вопрос о необходимости учетаотягчающего наказания обстоятельства и (или) об ужесточении наказания осужденному, а значит, об ухудшении его положения, суд апелляционной инстанции вправе, вне зависимости от отсутствия в представлении или жалобе вопросов о правовой оценке фактических обстоятельств дела, отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору». Приведенные, на первый взгляд, противоречивые послышки, видимо, нужно понимать так, что для ухудшения положения осужденного/оправданного необходимо соответствующее обращение к суду, но конкретный способ такого ухудшения — возвращение уголовного дела прокурору для применения иного уголовного закона — суд определяет самостоятельно.

4. С требованием исчерпывающего установления судом фактической картины преступления тесно связана цель возвращения уголовного дела прокурору. Во всех предыдущих решениях Конституционного Суда РФ содержится напоминание, что возвращение не связано с восполнением неполноты расследования. В Определении № 824-О данное условие не оговорено. Вместе с тем не возникает сомнений, что возвращение уголовного дела прокурору осуществляется только при условии соблюдения данного императива. Возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом не тождественно возвращению дела для дополнительного расследования — данный тезис, являющийся важнейшей частью правовой позиции суда, полностью распространяется на случаи, когда препятствие для рассмотрения и разрешения уголовного дела проявляется в установлении в исследуемом событии состава другого преступления.

Вместе с тем после возвращения уголовного дела прокурору обязательно будет проведено расследование, направленное на выявление («экстрагирование», «вытяжку») обстоятельств события, на которых акцент не был сделан. Событие одно и то же, но нужны его новые детали (другие по отношению к ранее выявленным).

Возможен ли расчет на то, что обстоятельства установлены, надо только вменить их? Стратегически, да. Суд в нашем случае не на поверхностном, а на конкретном уровне установил в рассматриваемом событии признаки другого преступления. Материалы судебного следствия, отражающие интерпретацию сведений о наличии в содеянном признаков другого преступления, зафиксирова-

ны в протоколе судебного заседания⁶. Но органы предварительного расследования не вправе реализовать волеизъявления суда без прохождения «своего пути» в следственном обосновании (доказывании) другого состава преступления. Органы предварительного расследования должны провести следственные действия, фиксирующие средствами досудебного производства сведения, оказавшиеся доступными суду. Следовательно не вправе предъявить обвинение, а прокурор утвердить обвинительное заключение (акт), если материалы досудебного производства не будут содержать полную совокупность доказательств. Можно ли в такой деятельности увидеть черты дополнительного расследования, поскольку расследовательская деятельность, как ее ни назови, будет вестись? Все больше утверждаемся в высказанном нами ранее мнении [8, с. 104, 105], что различие между дополнительным расследованием и следственной деятельностью по устранению препятствий для судебного разрешения дела должно проводиться по субъективному признаку, т. е. по цели возвращения дела в досудебное производство. Повторная деятельность органов расследования по устранению препятствий для судебного разрешения уголовного дела по существу представляет собой особый порядок досудебного производства.

5. Одним из аргументов заявителей в Конституционный Суд РФ стало утверждение, что по составу преступления, который требуется вменить подсудимым после отмены оправдательного приговора, уголовное дело не возбуждалось. Как это ни парадоксально звучит, в современном правоприменении данный довод не выглядит надуманным и имел шансы на успех. В середине первого десятилетия нового столетия наметился существенный поворот в практике возбуждения уголовного дела при выявлении в ходе расследования нового преступления, совершенного преследуемым лицом. Если в предшествующий период было достаточно дополнить обвинение, то позже сформировалось обыкновение выделять материалы, производить проверку, принимать решение о возбуждении уголовного дела и соединять его с исходным делом. В решениях Конституционного Суда РФ можно встретить тезис, что «часть первая статьи 175 УПК Российской Федерации, определяя действия следователя в случае выявления в ходе предварительного следствия оснований для изме-

нения предъявленного обвинения, не оговаривает специально возможность вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого в связи с совершением преступления, относительно которого уголовное дело не было возбуждено»⁷. Можно предположить, что заявители рассчитывали на аналогичное истолкование ситуации в их деле. Предпосылки для этого были, поскольку в акте возбуждения уголовного дела в связи с вмешательством в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, вполне вероятно, не были указаны действия по принуждению к даче показаний (косвенный признак этого — они не отражены в обвинении, что и послужило причиной возвращения уголовного дела прокурору). Возобладало, как можно судить, понимание, что по данному жизненному событию уголовное дело возбуждалось, пусть и без описания в постановлении способа совершения преступления, которому в ходе дальнейшего судопроизводства предполагается дать самостоятельную правовую квалификацию.

6. Весьма значимым является вопрос о том, каким должно быть решение суда по ст. 237 УПК РФ, в частности, содержание его описательно-мотивировочной части. Правомерно ли говорить, что суд выдает прокурору достаточно определенное «задание» и предлагает провести конкретные действия и принять предписанные решения? Здесь отчетливо конкурируют две противоположные ценности: 1) создать через повторное досудебное производство предпосылки для дальнейшего исследования предварительно сформировавшегося предположения суда, основанного на материалах судебного следствия, о наличии в действиях подсудимого состава иного преступления; 2) недопустимость предрешения вопроса о виновности подсудимого. С подобной технико-юридической проблемой сталкивался законодатель, вынужденный описывать порядок возвращения уголовного дела прокурору по основанию, предусмотренному п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Существенной частью данного порядка выступает регулирование параметров выражения судом своего отношения к требуемой квалификации: суд указывает обстоятельства, влекущие новую квалификацию, но при этом «не вправе указать статью Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой деяние под-

⁶ В теории уголовного процесса подчеркивается, что протокол судебного заседания из-за специфики его формирования является доказательством только для вышестоящих судебных инстанций [19, с. 515]. Представляется, что расширение института возвращения уголовного дела прокурору, в том числе за счет случаев, когда дело возвращено для обеспечения условий принятия судом решения, соответствующего материалам судебного следствия, ставит вопрос о допустимости использования протокола судебного заседания в качестве основания формулирования нового обвинения.

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр-на Геворкяна Р. Т. на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 533-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лежит новой квалификации, а также делать выводы об оценке доказательств, о виновности обвиняемого ...» (ч. 1³ ст. 237 УПК РФ). В процитированной норме существует крен в сторону второй ценности — непредрешиения виновности: законодатель не просто обозначил, что требуется указать, но также перечислил запрещаемые для внесения в постановление сведения. Нами такая осторожность законодателя оценивается критически [7, с. 89–94; 8, с. 112, 113]. Считаем, что суд не должен избегать обозначения конкретной квалификации, но он обязан это делать в выражениях, не содержащих утверждений. Постановление суда выполняет для прокурора роль программы действий, поэтому должно быть максимально определенным. Это корреспондирует предпосылке возвращения дела (суд установил обстоятельства, свидетельствующие о более тяжком преступлении) и сущности деятельности органов расследования после возвращения дела, которая не является дополнительным расследованием, т. е. ничем не ограниченным повторным доказыванием. Если данное суждение верно применительно к случаям, когда меняется только набор квалифицирующих признаков в рамках одной статьи Уголовного кодекса РФ, то оно тем более правильно при переквалификации на иную статью, которую органы расследования могут самостоятельно не определить. Еще раз напомним, что уголовное дело возвращается в целях снятия преград к реализации судебского усмотрения, а не для свободной оценки содеянного органами расследования. В противном случае судебское усмотрение окажется замещенным усмотрением полицейско-прокурорских органов, против чего выступает орган конституционного контроля.

В Определении № 824-О разъяснено, что суд вправе вернуть уголовное дело прокурору, «указав при этом обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации того же деяния обвиняемого как иного преступления». Поскольку в контексте данного определения деяние подлежит квалификации по другой статье, полагаем, что суд имеет право более конкретно обозначить, признаки какого преступления он усматривает. Без такого предварительного усмотрения нет оснований для возвращения уголовного дела прокурору.

Проведенное сравнение новой правовой позиции Конституционного Суда РФ и имеющегося регулирования показывает, что налицо существенное приращение легальных фактических оснований возвращения уголовного дела прокурору. Очередной шаг в развитии института, основанного на ст. 237 УПК РФ, с очевидностью состоялся. В этих условиях актуален вопрос о способах реализации данной позиции в законе, поскольку в форме

определения она не обеспечит ожидаемого эффекта в силу недостаточной осведомленности о ней широкого круга правоприменителей и незавершенности (недостаточной конкретности) для выстраивания четкого механизма деятельности. Гипотетически возможны несколько вариантов нормативной адаптации Определения № 824-О. Первый заключается в дополнении ч. 1 ст. 237 УПК РФ самостоятельным пунктом. Логика развития данной нормы такова, что она перманентно увеличивается за счет новых фактических ситуаций, возникающих в правоприменении и требующих возвратного движения уголовного дела. Ситуация, ставшая поводом для еще одной интерпретации, как показано, не охватывается имеющимися основаниями для возвращения уголовного дела прокурору. Новый пункт может выглядеть так: «7. В ходе судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие в действиях подсудимого признаков состава преступления, существенно отличающегося от ранее предъявленного». Принципиальным для нас выступает акцент на установленности судом в рассматриваемом событии по материалам судебного следствия обстоятельств, должных получить иную правовую оценку. Поэтому в отличие от предыдущего основания не считаем возможным упоминание о предварительном слушании как этапе, на котором возможно принятие решения о возвращении дела. Требуется закрепления также сугубо процедурный аспект принятия решения, представляемый нами в виде самостоятельной части базовой статьи следующего содержания: «1⁴. При возвращении уголовного дела прокурору по основанию, предусмотренному п. 7 части первой настоящей статьи, суд обязан указать обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации того же деяния обвиняемого как преступления, существенно отличающегося от обвинения, по которому назначено судебное разбирательство». Такой лаконичной формулировки, полагаем, будет достаточно. Законодателю нецелесообразно вмешиваться в мотивирование судом возвращения дела, этот вопрос вполне по силам урегулировать судебскому корпусу самостоятельно. На уровне разъяснения Пленума Верховного Суда РФ разрешались не менее трудные вопросы, связанные с непредрешиением в формулировках виновности лица при заключении под стражу или описании в приговоре действий скрывшегося соучастника преступления.

Второй вариант нормативного отражения Определения № 824-О может быть более радикальным и состоять в полном реформатировании всей статьи закона. Недостатком современного регулирования оснований возвращения уголовного дела прокурору является их рассогласованность, вы-

званная внесением их в закон в разное время и по разным поводам, что приводит к их конкуренции. Кроме того, стала очевидной общая позиция Конституционного Суда РФ, состоящая в обеспечении верховенства судебного усмотрения над видением и правовой оценкой содеянного органами преследования. Накоплен достаточный материал для выражения в законе данной правовой идеи. Например, нет сомнений, что в случае постановки перед органом конституционного контроля вопроса о конституционности возвращения уголовного дела прокурору для дополнения обвинения отдельными не вмененными, но установленными судом обстоятельствами, позиция будет положительной. Зачем ждать такое постановление или определение, если алгоритм понятен? Обновленная ч. 1 ст. 237 УПК РФ могла бы включать два обобщенных основания (существенное нарушение закона и установление судом фактических обстоятельств содеянного в ином виде, а также их иная уголовно-правовая оценка) либо одно основание в первой редакции, поскольку неполный или неправильный обвинительный тезис представляет собой препятствие для вынесения правосудного решения. Существует и третий вариант. В свое время нами предлагалось выделить из ст. 237 УПК РФ основания возвращения судом уголовного дела для квалификации действий обвиняемого в сторону, ухудшающую его положение, дополнив ст. 252 УПК РФ «Пределы судебного разбирательства» частью 3 соответствующего содержания [16, с. 56, 57; 18, с. 229, 230]. Изменений потребует также норма, регламентирующая решения суда о возвращении уголовного дела прокурору, поскольку, во-первых, пора признать регулирующее значение такого решения для повторной деятельности органов преследования и только с данным критерием подходить к определению его содержания; во-вторых, требуется исключить «мелочную опеку» над решением суда, предоставив органам правосудия возможность самостоятельно найти приемлемые формулировки, звучащие по-судейски.

Изложенное может быть подытожено следующими положениями.

1. Формирование института, основанного на ст. 237 УПК РФ, в ходе многолетних точечных модификаций, осуществляемых главным образом под влиянием правовых позиций Конституционного Суда РФ, вступило в завершающую стадию. В настоящее время сложилось понимание, что выявленное в судебном следствии формальное нарушение закона или установленные судом иные фактические обстоятельства содеянного, а также их правовая оценка, не совпадающая с обвинительным тезисом, выступают основанием для возвращения уголовного дела прокурору. Идеологией такого решения является недопустимость сдерживания органов правосудия в выражении познанной сущности, в приоритете судебного доказывания над доказыванием в предшествующих стадиях уголовного процесса.

2. Требование недопустимости «поворота к худшему», приписываемое институту возвращения уголовного дела прокурору в первоначальный период его действия, в ходе эволюции утратило абсолютный характер и сохраняется лишь как запрет на необоснованное и немотивированное материалами судебного разбирательства (произвольное) возобновление дополнительного поискового уголовного преследования.

3. Постановление суда о возвращении уголовного дела прокурору — специфический промежуточный судебный акт, который не только влечет повторное досудебное производство, но и определяет его содержание, пределы и порядок. Законодателю надлежит избегать запретительного подхода к содержанию такого постановления, поскольку в реальном правоприменении из корректирующего положения такое регулирование непроизвольно превращается в выражение сущности и фактически влияет на толкование собственно оснований возвращения дела прокурору, искажая их подлинный смысл.

Список литературы

1. Александров А. С., Лапатников М. В. Возврата к направлению дела на доследование не будет // Уголовный процесс. 2013. № 7.
2. Александров А. С., Лапатников М. В. Суд на осуд, а не на россуд // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4.
3. Александров А. С., Лапатников М. В. Восстановление института возвращения судом уголовного дела прокурору на доследование // Уголовное право. 2013. № 6.
4. Белкин А. Р. Процессуальные тонкости стадии подготовки к судебному заседанию. III. Проведение предварительного слушания (продолжение) // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3.
5. Головкин Л. В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. 2009. № 11.

6. *Елчнев М. Ф.* Деятельность прокурора и суда по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021.
7. *Кальницкий В. В., Куряхова Т. В.* Дополнения ст. 237 УПК РФ и правовая позиция Конституционного Суда РФ // Уголовное право. 2014. № 6.
8. *Кальницкий В. В., Куряхова Т. В.* Возвращение уголовного дела прокурору : учеб. пособие. Омск, 2021.
9. *Колоколов Н. А.* Долгожданный возврат к доследованию // Уголовный процесс. 2013. № 11.
10. *Ткачёв А. И.* Возвращение уголовного дела прокурору со стадии подготовки к судебному заседанию / науч. ред. проф. М. К. Свиридов. Томск, 2008.
11. *Тришева А. А.* Возвращение уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе : монография. М., 2017.
12. *Хитрова О. В.* Особый порядок движения уголовного дела или возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования? // Российский следователь. 2013. № 21.
13. *Тришева А. А., Решетова Н. Ю.* Возвращение судом уголовного дела прокурору: практика и новая позиция КС РФ // Уголовный процесс. 2013. № 11.
14. *Муравьев К. В.* Суд как орган, исправляющий ошибки в применении уголовного закона // Уголовный процесс. 2013. № 11.
15. *Никонов М. А.* Переквалификация in devaforem // Уголовный процесс. 2013. № 11.
16. *Кальницкий В. В., Куряхова Т. В.* Предлагаемая процессуальная форма не соответствует содержанию // Законодательство и практика. 2014. № 1.
17. *Кальницкий В. В., Куряхова Т. В.* Возвращение уголовного дела прокурору судом первой инстанции ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Российская юстиция. 2019. № 12.
18. *Куряхова Т. В.* Возможность усиления обвинения при установлении судом фактических обстоятельств, существенно отличающихся от указанных в обвинительном заключении // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. : вып. 71/1. Томск, 2016.
19. *Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки.* М., 2016.

Предмет доказывания при рассмотрении судом в порядке ст. 125 УПК РФ жалоб на нарушение конституционных прав личности, допущенных на стадии возбуждения уголовного дела

Э. Р. Миргородская, Санкт-Петербургский университет МВД России
✉ mirgorodskaya1806@yandex.ru

Предметом настоящего исследования является проблема установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при рассмотрении судом в порядке ст. 125 УПК РФ жалоб на нарушение конституционных прав личности в стадии возбуждения уголовного дела. В результате анализа точек зрения ученых, правоприменительной практики судов, а также действующего законодательства делается вывод, что в настоящее время данный вопрос мало изучен в юридической литературе, хотя судебная практика выработала свой механизм по определению предмета доказывания. В заключение автором предлагается собственное видение разрешения поставленной проблемы с учетом сложившейся практики судов.

Ключевые слова: обстоятельства, подлежащие установлению; предмет; жалоба; судебное заседание; судебная практика; конституционные права; нарушение.

The Subject of Proof in Court's Consideration of Complaints about the Violation of the Constitutional Rights of an Individual Committed at the Stage of Initiating a Criminal Case (according to Article 125 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation)

E. R. Mirgorodskaya, the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ mirgorodskaya1806@yandex.ru

The subject-matter of the study is the problem of establishing the circumstances to be proven during court's consideration of complaints about the violation of the constitutional rights of the individual committed at the stage of initiating a criminal case (according to Article 125 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). The analysis of the scholars' views, law enforcement practice of the courts and current legislation enables the author to make the conclusion that the issue has not been sufficiently studied in the legal literature, though court practice has developed its own mechanism to define the subject of proof. The author's vision of solving the problem with regard to court practice is proposed.

Keywords: circumstances to be established; subject; complaint; court hearing; court practice; constitutional rights; violation.

Важное значение в теории доказывания имеет проблема изучения обстоятельств, подлежащих установлению. Следует отметить, что в ст. 74 УПК РФ определен предмет доказывания по уголовным делам. Но ничего не говорится о предмете доказывания в таком судебном контрольном производстве, как рассмотрение жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ. Между тем данный вопрос

является важным как с теоретической, так и с практической точек зрения. Расширение предмета доказывания ведет к необоснованному затягиванию сроков рассмотрения жалобы, выход за пределы полномочий суда, а его узкое понимание влечет отмену такого решения вышестоящей инстанцией и возвращение материалов производства на новое судебное рассмотрение.

В юридической литературе имеются различные точки зрения по поводу того, что является предметом доказывания. Рассмотрим некоторые из них.

В. И. Новик утверждает, что существует только один предмет доказывания в уголовном судопроизводстве. Ученый аргументирует свою позицию тем, что законодатель в ст. 73 УПК РФ закрепил, что в предмет доказывания входят как обстоятельства, подлежащие установлению, так и иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела [1, с. 47]. И. Б. Михайловская различает предмет доказывания по уголовному делу и предмет доказывания при избрании меры пресечения, при задержании, при разрешении ходатайства о допустимости конкретного доказательства [2, с. 92–98].

В. А. Лазарева выделяет также предмет доказывания по «„вспомогательным“ процессуальным вопросам (например, о применении меры пресечения)» [3, с. 137]. Т. Е. Сушина в монографическом исследовании «Доказывание и принятие решений в уголовном судопроизводстве», подготовленном коллективом авторов, выделяет предмет доказывания по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ. Автор отмечает, что предмет и пределы доказывания по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ в рамках разрешения уголовно-правового спора не могут отождествляться с предметом и пределами доказывания по уголовному делу в рамках разрешения уголовно-правового спора о виновности [4, с. 237].

Действительно, необходимо отграничить предмет доказывания по уголовному делу от иных предметов доказывания. В то время как вопрос об изучении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, рассматривался многими учеными [5, с. 188; 6, с. 20], проблема определения предмета доказывания по такому судебному-контрольному производству, как обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ, не получила в литературе однозначного разрешения. Рассмотрим некоторые точки зрения по определению обстоятельств, подлежащих установлению судом при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ.

Т. Е. Сушина в качестве обстоятельств, составляющих предмет доказывания, называет такие обстоятельства, которые «свидетельствуют о наступлении последствий в виде причинения ущерба конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затрудняют доступ граждан к правосудию» [4, с. 272]. Полагаем, данная точка зрения является небесспорной. Автор включила в предмет определение факта «наступления последствий». Однако законодательная формулировка «способные нарушить права личности» не означает обязательно-

го наступления негативных последствий. Таким образом, предмет обжалования законодательно сформулирован как действие (бездействие) или решение, которое способно нарушить права личности или ограничить право на доступ к правосудию.

Другие ученые в своих исследованиях выделяют предмет доказывания по отдельным категориям жалоб. Так, предмет доказывания при рассмотрении жалобы на постановление о приостановлении предварительного расследования, о продлении срока предварительного расследования изучались такими учеными, как В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, С. Р. Зеленин, П. Е. Кондратов, В. П. Степалин, Т. П. Хомицкая, А. С. Червоткин, М. С. Шалумов [7, с. 89–103].

Проблема определения предмета доказывания не разрешена ни на теоретическом уровне, ни на законодательном. В статье 125 УПК РФ также не регламентирован вопрос о том, какие обстоятельства подлежат установлению при рассмотрении судом жалобы. Постановление Пленума Верховного Суда № 1 от 10 февраля 2009 г. частично закрепило предмет доказывания по трем видам жалоб. Так, при рассмотрении жалобы на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела установлению подлежат факт соблюдения порядка рассмотрения сообщения о преступлении, наличие законных оснований для вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. При рассмотрении жалобы на постановление о прекращении уголовного дела необходимо установить, проверило ли или учло ли должностное лицо все обстоятельства, на которые указывает в жалобе заявитель, а также «могли ли эти обстоятельства повлиять на вывод о наличии оснований для прекращения уголовного дела»¹. В тексте вышеуказанного постановления не сказано об иных категориях жалоб, которые подлежат рассмотрению в порядке ст. 125 УПК РФ.

Таким образом, существующие в настоящее время рекомендации в постановлении Пленума Верховного Суда № 1 от 10 февраля 2009 г. устанавливают предмет доказывания при рассмотрении жалоб только на три процессуальных решения (постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, постановление о прекращении уголовного дела, постановление о возбуждении уголовного дела), не охватывая иные категории жалоб. Полагаем, что предмет доказывания по остальным категориям жалоб также нуждается в дальнейшей теоретической и законодательной разработке. В статье мы проанализируем как общий предмет доказывания по жалобам на действия (бездействие) и решения, совершаемые на стадии возбуждения уголовного дела, так и частный предмет доказывания на примере жалобы об оспари-

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вании факта нерегистрации сообщения, заявления о преступлении.

Несмотря на нерешенность данного вопроса законодателем, судами был обозначен определенный круг обстоятельств, которые устанавливаются при разрешении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ. Рассмотрим конкретные примеры судебной практики.

Чибаркульский городской суд Челябинской области, рассмотрев жалобу заявителя на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела:

- 1) установил факт:
 - регистрации заявления о преступлении в территориальном органе;
 - проведения доследственной проверки;
 - вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и оснований его принятия;
 - уведомления заявителя о вынесенном решении;
- 2) оценил законность и обоснованность принятого решения, а также соответствие проведенной проверки требованиям ст. ст. 20, 144, 145 и 151 УПК РФ; проверил доводы заявителя и нашел их несостоятельными;
- 3) проанализировал, было ли допущено должностным лицом причинение ущерба конституционным правам и свободам заявителя, затруднен ли доступ к правосудию².

В мотивировочной части постановления было отмечено, что при проведении доследственной проверки причинения ущерба конституционным правам заявителя не допущено, доступ к правосудию не затруднен. В итоге жалоба заявителя была оставлена без удовлетворения.

При рассмотрении другой жалобы на бездействие при проверке сообщения о преступлении суд ограничился установлением того факта, что «все обстоятельства, на которые указала сторона заявителя, подтверждаются материалом проверки заявления о преступлении. В судебном заседании подтверждено, что более одного года никакого процессуального решения по обращению гражданина не принято, что, безусловно, говорит о бездействии со стороны должностных лиц отдела полиции»³. Жалоба была удовлетворена в полном объеме. В описательно-мотивировочной части постановления видно, что суд не дал оценку полноты проведенной доследственной проверки, ограничившись проверкой довода заявителя о том, что решение по результатам проверки не

принято. Не указано также, нарушения каких норм закона были допущены должностным лицом, был ли причинен вред конституционным правам граждан или ограничен доступ к правосудию. А ведь это обстоятельство важно, потому что согласно постановлению Пленума Верховного Суда № 1 в случае обнаружения допущения иных нарушений прав суд выносит частное определение.

При проверке жалобы на бездействие, выразившееся в неуведомлении о результатах проведенной доследственной проверки, суд:

- 1) оценил доводы заявителя;
- 2) установил факт того, что уведомление заявителю не направлялось, копии решений не вручались;
- 3) выявил, что по материалам проверки никакой работы не ведется;
- 4) установил, что было допущено нарушение норм ст. ст. 144–145 УПК РФ. В связи с этим жалоба является обоснованной и подлежит удовлетворению⁴.

Невский районный суд г. Санкт-Петербурга, рассматривая жалобу на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, оценил:

- 1) полноту проведенных проверочных мероприятий;
- 2) обоснованность принятого решения.

Суд постановил удовлетворить жалобу заявителя на том основании, что отказ в возбуждении уголовного дела «ничем не мотивирован»⁵.

В последнем случае суд установил всего два обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Не было также определено, способно ли нарушить данное решение конституционное право лица или ограничить его право на доступ к правосудию.

Рассмотренные примеры судебной практики свидетельствуют об отсутствии единого алгоритма при определении предмета судебного обжалования, и, как следствие, о разной оценке существа жалобы. Это влечет вынесение незаконных, необоснованных решений.

Полагаем, что в целях выработки единообразной судебной практики вопрос о предмете доказывания по жалобам на действия (бездействия) или решения, совершенные или принятые на стадии возбуждения уголовного дела, может быть законодательно урегулирован и определен необходимый круг обстоятельств, подлежащих установлению. В качестве решения проблемы предлагаем возможным разделить

² Постановление Чибаркульского городского суда Челябинской области от 7 мая 2019 г. № 3/10-9/2019 // Архив Чибаркульского городского суда Челябинской области.

³ Постановление Невского районного суда по делу № 3/10-21/18 от 20 февраля 2018 г. // Архив Невского районного суда г. Санкт-Петербурга.

⁴ Постановление Невского районного суда по делу № 3/10-53/16 от 18 февраля 2016 г. // Архив Невского районного суда г. Санкт-Петербурга.

⁵ Постановление Невского районного суда по делу № 3/10-197/17 от 25 августа 2017 г. // Архив Невского районного суда г. Санкт-Петербурга.

жалобы в зависимости от того, на какой стадии судебного производства произошло действие, допущено бездействие или принято решение, способное ограничить конституционные права личности или ограничить право на доступ к правосудию (на стадии возбуждения уголовного дела или на стадии предварительного расследования), и установить общий предмет доказывания.

Кроме того, полагаем, что дальнейшей разработке также подлежат вопросы определения частного предмета доказывания по жалобам в зависимости от категории решения, действия (бездействия). В качестве примера авторского видения разрешения данной проблемы полагаем возможным привести следующий круг обстоятельств, подлежащих установлению при разрешении жалобы об оспаривании действия по не регистрации сообщения, заявления о преступлении.

1. Совершение лицом бездействия при обращении гражданина к должностному лицу с заявлением (сообщением) о подготавливаемом или совершенном преступлении, выразившегося в не регистрации в КУСП заявления о преступлении и не проведении по нему проверки:

— сам факт обращения гражданина (заявителя) к должностному лицу, ответственному за регистрацию сообщения о преступлении с указанием сведений, свидетельствующих об имеющихся признаках преступления;

— наличие в заявлении информации, свидетельствующей о признаках преступления (данный факт устанавливается в целях выяснения того, в каком порядке следует рассматривать заявление, обращение лица — в уголовно-процессуальном порядке как заявление о преступлении или в порядке, регулируемом приказом МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 как обращение, не содержащее информации о преступлении).

— факт не регистрации в КУСП заявления о преступлении.

2. Порядок совершения бездействия:

— соблюден ли порядок рассмотрения обращения.

3. Соответствие оспариваемого бездействия нормативно-правовому акту:

— соответствует ли содержание обжалуемого бездействия требованиям закона или иного нормативно-правового акта.

4. Нарушение оспариваемыми действиями конституционных прав и свобод либо ограничение права на доступ граждан к правосудию:

— было ли допущено данное нарушение (ограничение).

На основании вышеизложенного считаем необходимым сделать вывод, что установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, имеет важное практическое и теоретическое значение при разрешении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. В качестве авторского решения рассматриваемой проблемы предлагаем установить общий предмет доказывания при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ по жалобам на стадии возбуждения уголовного дела, дополнив ст. 125 УПК РФ частью 7 следующего содержания:

«При рассмотрении жалоб, поданных на действия (бездействия) и решения, способные ограничить конституционные права личности или ограничить право на доступ к правосудию на стадии возбуждения уголовного дела, судом подлежат установлению следующие обстоятельства:

1) факт совершения обжалуемого действия (бездействия), принятия решения;

2) соответствие принятого решения, а также совершенного действия (бездействия) требованиям законности, обоснованности, мотивированности;

3) доводы заявителя по жалобе;

4) способность обжалуемого действия (бездействия) и (или) решения нарушить конституционные права лица или ограничить его право на доступ к правосудию».

Представляется, что подобное нормативное регулирование рассмотренной проблемы позволило бы сформулировать единообразную судебную практику по определению предмета доказывания при рассмотрении судом жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, что в целом позитивно скажется на защите прав личности в досудебном производстве.

Список литературы

1. Новик В. И. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России : учеб. пособие. М., 2011.
2. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008.
3. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практич. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
4. Антонович Е. К., Вилкова Т. Ю., Володина Л. М., Воронин М. И. [и др.]. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве. М., 2017.
5. Строгович М. С. Избранные труды. Т. 3 : Теория судебных доказательств. М., 1991.
6. Боруленков Ю. П. Предмет доказывания как категория // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4.
7. Давыдов В. А., Дорошков В. В., Зеленин С. Р. [и др.]. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Часть 1. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Роль полиции в осуществлении контроля за оборотом гражданского оружия в современных условиях

О. С. Гоман, Омская академия МВД России

✉ beresh_olga@mail.ru

В. И. Сургутсков, Омская академия МВД России

✉ Surgutskov55@mail.ru

Основной целью исследования является разработка на основе анализа нормативных правовых актов, правоприменительной практики предложений, направленных на совершенствование деятельности, связанной с осуществлением полицией контроля за оборотом гражданского оружия. Обширный диапазон полномочий МВД России в сфере оборота оружия дает возможность продолжать считать его, наряду с Росгвардией, полноценным субъектом контроля, а также предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений в данной сфере. Отсутствие четкого правового регулирования вопросов взаимных полномочий полиции и территориальных подразделений Росгвардии в области контроля за оборотом оружия осложняет их взаимодействие, снижает эффективность реализации поставленных перед ними задач. Авторами выявлен существенный правовой пробел в перечне законодательно закрепленных правомочий полиции по контролю за оборотом гражданского оружия.

Ключевые слова: МВД России; Росгвардия; органы внутренних дел; полиция; контроль; гражданское оружие; оборот гражданского оружия; взаимодействие.

The Role of Police in Control over Civil Weapon Trafficking under Modern Conditions

O. S. Goman, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ beresh_olga@mail.ru

V. I. Surgutskov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ Surgutskov55@mail.ru

The primary purpose of the research is, following the analysis of regulatory legal acts and law enforcement practice, to develop proposals aimed at improving the activities related to the police control over civil weapon trafficking. A wide range of powers of the Russian Ministry of Internal Affairs in the field of arms trafficking makes it possible to continue considering it, along with the Russian Guard, a full-fledged subject of control, as well as of prevention and suppression of crimes and administrative offenses in this area. Lack of strict legal regulation of issues of mutual powers of police and territorial units of the Russian Guard in the field of control over arms trafficking hinders their cooperation, decreases the effectiveness of the implementation of their tasks. The authors reveal a significant legal gap in the list of legislatively reserved powers of the police in the control over civil weapon trafficking.

Keywords: the Russian Ministry of Internal Affairs; the Russian Guard; law enforcement bodies; police; control; civil weapon; civil weapon trafficking; cooperation.

За последние двадцать лет система государственных органов, обеспечивающих законность и правопорядок в нашей стране, подвергалась неоднократным изменениям. Образование или упразднение тех или

иных органов публичной власти всегда имеют объективную причину, направлены на совершенствование правоприменения в различных областях общественно полезной деятельности. Не являются исключением

и сферы, в рамках которых обеспечивается государственная и общественная безопасность.

Масштабные преобразования в так называемом силовом блоке федеральных органов исполнительной власти произошли в 2016 г. Во-первых, были упразднены ФСКН России и ФМС России¹. Их функции и штатная численность переданы МВД России. Во-вторых, образована Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия). Нормативно определено, что Росгвардия представляет собой федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, частной охранной деятельности, частной детективной деятельности и в сфере вневедомственной охраны².

Контрольные функции по обеспечению режима оборота гражданского оружия также возложены на МВД России, Министерство промышленности и торговли Российской Федерации, Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии, Федеральную таможенную службу, органы, осуществляющие государственный надзор за соблюдением правил охоты, рыболовства, охраны природы и природных ресурсов, в случаях пресечения нарушений законодательства Российской Федерации об охране окружающей природной среды в пределах их компетенции.

Несмотря на передачу от МВД России Росгвардии большей части полномочий в сфере оборота оружия, органы внутренних дел, ядро которых составляет полиция, продолжают участвовать в осуществлении контрольных мероприятий в данном направлении. К сожалению, в научных работах, изданных за последние годы, комплексного анализа всего объема полномочий полиции по контролю за оборотом оружия не проводилось. В основном авторы ограничивались рассмотрением отдельных проблем правоприменительной деятельности участковых уполномоченных полиции [1, с. 32–33; 2, с. 153–156], что, конечно же,

нельзя считать достаточным для целостного представления об объеме и границах компетенции полиции в сфере оборота гражданского оружия.

Прежде всего следует отметить, что в соответствии со ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее по тексту — Закон о полиции) ее сотрудники задействованы в мероприятиях по контролю за обеспечением условий хранения (сохранностью) гражданского, служебного, боевого и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан. Они осуществляют эту работу на основании мотивированных письменных запросов должностных лиц подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии и в случаях непосредственного выявления нарушений правил оборота оружия при выполнении ими своих непосредственных обязанностей, в том числе при осуществлении процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий, профилактического обхода участковыми уполномоченными полиции административных участков, проведения индивидуальной профилактической работы с гражданами. На сотрудников полиции возложена обязанность по изъятию оружия, принадлежавшего умершему собственнику, но только в тех местностях, где отсутствуют подразделения Росгвардии. В соответствии с требованиями Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» сотрудники полиции производят изъятие оружия при выявлении граждан, находящихся с оружием в общественных местах в состоянии опьянения либо нарушающих иные правила оборота оружия. Подразделения полиции и Росгвардии также обязаны обмениваться информацией об утраченном, добровольно сданном, найденном и изъятом ими оружии³. Кроме того, они наделены полномочиями по осуществлению приема и хранения изъятого, добровольно сданного и найденного огнестрельного, газового, холодного и иного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ⁴.

¹ О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции : указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Порядка взаимодействия Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, ее территориальных органов и органов внутренних дел Российской Федерации по вопросам, отнесенным к их компетенции в сфере оборота оружия : приказ Росгвардии и МВД России от 22 февраля 2019 г. № 54/90. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении Порядка осуществления приема изъятого, добровольно сданного, найденного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ : приказ МВД России от 17 декабря 2012 г. № 1107. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Порядка приема изъятого, добровольно сданного и найденного огнестрельного, газового, холодного и иного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, взрывных устройств, взрывчатых веществ в войсках национальной гвардии Российской Федерации : приказ Росгвардии от 15 января 2018 г. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Территориальные органы МВД России обязаны проводить по направлению Росгвардии контрольный отстрел из гражданского и служебного огнестрельного оружия с нарезным стволом, за исключением вновь изготовленного оружия перед его реализацией⁵. Обязанности, связанные с хранением изъятого, добровольно сданного, конфискованного гражданского оружия, проведением контрольного отстрела гражданского нарезного оружия, уничтожением оружия, боеприпасов, патронов к оружию, которые изъяты органами внутренних дел по уголовным делам, а также ведением соответствующих учетов, по-прежнему выполняются МВД России. Очевидно, что их непосредственная реализация требует наличия развитой материально-технической базы (складские помещения, тир, специальные установки, пулеулавливатели и т. д.), а также квалифицированных кадров. Росгвардия в настоящее время не располагает в полной мере необходимыми ресурсами, поэтому предположим, что именно это обстоятельство послужило основной причиной сохранить перечисленные выше обязанности в МВД России.

В Законе о полиции также определены права сотрудников полиции, которые, на наш взгляд, не обеспечивают в полной мере реализацию их обязанностей по осуществлению контроля в сфере оборота гражданского оружия. Разъясним нашу позицию. В статье 13 называются следующие правомочия должностных лиц полиции в сфере оборота оружия:

1) осуществлять личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, изымать указанные предметы при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения; участвовать в досмотре пассажиров, их ручной клади и багажа на железнодорожном, водном или воздушном транспорте, метрополитене и других видах внеуличного транспорта либо осуществлению такого досмотра самостоятельно в целях изъятия вещей и предметов, запрещенных для перевозки транспортными средствами (п. 16). Чаще всего указанные права реализуются участковыми уполномоченными полиции, сотрудниками патрульно-постовой службы полиции, инспекторами ДПС ГИБДД в связи с осуществлением общего административного надзора, а не систематических мероприятий по контролю за конкретными владель-

цами оружия (так называемого специального административного надзора) [3, с. 14; 4, с. 137–138];

2) проверять места хранения, торговли, коллекционирования и экспонирования оружия, основных частей огнестрельного оружия, *если имеются данные, дающие основания подозревать граждан в совершении преступления, либо имеется повод к возбуждению дела об административном правонарушении* (курсив наш. — О. Г., В. С.); проверять у граждан документы, подтверждающие законность владения (использования) ими гражданским или служебным оружием.

Казалось бы, такой ограниченный названными причинами формат проведения проверочных мероприятий, который установлен в Законе о полиции, не предполагает участия ее сотрудников в осуществлении контроля за владельцами оружия вне рамок административно-юрисдикционных процедур. На самом деле это не так. Ныне действующий Порядок взаимодействия Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, ее территориальных органов и органов внутренних дел Российской Федерации по вопросам, отнесенным к их компетенции в сфере оборота оружия⁶, наделил сотрудников полиции правами, которые они реализовывали до 2016 г. Профессор В. В. Черников совершенно правильно акцентирует внимание на том, что «нередко правительственные постановления и ведомственные акты вместо конкретизации норм федерального закона содержат первичные правила поведения» [5, с. 24]. Приходится констатировать, что данный ведомственный нормативный правовой акт фактически заполнил пробелы Закона о полиции, существенным образом расширив компетенцию полиции в сфере контроля за оборотом гражданского оружия, одновременно ограничив права и законные интересы граждан. Не будем забывать, что согласно ст. 25 Конституции РФ жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения. В связи с этим возникает обоснованное сомнение в правомерности требований сотрудников полиции о вхождении в жилище граждан при отсутствии законодательно установленных правомочий. При этом их насущная необходимость для обеспечения общественной безопасности нами не оспаривается.

⁵ Об утверждении Порядка выдачи направления на проведение контрольного отстрела из гражданского и служебного огнестрельного оружия с нарезным стволом и Порядка организации проведения контрольного отстрела из гражданского и служебного огнестрельного оружия с нарезным стволом : приказ Росгвардии и МВД России от 9 августа 2018 г. № 372/506. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Технических требований к контрольному отстрелу из гражданского и служебного огнестрельного оружия с нарезным стволом и Требований к учету пуль и гильз, передаваемых в федеральную пулегилизотеку : приказ МВД России от 31 мая 2018 г. № 343. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Утвержден совместным приказом Росгвардии и МВД России от 22 февраля 2019 г. № 54/90.

Предлагаем перенести изложенные в приказе права полиции в Закон о полиции, сформулировав пункт 22 части 1 ст. 13 следующим образом: «Проверять места хранения оружия и патронов, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан на основании мотивированных письменных запросов подразделений лицензионно-разрешительной работы федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере оборота оружия, если местом жительства гражданина является сельское поселение либо отдаленная, труднодоступная местность, в которых отсутствует подразделение территориального органа федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере оборота оружия, при невозможности проведения проверочных мероприятий самостоятельно в случаях обращения граждан в федеральный орган исполнительной власти или его территориальные органы по вопросам продления срока действия или переоформления разрешений (лицензий) на хранение, хранение и ношение оружия и патронов, приобретения (получения во временное пользование) оружия и патронов; проверять места хранения, торговли, коллекционирования и экспонирования оружия, основных частей огнестрельного оружия, если имеются сведения, дающие основания подозревать граждан в совершении преступления, либо имеется повод к возбуждению дела об административном правонарушении; проверять у граждан документы, подтверждающие законность владения (использования) ими гражданским или служебным оружием».

Продолжая анализировать компетенцию полиции в сфере контроля за оборотом оружия, отметим, что ее сотрудники согласно ч. 3.1 ст. 17 Закона о полиции вправе использовать банки данных о лицах, владеющих оружием⁷.

Инструкция по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, утвержденная приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205⁸, устанавливает, что участковый участвует в мероприятиях по контролю за обеспечением условий хранения (сохранностью) гражданского оружия, боеприпасов, патронов к оружию, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан. Обязанностью участкового является ве-

дение списочного учета граждан — владельцев оружия, проживающих на территории его обслуживания. Данные списки ведутся в целях принятия своевременных мер при возникновении конфликтных ситуаций либо при получении в отношении граждан оперативно значимой информации.

Обращаем также внимание на то, что в настоящее время только полиция осуществляет контроль за оборотом гражданского оружия, которое не подлежит учету в подразделениях лицензионно-разрешительной работы Росгвардии, например, пневматического или списанного оружия. Нельзя не выделить тот факт, что информация об утраченном гражданском оружии концентрируется в МВД России, а Росгвардия не располагает такой информационной базой.

Не стоит забывать и о профилактических мероприятиях, проводимых органами внутренних дел в сфере оборота оружия. В практической деятельности территориальных органов МВД России на постоянной основе реализуются комплексные оперативно-профилактические операции в части соблюдения правил оборота оружия и правил охоты, которые объединяют в себе совокупность оперативно-розыскных, контрольно-надзорных, профилактических и иных мероприятий, проводимых ими как самостоятельно, так и с другими заинтересованными органами. В ходе проведения таких мероприятий сотрудники полиции наделены правом пресечения любых административных правонарушений, перечисленных в главе 20 КоАП РФ, видовым объектом которых выступают урегулированные правовыми нормами общественные отношения в сфере оборота оружия.

Отметим, что на федеральном уровне условия, порядок и полномочия по добровольной сдаче оружия, находящегося в незаконном обороте, до настоящего времени не определены. Правовое регулирование данных вопросов осуществляется субъектами Российской Федерации самостоятельно. Работу, связанную с добровольной сдачей оружия, находящегося в незаконном обороте, по-прежнему проводят органы внутренних дел [6, с. 40–51]. По данным МВД России, в 2020 г. населением сдано более 66,9 тыс. единиц оружия и 265,5 тыс. патронов⁹.

Таким образом, обширный диапазон полномочий МВД России в сфере оборота оружия дает воз-

⁷ Об утверждении Порядка предоставления полиции доступа к банкам данных о лицах, получивших удостоверение частного охранника, частного детектива, и лицах, владеющих оружием : приказ Росгвардии и МВД России от 26 июня 2017 г. № 188/417. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности : приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Результаты реализации государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» в 2020 году. URL: https://xn--b1aew.xn--plai/dejatelnost/results/annual_reports (дата обращения: 09.06.2022).

возможность продолжать считать его полноценным субъектом контроля, а также предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений в данном направлении.

В завершение проведенного анализа нельзя не сказать о том, что отсутствие единого подхода к правовому регулированию и стратегическим направлениям государственной политики рассматриваемых общественных отношений не позволяют в полной мере управлять процессами легального оборота гражданского оружия. Данное обстоятельство указывает на необходимость принятия взвешенных и системных, а не стихийных и, как полагают

некоторые авторы, поверхностных решений [7, с. 32], к тому же, по нашему мнению, преимущественно направленных на ужесточение действующего «оружейного» законодательства. Слаженность действий правоохранительных (полицейских) органов в сфере оборота оружия в настоящее время остается главной задачей. Именно межведомственные механизмы взаимодействия позволят обеспечить стабильную, сплоченную и эффективную систему государственного контроля за оборотом гражданского оружия с четкой регламентацией полномочий, в том числе по применению отдельных мер административно-правового принуждения.

Список литературы

1. *Старостин А. А., Яценко Ж. Д.* Вопросы взаимодействия участковых уполномоченных полиции с подразделениями лицензионно-разрешительной работы Росгвардии по контролю за соблюдением гражданами законодательства Российской Федерации в области оборота оружия // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 1.
2. *Кученин Е. С.* К вопросу о полномочиях участковых уполномоченных полиции в сфере контроля за оборотом гражданского оружия // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1.
3. *Котюргин С. И.* Специальный надзор милиции (Проблемы, задачи, функции). Омск, 1973.
4. *Административная деятельность полиции.* Часть Общая: учебное пособие / под ред. проф. О. И. Бекетова. Омск, 2015.
5. *Черников В. В.* Актуальные вопросы качества полицейского законодательства России // Административное право и процесс. 2021. № 7.
6. *Сургутсков В. И., Гоман О. С.* Организация деятельности территориальных органов МВД России и Росгвардии по реализации полномочий, связанных с приемом у населения оружия, боеприпасов и иных видов вооружения, находящихся в незаконном обороте // Полицейская и следственная деятельность. 2020. № 3.
7. *Шмидт А. А.* Ограничение права на приобретение и владение гражданским оружием по медицинским показаниям: приглашение к дискуссии // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 9.

УДК 340.113.2:81'33 © Т. В. Варлакова, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-487-327-333

Анализ языковых особенностей норм уголовного права

Т. В. Варлакова, Академия управления МВД России

✉ vvt771@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению языковых особенностей норм уголовного права. Толкование уголовно-правовых норм является неотъемлемой частью процесса осознания их содержания и обоснованного применения. В ходе толкования устанавливается смысл, общественное предназначение, последствия применения нормы. Сложное комплексное явление, которое представляет собой толкование уголовно-правовой нормы, включает мыслительную деятельность человека в целях познания, получения сведений в области права, а также правильного, единообразного применения ее предписаний специалистом. Точность изложения мысли законодателя обусловлена выбором языковых средств, построением конструкции в рамках нормы права. Правоприменительная практика выявляет проблемы, связанные с неудачным выбором средств языка, употреблением неоправданно объемных конструкций при формулировании уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: уголовный закон; языковые особенности; нормы уголовного права; юридический термин; лексические, морфологические, синтаксические особенности уголовно-правовых норм.

Analysis of Linguistic Peculiarities of the Norms of Criminal Law

T. V. Varlakova, the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ vvt771@yandex.ru

The article considers the linguistic peculiarities of norms of criminal law. The interpretation of norms of criminal law is an integral part of the process of comprehension of their content and substantiated application. In the course of interpreting, the meaning, social purpose and consequences of the application of the norm are established. Interpretation of the norm of criminal law is a complex phenomenon which includes human thinking activity for learning, obtaining information in the field of law as well as for appropriate uniform application of its enactment by the specialist. The accuracy of the statement of the legislator's thought is determined by the choice of language means, the formation of the structure within the framework of the rule of law. Law enforcement practice reveals the problems connected with improper choosing of language means and the use of unreasonably voluminous structures in the formulation of criminal law norms.

Keywords: criminal law; linguistic peculiarities; norms of criminal law; legal term; lexical, morphological, syntactic features of norms of criminal law.

Нормы уголовного права отражают применение официального языка нашего государства в специальных целях. Такое применение должно соответствовать строгим требованиям точности, ясности, лаконичности, однозначности выражения мысли, доступности для понимания неспециалисту в области юриспруденции, следовательно, любому гражданину РФ. Языковые особенности норм уголовного права отражают специфику выбранных законодателем лексических и грамматических средств, служащих для выражения содержания нормативных правовых предписаний уголовного закона. Проведенный в рамках исследования анализ уголовно-правовых норм показывает неполное соответствие требованиям, предъявляемым к языковому оформлению нормативных правовых актов в области уголовного права.

Целью данной работы стало содействие совершенствованию качества подготовки текстов законов, уточнение отдельных фрагментов уголовного законодательства, повышение качественного уровня используемого в уголовно-правовых нормах языкового материала.

Исследование выполнено на материале текста действующего Уголовного кодекса Российской Федерации. При проведении исследования применялись описательный, структурный методы, метод компонентного анализа, систематизации, использовались наблюдение, сравнительно-сопоставительный метод, обобщение. В ходе анализа использовались лингвистические методы, позволяющие осуществить диахронический подход, установить состояние единицы языка в прошлом; а также синхронический подход, характеризующий современное состояние исследуемого материала.

В соответствии с уровнями системы русского языка выделяют лексические, морфологические, синтаксические особенности норм уголовного права. В зависимости от специфических черт, реализуемых через выбор конкретных языковых средств при формулировании уголовно-правовых норм, можно говорить об определенных требованиях к их построению. Одно из наиболее важных требований касается использования терминологической лексики. Терминологическая единица должна быть однозначной, определение значения такой единицы дается в за-

коне, отражающем уголовно-правовые нормы, или в научной, справочной литературе [1; 2]. Например, законодатель дает определение основополагающего для уголовного права термина *преступление* и подробно характеризует категории преступных деяний в статьях 14, 15 главы 3 второго раздела УК РФ: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания».

Не подлежит сомнению также, что содержание нормы уголовного права непосредственно связано с толкованием значения юридического термина, который входит в название статьи УК РФ. Так, статья 354¹ «Реабилитация нацизма» предполагает точное понимание термина «реабилитация», поскольку данное слово входит в название статьи. Нами проанализированы данные словарей: лингвистических, энциклопедических, юридических терминов, уголовно-правовой терминологии. В исследованных изданиях отсутствует термин «реабилитация нацизма». Указываются, например, такие термины, как «реабилитация», «реабилитация больных наркоманией», «реабилитация инвалидов»¹; «реабилитация», «реабилитация инвалидов», «реабилитация репрессированных народов»².

Значение слова «реабилитация» в словарях представлено следующим образом: «реабилитация — *книжн.* Восстановление прежней, незапятнанной репутации, опровержение обвинений. Снятие обвинения и полное восстановление в правах по суду (право)»³; «реабилитация — восстановление доброго имени лица, незаконно привлекавшегося к уголовной ответственности, его нарушенных или ограниченных имущественных и иных прав и законных интересов»⁴; «реабилитация (*правовая область*) в юриспруденции имеет значение „восстановление в правах“»⁵. В качестве примера в последнем случае приводится часть конструкции: «По российскому праву реабилитацией лица, которое привлекалось в качестве обвиняемого или было признано виновным по приговору суда...». В некоторых словарях термин «реабилитация», а также термины, включающие в свой состав данное слово, не отражены⁶.

При сопоставлении терминологической единицы «реабилитация нацизма» и, например, терминов «реабилитация», «реабилитация инвалидов» обна-

¹ Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации. М., 2014. URL: <https://docs.yandex.ru/docs> (дата обращения: 25.04.2022).

² Большой юридический словарь. URL: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law17.php (дата обращения: 25.04.2022).

³ Большой словарь иностранных слов русского языка. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words (дата обращения: 25.01.2022).

⁴ Словарь по конституционному праву. URL: <https://gufo.me/dict/constitutionallaw> (дата обращения: 7.02.2022).

⁵ Большой энциклопедический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/bes> (дата обращения: 25.01.2022).

⁶ Словарь основных уголовно-правовых понятий и терминов. URL: <https://1027.slovaronline.com/articles/%D0%A0/page-1> (дата обращения: 25.04.2022) ; Словарь-справочник уголовного права. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/criminal-law/index.htm#208> (дата обращения: 25.04.2022).

руживаются серьезные различия в значении. Когда слово «реабилитация» употребляется как отдельный термин либо с присоединением поясняющих слов, такие терминологические единицы несут положительную смысловую нагрузку, потому что отражают возможности восстановления справедливости, возвращения человека в состояние, дававшее ему большую свободу действий; применения способностей, реализации желаний, достижения поставленных целей. При этом такие термины, как реабилитация нацизма, не являются названием преступления, а напротив, отражают процессы восстановления прав граждан, имеют в виду устранение отрицательных последствий воздействия других лиц или влияния жизненных обстоятельств.

Как видим, во всех представленных в словарях толкованиях термин «реабилитация» применяется в отношении лиц, ранее незаконно привлекавшихся к уголовной ответственности либо подвергавшихся гонениям, политическим репрессиям, чьи имущественные и иные права и законные интересы были нарушены. В отношении идеологии, практической реализации такой идеологии, поведения, предполагающего следование постулатам этой идеологии, данный термин в словарях не рассматривается, соответствующее значение отсутствует. Понимание признаков уголовно наказуемого деяния, подразумеваемого анализируемым термином «реабилитация нацизма», «определяется употреблением таких конструкций, как: отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала»; «одобрение преступлений, установленных указанным приговором» и др.

Наименование и содержание ст. 354¹ УК РФ активно обсуждается юристами со времени разработки проекта нормативного акта. Специалисты также отмечают, что термин «реабилитация» используется в данной статье в значении, которое не соответствует его определению, приведенному в ст. 5 УПК РФ. (Под реабилитацией понимается восстановление прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию). Правительство РФ в отзыве от 3 февраля 2014 г. указывало на отмеченное несоответствие содержания проекта закона и вышеприведенного толкования, однако замечание не было учтено, изменения в подготовленный текст не вносились⁷.

Разделяем точку зрения в отношении словосочетания терминологического характера «реабилитация нацизма», высказанную в уголовно-правовой литературе после введения Федеральным законом

от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ⁸ ст. 354¹, установившей ответственность за реабилитацию нацизма в УК РФ. Специалисты в области уголовного права обращают внимание на неудачность названия ст. 354¹, объясняя такую позицию несоответствием термина «реабилитация» содержанию данной статьи, а также тому смыслу, который вкладывается в это понятие в области права. При этом отмечается, что в уголовном процессе реабилитация в соответствии с представленным в УПК РФ значением предполагает положительную направленность намерений и действий. В настоящее время, по мнению юристов, статья 354¹ УК РФ является единственной в российском уголовном законе, в которой говорится о реабилитации как о преступлении. В данной статье уголовного законодательства под реабилитацией подразумевается общественно опасное деяние, а не восстанавливающие права граждан действия должностных лиц [3, с. 495].

Авторы научных публикаций, анализируя состав преступления «реабилитация нацизма», высказывают серьезные замечания сущностного и технико-юридического плана, что «свидетельствует о низком профессиональном уровне законодателя или о низкой экспертной оценке проектов законодательных актов» [4].

К выводам, в целом совпадающим с высказанными в данной работе, приходит М. Г. Левандовская и отмечает, что ни отечественный законодатель, ни Верховный Суд РФ до настоящего времени не дали официального толкования того, что законодателем подразумевается под действиями, указанными в ст. 354¹ УК РФ. По мнению ученого, оставляя действующую редакцию названной статьи без изменений, не давая официальных разъяснений по тем позициям, которые нами определены выше, законодатель размывает границы действия уголовного закона и свободы слова. Свою точку зрения М. Г. Левандовская объясняет тем, что буквальное толкование статьи не позволяет определить границы между реализацией прав и свобод, злоупотреблением и запретом на их реабилитацию в сфере противодействия проявлениям нацизма [5, с. 161].

Таким образом, вполне оправданным представляется уточнение толкования значения рассматриваемого термина. Важность четкой передачи содержания понятия подчеркивает, формулируя основные правила и приемы определения юридических понятий в языке нормативных правовых актов, Т. В. Губаева, которая пишет о необходимости создания нормативных дефиниций в случае, если в рамках

⁷ Гаганов А. Актуальный комментарий. URL: <https://rusrand.ru/actuals/peresmotra-istorii-ne-budet> (дата обращения: 25.04.2022).

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

конкретного юридического текста данное понятие специфично [6, с. 68].

Актуальность ведения работы по созданию четких, точных, полных определений уголовно-правовых понятий подтверждается постановкой такого рода задач на самом высоком уровне. Так, по итогам заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 9 декабря 2021 г., в ходе которого обсуждались проблемы применения законодательства в уголовно-правовой сфере, связанные с содержанием понятия «пытка», избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, институтом необходимой обороны, главой государства утвержден перечень поручений, в том числе: рекомендовать палатам Федерального Собрания Российской Федерации рассмотреть проект федерального закона, уточняющего понятие «пытка» в соответствии с Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 39/46 от 10 декабря 1984 г.) и устанавливающего усиление ответственности за совершение представителями власти уголовно наказуемого деяния с применением пытки.

В качестве другой языковой особенности уголовно-правовых норм следует указать функционирование устойчивых словосочетаний, которые относятся к терминологической лексике: *общественная опасность, уголовная ответственность, общественно опасное деяние, обратная сила уголовного закона, отягчающие обстоятельства* и др. Слова соединяются в словосочетания, а затем образуют предложения на основе такого свойства, как лексическая сочетаемость. Когда говорится об устойчивых словосочетаниях, имеется в виду, что есть особые языковые единицы — словосочетания, состав которых предопределен языковой традицией, многолетним употреблением в одном и том же составе в какой-то отрасли знаний, сфере деятельности человека. В данном случае мы говорим об уголовном праве и его нормах. Произвольное изменение таких словосочетаний, присоединение другого компонента (зависимого слова) к главному ведет не только к нарушению представлений о правильности употребления закрепленных в данной области лексических единиц, но и к искажению толкования, понимания уголовно-правовых норм.

Понятие «устойчивое словосочетание» включает широкий круг явлений, объединяемых характеристикой «воспроизводимое соединение слов»⁹. Воспроизводимое, т. е. регулярно повторяющееся

в одном и том же составе, без возможности внести изменения в данный состав элементов либо с крайне ограниченной возможностью сделать это: «принять меры», «отдавать себе отчет», «привлечь внимание», «иметь значение», «выполнять функцию», «отметить недостатки».

Кроме того, выделяют устойчивые словосочетания — термины. Поскольку такие сферы, как юриспруденция, уголовное право основаны на применении русского литературного языка, уголовно-правовая терминология образуется посредством основных способов создания новых единиц в языке [7, с. 255]. Один из таких способов — словосочетание, т. е. создание новой языковой единицы путем соединения двух или более самостоятельных слов на основе одного из видов подчинительной связи: согласования, управления, примыкания. В нормативных правовых актах термины-словосочетания могут быть простыми (состоящими из двух слов: *мировой судья, родительские права, мера пресечения*) и сложными (состоящими из трех и более слов: *особо тяжкие преступления, гласность судебного разбирательства*) [6, с. 53–54]. Как уже говорилось, такие терминологические единицы являются устойчивыми словосочетаниями, поскольку обладают признаком особой спаянности компонентов, употребляются в одном и том же составе или в строго ограниченном количестве вариантов.

Отметим также характерную черту, выявленную в ходе анализа текстов уголовно-правовых норм на лексическом уровне, — присутствие слов, которые образуют антонимические пары: освобождение (ст. 79 УК РФ) — задержание (ст. 301 УК РФ), наказание (ст. 43 УК РФ) — оправдание (ст. 205² УК РФ), отягчающие (ст. 63 УК РФ) — смягчающие (ст. 61 УК РФ), частичное — полное (сложение наказаний) (ст. 69 УК РФ), небольшой тяжести — особо тяжкие преступления (ст. 15 УК РФ).

В ходе анализа Уголовного кодекса Российской Федерации нами не обнаружено единиц, являющихся профессионализмами, относящихся к жаргонной, просторечной лексике или отличающихся эмоционально-экспрессивной окраской, что соответствует закреплённым в законодательстве о государственном языке РФ требованиям, нормам литературного языка. Диалектизмы, жаргонизмы, просторечие, профессионализмы как языковые подсистемы образуют совокупность нелитературных разновидностей национального языка [8, с. 399]. Особенностью такой группы языковых единиц, как профессионализмы, отмечают лингвисты, является отнесенность к специальной лексике. Но при этом

⁹ Розенталь Д. Э. Справочник русского языка. URL: <http://rozentalk.ru/xxxv-vybor-slova-ustoychivogo-sochetaniya/ss-144-vybor-ustoychivogo-slovosochetaniya/> (дата обращения: 28.04.2022).

профессионализмы образуют нелитературную разновидность национального русского языка. Они отличаются от терминов тем, что не входят в литературный язык. Это слова и выражения, которые используются исключительно в устной речи людей определенной профессии, не являются научно определенными, официально признанными названиями тех или иных предметов, действий, процессов, связанных с данной сферой, например, *висяк*, *глухарь* — нераскрытое дело. Жаргонизмами называются слова и выражения, используемые преимущественно в устном общении представителями относительно устойчивой социальной группы, объединяющей людей по различным признакам: по роду деятельности (жаргон рыбаков, охотников), по занятиям, интересам (жаргон филателистов) или по возрасту (молодежный жаргон)¹⁰.

Поскольку данная работа посвящена языковым особенностям норм уголовного права, а однословные юридические термины — это изначально слова, относящиеся к какой-либо разновидности русского языка (нелитературной или литературной), проведенный нами лингвистический анализ таких единиц выполнен с учетом сведений из словарей русского языка, изданных в разные годы. Собранный информация позволяет осуществить диахронический и синхронический подход к исследованию описываемых единиц.

Так, для обозначения понятия «банда» выбрано слово, относящееся в соответствии с данными проанализированных словарей к разговорной речи, не к жаргонной лексике или иной нелитературной разновидности языка. Данный термин употреблен в ст. 209 УК РФ «Бандитизм» как синоним по отношению к термину «устойчивая вооруженная группа» и дается в скобках: «1. Создание устойчивой вооруженной группы (банды)... 2. Участие в устойчивой вооруженной группе (банде)...».

Термин «банда» и оформляемые, употребляемые аналогичным образом называются дублетами по отношению к основному термину, который находится на первом месте, оформляется без скобок. Толкование данного термина сформулировано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»¹¹. Под бандой в соответствии с текстом документа понимается устойчивая организованная вооруженная группа из двух и более лиц, предварительно объединившихся для совершения нападений на граждан или организации.

В словаре В. И. Даля толкование данного слова представлено посредством приведения ряда синонимов: «банда — толпа, шайка, ватага, артель, скоп, соглас, общество, братство или союз в дурном значении»¹². В других словарях значения слов «шайка», «банда» передаются таким образом: «шайка — группа людей, объединившихся для разбоя или какой-либо иной преступной деятельности»; «банда — разг., компания людей, объединенных общими интересами (обычно недостойными, предвзятными)»¹³. Таким образом, ученые полагают, что слова «банда», «шайка» являются тождественными или близкими по смыслу, относятся к разговорной речи, обладают негативной оценочной семантикой.

Показательно, что в теории советского уголовного права особое внимание уделялось вопросу о соотношении данных понятий, что вполне объяснимо исходя из ранее проведенного анализа. Законодательные решения в отношении понятий шайки и банды до 1947 г., по мнению одного из авторов, способствовали тому, что названные понятия не отличались одно от другого. После издания указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. в советской уголовно-правовой науке устанавливается новый подход в отношении толкования содержания термина «шайка». При этом единственным существенным отличием шайки от банды было четкое ограничение целей шайки — совершение краж [9, с. 320]. В связи с этим, полагает исследователь, законодатель поступил правильно, исключив из УК РСФСР 1960 г. понятие шайки, оставив поддающееся более четкому определению понятие банды [9, с. 324].

В соответствии с нормами литературного языка, которые предъявляются к юридической речи, подобные единицы (*шайка*, *банда*) не должны употребляться в качестве терминологических. Однако данное требование, как показывает исследование, не всегда в полной мере соблюдается в законодательстве РФ, хотя термин «банда» выносится на второй план и дается в скобках.

Обращаясь к описанию результатов нашего исследования на морфологическом и синтаксическом уровнях русского языка, следует отметить, что довольно распространенная черта (на морфологическом уровне) деловой речи, частью которой являются нормы права, юридические тексты, — использование сложносокращенных слов — находит свое выражение в уголовно-правовых нормах редко. В поясняющего характера конструкциях использованы общепринятые сокращения: УК, РФ, ФЗ. Полагаем, что

¹⁰ Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/481c.html> (дата обращения: 28.04.2022).

¹¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://gufo.me/dict/dal/> (дата обращения: 07.02.2022).

¹³ Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://vslovari.ru/> (дата обращения: 07.02.2022).

данный подход оправдан, поскольку подробное, исключающее частое применение сложносокращенных слов, изложение сути уголовно-правовых норм позволяет обеспечить их точное понимание со стороны граждан и правоприменителя.

На синтаксическом уровне следует отметить такую характерную для деловой речи и в том числе для законодательных актов черту, как употребление осложненных однородными членами простых предложений. Например, в ст. 65 УК РФ мысль законодателя выражена с помощью конструкции с однородными членами. Однородные члены в анализируемом предложении выделены нами: «**срок или размер наказания**»; «**виновным ... , но заслуживающим снисхождения**», «**наиболее строгого вида наказания, предусмотренного**». В анализируемой конструкции три ряда однородных членов. Важно понимать, что хотя и употреблены одни и те же союзы (в данном случае два разделительных союза *или* при однородных членах предложения), они относятся к разным рядам однородных членов, запятая перед такими союзами не ставится. По объему приведенное в качестве примера предложение, хотя и превышает по числу слов (32 слова) установленные в ходе исследований оптимальные количественные критерии в отношении состава конструкции в письменной деловой речи (6–30 слов) [6, с. 75], не является громоздким, не вызывает затруднений в толковании и понимании уголовно-правовой нормы. Однако в текстах законов наиболее часто представлены чрезвычайно большие предложения, нередко совпадающие с текстом целой нормы права [10].

Описывая языковые особенности уголовно-правовых норм на синтаксическом уровне, следует сказать, что законодательные тексты строятся преимущественно на императивном типе высказывания. Языковая реализация синтаксического строя таких текстов проявляется в использовании простых предложений, осложненных причастным оборотом, или сложных предложений с придаточной определительной частью. Кроме того, в законодательных текстах используются простые, осложненные однородными членами и сложносочиненные предложения со значением присоединения, разделения, сопоставления

с союзами: *а также, а равно, или, либо, как ... так и* [11, с. 3–4]. В тексте уголовного законодательства сложные предложения преобладают над простыми, что свойственно юридической речи.

Среди сложных предложений чаще употребляются сложноподчиненные с придаточными условными. Например, ч. 1 ст. 75 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием» УК РФ представлена именно сложноподчиненным предложением с придаточным условия. Причем каждая часть данного сложного предложения включает в себя однородные члены (*преступление небольшой или средней тяжести* (в главной части сложного предложения); *способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред* (в придаточной части сложного предложения)), а также обособленные определения, выраженные причастными оборотами (*вред, причиненный этим преступлением*, и др.).

Таким образом, работа по выявлению языковых особенностей уголовно-правовых норм в ходе проведения занятий по лингвистическим дисциплинам в вузе МВД России подтверждает, что отражающие содержание данных норм тексты характеризуются высокой степенью формальности. Указанная особенность предопределяет оправданность непрерывной деятельности специалистов (правоведов, лингвистов), направленной на разъяснение, уточнение толкования уголовно-правовых понятий, на совершенствование текстов, отражающих нормы уголовного права. Среди выявленных в ходе анализа характерных черт последних отмечаются: обязательное употребление терминологической лексики, не всегда сопровождающееся достаточно полным отражением сути подразумеваемых понятий; отсутствие жаргонных, диалектных, просторечных элементов, а также языковых средств, отличающихся яркой эмоционально-экспрессивной окраской; нечастое использование сложносокращенных слов; широкая представленность распространенных, многословных простых предложений, осложненных однородными членами, обособленными второстепенными членами, или сложных синтаксических конструкций.

Список литературы

1. Волосюк Е. А. Грамматическое толкование норм Уголовного кодекса Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.
2. Кострова М. Б. Теоретическая модель языковой формы нового Уголовного кодекса России. Часть 2. Общая характеристика языка уголовного закона и основные методологические подходы к разработке теоретической модели языковой формы нового Уголовного кодекса России // Lex Russica. 2016. № 12(121).
3. Егорова Н. А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3.

4. *Турдыев А. А.* Реабилитация нацизма в УК РФ // Правовые технологии. 2014. № 1.
5. *Левандовская М. Г.* Реабилитация нацизма как преступление // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 12.
6. *Губаева Т. В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2014.
7. *Артюхова Е. С.* Функционирование фразеологических единиц англоязычного юридического дискурса в контекстах юридических текстов англосаксонской правовой семьи // Молодой ученый. 2019. № 17(255).
8. *Сердобинцева Е. Н.* Профессионализмы в системе специальной лексики и системе национального языка // Известия ПгПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27.
9. *Таймасов Р. Н.* Разграничение банды и шайки в советской теории уголовного права и судебной практике до принятия УК РСФСР 1960 г. // Пробелы в российском законодательстве. М., 2010. № 2.
10. *Варлакова Т. В.* Правовые и языковые основы толкования ч. 1 ст. 49 Федерального закона № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 1.
11. *Матенов Р. Б.* Синтаксическая организация юридического текста // Образование и воспитание. 2015. № 5(5).

Возникновение права собственности на земли сельскохозяйственного назначения при создании юридических лиц в процессе реорганизации совхозов и колхозов

Е. А. Конюх, Институт высокотехнологичного права и социально-гуманитарных наук НИУ МИЭТ (г. Москва)
✉ djonson0877@yandex.ru

В исследовании проводится анализ и определяются подходы к решению проблемы, периодически возникающей в последние годы в судебной практике по соответствующей категории дел, в отношении формы, вида, субъектов, режима собственности на земли сельскохозяйственного назначения после реорганизации в новые организационно-правовые формы (в частности, в акционерные общества закрытого типа) ранее существовавших сельскохозяйственных предприятий (совхозов и колхозов). Автор приходит к выводу, что при реорганизации совхозов и колхозов имела место коллективно-долевая форма собственности на землю, где собственниками были именно граждане, а не юридические лица (в основном, акционерные общества закрытого типа).

Ключевые слова: право собственности; земельный участок; сельскохозяйственное назначение; перераспределение земель; реорганизация; коллективно-долевая собственность; акционерные общества.

The Emergence of Property Right in Farmland during the Formation of Legal Entities in the Process of Reorganization of State Farms and Collective Farms

E. A. Konyukh, Institute of High Technology Law and Humanities and Social Sciences of National Research University (Moscow)
of Electronic Technology
✉ djonson0877@yandex.ru

The study analyzes and establishes the approaches to the solution of the problem periodically arising in recent years in judicial practice with regard to the relevant category of cases, in relation to the form, type, subjects, ownership regime for agricultural land after reorganization into new organizational and legal forms (in particular, into closed joint-stock companies) of the previously existing agricultural enterprises (state farms and collective farms). The author comes to the conclusion that during reorganization of state farms and collective farms there was a collective-share form of land ownership, where the owners were citizens precisely, and not legal entities (mainly, closed joint-stock companies).

Keywords: property right; plot of land; agricultural purpose; land redistribution; reorganization; collective-share ownership; joint-stock company.

Более двадцати лет прошло с начала проведения земельной реформы в Российской Федерации. Вместе с тем считать ее доведенной до логического завершения в полной мере оснований не имеется, поскольку последствия тех амбициозных политических решений, которые были приняты на заре девяностых годов прошлого века в отношении судьбы земель сельскохозяйственного назначения, в искаженной форме проявляются и сейчас, в современный период развития земельных отношений.

Так, одной из насущных проблем, периодически возникающих в последние годы в судебной практике,

является проблема неопределенности формы, вида, субъектов, режима собственности на земли сельскохозяйственного назначения после реорганизации в новые организационно-правовые формы (в частности, в акционерные общества закрытого типа) ранее существовавших сельскохозяйственных предприятий (совхозов и колхозов). Например, по одному из дел Арбитражный суд Московского округа, отменяя постановление суда апелляционной инстанции, указал на неполное установление фактических обстоятельств дела, имеющих значение для рассмотрения спора, в частности, не было установлено, «когда и как

у участников возникло право собственности на спорный земельный участок»¹.

Суть вопроса состоит в том, что многие образованные на базе бывших совхозов и колхозов сельскохозяйственные коммерческие организации (в основном, акционерные общества закрытого типа), являясь, по сути, правопреемниками, в последующем осуществляли регистрацию права собственности на общий земельный участок сельскохозяйственного назначения. Основанием регистрации выступало то, что якобы в процессе реорганизации уставный капитал этих организаций был сформирован путем внесения гражданами соответствующих земельных долей (паев) в счет оплаты акций, а следовательно, они добровольно отказались от принадлежащего им права собственности на эти доли. Как отмечается в литературе, в результате этого действия граждане стали участниками юридического лица с обязательственными правами [1, с. 57].

В качестве аргумента иногда выдвигается также тезис о том, что при регистрации права собственности на земельные участки за указанными юридическими лицами отсутствовали спор о праве на земельные доли либо правопритязания каких-либо иных лиц на них. На протяжении долгого времени сельскохозяйственные предприятия продолжали использовать землю, оплачивая в том числе земельный налог, выполняли мероприятия, связанные с охраной земель, и др. Одни авторы предлагают связывать возникновение права собственности сельскохозяйственной коммерческой организации с фактом государственной регистрации учредительного договора юридического лица в регистрационной поземельной книге [2, с. 419]. Другие юристы приходят к выводу, что «основной целью реорганизации сельскохозяйственных предприятий являлась не передача земель сельскохозяйственного назначения в собственность физических лиц, а обеспечение дальнейшего осуществления соответствующими предприятиями сельскохозяйственной деятельности в новых экономических условиях» [3], что, на наш взгляд, достаточно спорно по изложенным ниже причинам.

Некоторые граждане в целях защиты своих прав первоначально обращаются в правоохранительные

органы с заявлением по факту приобретения путем обмана права собственности на земельные доли. Далеко не всегда, но возбуждаются уголовные дела по ст. 159 УК РФ (мошенничество), граждане признаются потерпевшими в уголовно-процессуальном порядке. Отстоять свои права они пытаются и в суде, обращаясь с разнообразными по выбираемому способу защиты исками (например, о признании права собственности на земельную долю в праве общей долевой собственности на земельный участок²; об истребовании из чужого незаконного владения земельных долей³; об обязанности выдать акции на земельные доли в соответствии с размером земельного пая и о возврате в порядке ст. 301 ГК РФ земельных паев, оставшихся после ликвидации акционерного общества закрытого типа⁴; о возложении обязанности выделить в натуре земельную долю⁵). Осмыслению названной проблематики посвящена данная работа.

Основными нормативными правовыми актами, на которых базировалась земельная реформа, были Указ Президента РФ от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР»⁶ (далее — Указ Президента РФ № 323) и постановление Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов»⁷ (далее — постановление Правительства РФ № 86).

Для осуществления реорганизации колхозов и совхозов на начальном этапе органами местной администрации в обязательном порядке должны были приниматься решения по перераспределению земель по результатам деятельности специально созданных в целях приватизации земли и реорганизации сельскохозяйственных предприятий районных и внутрихозяйственных комиссий, которые обязаны были провести разграничение земель, находящихся в пользовании колхозов и совхозов, и выделить земли, остающиеся в государственной собственности, и земли, передаваемые гражданам в индивидуальную и коллективно-долевую собственность (п. 4 постановления Правительства РФ № 86).

В отдельных судебных решениях суды, приходя к выводу об отсутствии доказательств возникновения собственности юридического лица на спорные

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 мая 2015 г. по делу № А4122213/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда РФ от 18 июня 2018 г. № 308-ЭС18-6980 по делу № А32-45836/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Верховного Суда РФ от 21 июля 2015 г. № 305-ЭС15-1095 по делу № А41-22213/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № ВАС-5206/11 по делу № А32-45487/2009-32-830. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление ФАС Московского округа от 12 апреля 2004 г. № КГ-А41/2433-04. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 1. Ст. 53.

⁷ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

земельные доли, связывают это с непредставлением доказательств подачи каждым гражданином заявления во внутрихозяйственную комиссию (совершения сделки) по передаче земельного пая в качестве учредительного взноса в уставный капитал акционерного общества закрытого типа⁸. Полагаем, с таким подходом нельзя согласиться, поскольку в момент подачи заявления во внутрихозяйственную комиссию гражданин не являлся собственником доли. Он претендовал на получение доли. Внутрихозяйственная комиссия должна была решить: относится ли конкретный гражданин к установленному на тот момент законодательством перечню лиц, имеющих право на получение земельной доли.

Результат изучения содержания принятых в тот период решений глав администраций муниципальных районов позволяет констатировать, что итогом работ по перераспределению земель являлись отдельные акты глав местной администрации по каждому либо нескольким сельскохозяйственным предприятиям, определяющие общее количество земли, которое должно было быть передано гражданам — членам совхоза (колхоза) в коллективно-долевую собственность, но без определения доли каждого на этом этапе реорганизации.

Отметим, что исходя не только из наименования решений глав администраций, принятых, как правило, в форме постановлений, но и из их содержания, видно, что субъектом, кому передавались земли, являлся совхоз (колхоз), т. е. юридическое лицо, а не непосредственно члены данного государственного сельскохозяйственного предприятия. Например, постановлением главы администрации Таврического района Омской области от 10 сентября 1992 г. № 419 «О предоставлении земельных участков совхозам в коллективно-долевую собственность и аренду» предоставлено в коллективно-долевую собственность совхоза «Г.» 25045 га земли (в том числе — 23676 га пашни)⁹.

Актуальность изложенного определяется не только тем, насколько легитимно было формулирование акта органа местного самоуправления именно в такой редакции, но и тем, что в судебной практике при рассмотрении многих споров, связанных с признанием права собственности на земельные доли (паи) из состава земель сельскохозяйственного назначения, неизбежно возникал и возникает вопрос, на который суду приходится отвечать в решении по делу, а именно: предусматривались ли дей-

ствующим в период реорганизации совхозов (колхозов) законодательством основания возникновения права собственности на землю у юридических лиц. Иными словами, могли ли в процессе реорганизации сельскохозяйственных предприятий земли сельскохозяйственного назначения передаваться в собственность вновь создаваемых юридических лиц (а если могли, то каких по организационно-правовой форме) или же земли сельскохозяйственного назначения должны были передаваться лишь в общую собственность (коллективно-долевою) граждан — работников указанных предприятий и иных установленных законом лиц?

Согласно п. 1 ст. 2 Закона РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР»¹⁰ право собственности в РСФСР возникало в порядке и на условиях, предусмотренных законодательными актами РСФСР.

Пункты 2 и 3 ст. 3 этого же закона закрепляли, что имущество может принадлежать на праве общей (коллективной) собственности одновременно нескольким лицам, с определением долей каждого из них (долевая собственность), где участник общей долевой собственности имеет право на выдел своей доли. Пунктами 8 и 9 постановления Правительства РФ № 86 определялось, что стоимость основных и оборотных средств совхоза (в том числе бесплатные имущественный и земельный паи) составляет общую долевую собственность работников совхоза.

В соответствии с п. 6 Указа Президента РФ № 323 коллективам совхозов, других сельскохозяйственных предприятий, колхозов и кооперативов, использующих землю на праве бессрочного (постоянного) пользования, до 1 марта 1992 г. предлагалось принять решение о переходе к частной, коллективно-договорной и другим формам собственности в соответствии с Земельным кодексом РСФСР. На основании п. 9 Положения о реорганизации колхозов, совхозов и приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий, утвержденного постановлением Правительства РФ от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» (далее — постановление Правительства РФ № 708), трудовые коллективы реорганизуемых колхозов, совхозов и приватизируемых государственных сельскохозяйственных предприятий должны были на общем собрании принять решение о выборе формы собственности на землю, предусмо-

⁸ См., например: *Постановление* Десятого арбитражного апелляционного суда от 8 ноября 2016 г. по делу № А41-25820/2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См., например: *Решение* Арбитражного суда Омской области от 20 сентября 2010 г. по делу № А46-5540/2010. URL: <http://omsk.arbitr.ru> (дата обращения: 18.06.2022); *постановление* Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 июня 2007 г. по делу № Ф04-3240/2007(34462-А46-21). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ *Ведомости* Совета народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30, ст. 416.

тренной Земельным кодексом РСФСР. С учетом принятого решения в районную комиссию по приватизации земель и реорганизации сельскохозяйственных предприятий подавалась заявка на предоставление земли в ту или иную форму собственности. К заявке прилагались списки лиц, имеющих право на получение земли в собственность бесплатно с указанием количества и состава этой земли.

Как иллюстрирует правоприменительная практика, во многих случаях по конкретным рассматриваемым судами делам стороны не могли представить в качестве доказательств протоколы таких собраний по причине их отсутствия либо в связи с потерей. Но всегда результатом предварительной подготовительной работы являлось принятие акта главы местной администрации, подобного тому, которое для примера приводилось ранее (постановление главы администрации Таврического района Омской области от 10 сентября 1992 г. № 419).

Как следует из указанных выше правовых актов, форма собственности должна была быть определена в соответствии с положениями Земельного кодекса РСФСР (далее — ЗК РСФСР), в котором предусматривалось следующее:

1) в статье 3: «В РСФСР устанавливаются государственная собственность на землю и собственность граждан и (или) их коллективов (совместная или долевая). Собственниками земли выступают: государство в лице РСФСР и республик, входящих в ее состав, граждане, колхозы, коллективы других кооперативных сельскохозяйственных предприятий и акционерных обществ, в том числе созданных на базе совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий»;

2) в статье 9: «Земельные участки могут передаваться гражданам на праве коллективно-долевой собственности с определением конкретной земельной доли каждого гражданина в количественном выражении. В коллективно-долевую собственность граждан могут передаваться земли колхозов, других кооперативных сельскохозяйственных предприятий, акционерных обществ, в том числе созданных на базе государственных сельскохозяйственных предприятий».

Причем в контексте ст. ст. 3 и 9 ЗК РСФСР речь шла, как представляется, об акционерных обществах закрытого типа, имущество которых согласно ст. 11 Закона РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятель-

ности»¹¹ формировалось за счет вкладов участников, полученных доходов и других законных источников и принадлежало его участникам на праве общей долевой собственности. В соответствии с п. 37 Положения об акционерных обществах, утвержденного постановлением Совмина РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 601¹², вкладом участника общества могли на тот момент быть здания, сооружения, оборудование и другие материальные ценности, ценные бумаги, а также *права пользования землей* и др. В этом состояло отличие от хозяйственных обществ и товариществ и иных предприятий, созданных в качестве собственников имущества на основании ст. 14 Закона РСФСР «О собственности в РСФСР», на которую довольно часто ссылаются судебные инстанции¹³. Интересна мысль О. А. Жаровой, которая поставила под сомнение наличие права пользования земельной долей на том основании, что последняя сама является имущественным правом. При этом неясно, как могут быть установлены права на права [4]. Особенности формирования уставного капитала акционерного общества закрытого типа представляет предмет самостоятельного исследования и в данной работе не рассматривается.

Статья 9 ЗК РСФСР предусматривала также, что вопрос приобретения земельных участков в коллективно-долевую собственность решается общим собранием членов коллектива, которое определяет долю каждого работника. После утверждения на общем собрании трудового коллектива индивидуальной доли каждому гражданину выдавалось свидетельство о праве собственности на земельный и имущественный паи.

Однако, несмотря на факт выдачи указанных свидетельств, исходя из буквального толкования положений п. 10 постановления Правительства РФ № 86, п. 16 постановления Правительства РФ № 708, данные документы носили предварительный, промежуточный характер и закрепляли статус обладания земельной долей (правомочие владения); на основании п. 6 Указа Президента РФ № 323 имели законную силу только до выдачи других свидетельств, удостоверяющих это право собственности, по форме, установленной Указом Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России»¹⁴ (далее — Указ Президента РФ № 1767).

Значит, в дальнейшем по предусмотренной законодательством процедуре должно было быть при-

¹¹ Там же. Ст. 418.

¹² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ См., напр.: *Постановление* Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28 января 2011 г. по делу А46-5540/2010. URL: <http://omsk.arbitr.ru> (дата обращения: 18.06.2022); *постановление* Федерального арбитражного суда Московского округа от 16 октября 2003 г. № КГ-А41/7018-03. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нято новое (второе по счету) решение главы местной администрации, в соответствии с которым юридически оформлялось наделение граждан — участников вновь образованных акционерных обществ закрытого типа соответствующим земельным паем. Как показывает анализ таких актов, формулировка использовалась по большей части следующая: «*Передать в коллективно-долевую собственность акционерного общества земельный участок в пределах земельных долей акционеров (список прилагается)*».

Именно об этом гласит п. 18 постановления Правительства РФ от 1 февраля 1995 г. № 96 «О порядке осуществления прав собственников земельных долей и имущественных паев»¹⁵, в соответствии с которым момент возникновения права собственности на земельную долю определяется датой принятия органами местного самоуправления решения о передаче земель в общую долевую собственность участников сельскохозяйственных предприятий. Эта же дата в последующем указывалась непосредственно в свидетельствах на право собственности на землю, выданных гражданам по форме, установленной Указом Президента РФ № 1767. С этой даты граждане по статусу из владельцев земельной доли становились ее собственниками и, соответственно, могли ею распорядиться, внося в уставный капитал вновь образуемого сельскохозяйственного предприятия.

Действующая в период реорганизации редакция ЗК РСФСР не предусматривала оснований возникновения права собственности на землю непосредственно у акционерных обществ закрытого типа. Кроме того, ст. 15 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»¹⁶ предусмотрено, что земельная доля, полученная при приватизации сельскохозяйственных угодий, является долей в праве общей собственности на участки земель сельскохозяйственного назначения. С позиции объекта отношений земельная доля имеет отличия от гражданско-правового понятия доли в праве общей собственности на имущество, может исчисляться дробно, в гектарах или балло-гектарах¹⁷. Может также определяться в стоимостном выражении в виде 50-кратного налога на землю (п. 11 постановления Правительства РФ № 708).

Таким образом, земли сельскохозяйственного назначения в процессе реорганизации сельскохозяйственных предприятий не могли передаваться в собственность вновь создаваемых юридических

лиц в форме акционерного общества закрытого типа, а могли переходить лишь в общую собственность (коллективно-долевую) граждан.

Данный вывод подтверждает и имеющаяся судебная практика. Так, закрытое акционерное общество обратилось в арбитражный суд с иском о признании права собственности на невыделенные доли земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения, право общей долевой собственности на который зарегистрировано гражданами. В качестве основного аргумента позиции истца служил довод о том, что сам факт государственной регистрации реорганизованного совхоза в акционерное общество закрытого типа свидетельствует о внесении ответчиками имущественных и земельных долей в уставный капитал данного общества. Суд отказал в удовлетворении заявленных требований, указав на основе анализа актов земельного законодательства реформенного периода, действовавших на дату реорганизации совхоза, что земли передавались не в собственность самого общества (как организации), а в коллективно-долевую собственность, несмотря на решение уполномоченного органа 1993 г. с формулировкой об обеспечении передачи в собственность общества сельхозугодий¹⁸.

В рамках другого дела закрытое акционерное общество, полагая, что его право на спорный земельный участок возникло в ходе реорганизации совхоза и внесения земельных долей их собственниками (право-предшественниками) в уставный капитал, обратилось в отношении двадцати двух собственников земельных долей в суд с иском о признании права собственности на долю в праве собственности на земельный участок из состава земель сельскохозяйственного назначения, а также об исключении из Единого государственного реестра недвижимости записи о государственной регистрации прав ответчиков на долю в праве собственности на указанный земельный участок.

Оценив фактические обстоятельства дела, руководствуясь нормативными правовыми актами, которые были предметом анализа настоящей статьи, а также учитывая разъяснения, изложенные в пунктах 2, 52, 58, 59 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»¹⁹, суды, рассматривавшие дело, от-

¹⁵ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ *Собрание* законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3018.

¹⁷ Характеристика сущности земельной доли и особенности расчета ее размеров в реформенный период подробно представлена в работе Н. А. Седовой [5].

¹⁸ *Определение* Верховного Суда РФ от 10 марта 2020 г. № 307-ЭС20-489 по делу № А44-7533/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

клонили доводы истца. В удовлетворении исковых требований было отказано на том основании, что: 1) учредительный договор ответчиками-гражданами не подписывался; 2) земельные паи, подлежащие внесению в уставный капитал, не были индивидуализированы; 3) регистрация права истца на участок в период преобразования его в акционерное общество в соответствии с требованиями действующего в тот период законодательства не произведена; 4) не доказан факт подачи ответчиками заявок о внесении своих земельных паев в уставный капитал юридического лица при реорганизации совхоза²⁰. Резюмируя изложенное выше, можно констатировать следующее.

1. При реорганизации совхозов и колхозов имела место коллективно-долевая форма собственности на землю.

2. Собственниками были именно граждане, а не юридические лица — акционерные общества закрытого типа.

3. Вкладами в уставный фонд акционерных обществ закрытого типа являлись имущественные паи и право пользования земельной долей.

4. Момент возникновения права собственности на земельную долю связан с принятием органом местного самоуправления решения о передаче земель в общую долевую собственность участников сельскохозяйственных предприятий (по счету — второго), а не с принятием тем же органом местного самоуправления решения (по счету — первого), закрепляющего результаты работ внутрихозяйственной комиссии по перераспределению земель бывшего совхоза (колхоза).

Список литературы

1. Суханов Е. Организационно-правовые формы коллективного предпринимательства в сельском хозяйстве // *Хозяйство и право*. 1995. № 12.
2. *Постатейный комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»* / отв. ред. Г. Е. Быстров, Б. Д. Клюкин. М., 2002.
3. Крючкова В., Демидова И. Прекращение права собственности на землю. Анализ причин на примере судов. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Жарова О. А. Правовой режим земельных долей. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Седова Н. А. Возникновение долевой собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ *Определение Верховного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 309-ЭС20-1039 по делу № А60-17310/2017*. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.102:340.68 © В. Е. Дивольд, 2022
DOI: 10.24411/1999-625X-2022-487-340-345

Разработка методики оперативно-аналитического обеспечения розыскной деятельности

В. Е. Дивольд, Омская академия МВД России
✉ dve55@mail.ru

Наличие современного информационного поля, служащего источником информации для проведения оперативно-аналитических мероприятий, не гарантирует получения результата, отвечающего предъявляемым требованиям. Серьезную проблему представляет отсутствие методик проведения оперативно-аналитических исследований. В статье рассматриваются требования, предъявляемые к данным методикам, и предлагается алгоритм подготовки подобных исследований.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-аналитическое обеспечение; розыск; методика оперативно-аналитического обеспечения; технологии искусственного интеллекта.

Development of the Method of Operative Analytical Provision of Crime Detection Activity

V. E. Divold, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ dve55@mail.ru

The presence of a modern information space as the source of information for taking operative analytical measures does not guarantee a result that meets the set requirements. The absence of methods for conducting operative analytical studies is a serious problem. The author considers the requirements to these methods, and proposes the algorithm for preparing such studies.

Keywords: crime detection activity; operative analytical provision; detection; methods of operative analytical provision; technology of artificial intelligence.

Исследование научных источников показало, что аналитика является самостоятельной научной дисциплиной, базовым ядром которой выступает системный анализ, имеющий свою собственную теорию, разработанный специфический формально-логический аппарат и особые частные методы решения задач практики. Все множество аналитических методов, подходов и приемов направлено на организацию и оптимизацию мыслительной деятельности, формирование системного мышления. Вместе с тем любая аналитическая деятельность обеспечивается комплексом технологий обработки информации, основанных на целостной методологической базе. Однако информационно-аналитические технологии — это не только и не столько программные и аппаратные средства обработки данных и сигналов, сколько специфические методики, пригодные для реализации их с применением средств автоматизации и для использования вне комплекса средств автоматизации [1, с. 46, 49, 121]. А по мнению Ю. П. Сурмина, методология, методика и техника аналитической деятельности представляются тем со-

кровищем, которое пока не востребовано, в минимальной мере используется государством и местным самоуправлением для повышения эффективности деятельности [2, с. 245]. Подтверждением данного тезиса стало и проведенное нами анкетирование сотрудников оперативных подразделений, 75,3% которых отметили острую необходимость разработки методики проведения оперативно-аналитических мероприятий, в том числе 71,1% их высказались в пользу разработки методических рекомендаций по проведению оперативно-аналитических мероприятий по направлению розыска.

Вместе с тем аналитические исследования специальными субъектами аналитической деятельности с определенной долей успеха уже проводятся. Однако все проводимые исследования, как правило, не опираются на концептуально выраженный методический аппарат, какую-либо методику системного анализа. Полагаем, что проводить аналитические исследования без методики невозможно, она присутствует в стихийной, латентной форме.

Таким образом, в целях эффективного применения аналитических технологий при проведении оперативно-аналитических мероприятий по направлению розыска необходима специально разработанная методика проведения оперативно-аналитических мероприятий, а учитывая предмет нашего исследования, — методика проведения оперативно-аналитических мероприятий для обеспечения розыскной деятельности органов внутренних дел.

Толковый словарь русского языка определяет методику как систему правил, изложение методов обучения чему-нибудь или выполнения какой-нибудь работы¹, совокупность методов, приемов практического выполнения чего-либо². Криминалистика рассматривает методику как множество элементов, объединенных внутренними связями и отнесенных к единому предмету познания [3, с. 24–27]. Общими для обоих подходов является то, что метод рассматривается как эффективный способ достижения цели. Профессор Е. В. Буряков предлагает методику рассматривать как системную деятельность по отработке всех доступных элементов организации и тактических приемов розыска лиц на разных его стадиях [4, с. 276]. Принимая это во внимание и соглашаясь с предложением Е. В. Бурякова, методику проведения оперативно-аналитических мероприятий в сфере розыска предлагаем рассматривать как совокупность поисковых и аналитических методов и приемов выполнения оперативно-аналитических мероприятий для обеспечения розыскной деятельности посредством организации и системы тактических приемов данной деятельности.

По мнению Ю. В. Курносова и П. Ю. Конотопова, аналитическая деятельность — это творческий процесс. Однако в любом аналитическом исследовании присутствует элемент алгоритмизации. Они считают, что неалгоритмизированные, несистематические, хаотичные, спонтанные исследования крайне неэффективны. Алгоритмический подход снижает количество ошибок при массовом проведении аналитических исследований, при столкновении с новым классом аналитических задач, т. е. тогда, когда необходимо выйти из творческого цикла и сосредоточиться на решении рутинных задач [1, с. 216].

На основе сказанного предлагаем пойти по пути эффективного построения деятельности и определить для себя цель: разработать алгоритм (методику) проведения оперативно-аналитического исследования, представив его системно, целостно как последовательную совокупность поисковых и аналитических методов и приемов, и в первую очередь

рассмотреть его с точки зрения этапов через организацию и систему тактических приемов данной деятельности.

Полагаем, методика проведения оперативно-аналитического исследования должна состоять из следующих этапов: планирование; собирание; проверка и оценка; аналитика, опционально прогноз; реализация. Независимо от целей и задач самого алгоритма, каждый рассматриваемый этап должен иметь свои цели и задачи, составляющие его элементы, набор обязательных принципов.

Рассмотрим первый этап — *планирование*. В его состав считаем необходимым включить следующие элементы: изучение проблемы, постановку цели как конечного результата исследования и определение соответствующих задач для ее достижения. Знаменитый физик М. Планк говорил, что правильная постановка задачи более чем на 50% гарантирует успех исследования. Контент-анализ ведомственных нормативных актов показал, что розыскная работа нацелена на решение трех основных задач: обнаружение местонахождения известных лиц; установление личности неопознанных трупов, лиц, не могущих сообщить сведений о себе в силу состояния здоровья, возраста; предупреждение уклонения лиц от уголовной ответственности. В зависимости от задач, объектов, их физического и психического состояния (оперативно-розыскной характеристики), видов розыска должны иметь свою реализацию выбор целей, постановка задач, генерация совокупности выдвигаемых гипотез, отбор источников данных, выбор аналитических методов для проведения аналитических мероприятий [5, с. 70].

Правильная постановка цели служит ключом к успешному завершению аналитического исследования. По нашему мнению, постановка цели начинается с выявления, осознания и формулирования проблемы, условий ее решения, определения направлений исследования и планирования всех его основных этапов. При этом отметим, что, по мнению А. И. Ракитова, любое аналитическое исследование должно начинаться с построения дерева целей и порождаемых им задач [6, с. 63]. В зависимости от сложности проблемы, цели могут разбиваться на более мелкие подцели. Для каждой подцели формируется список задач. В итоге все цели и задачи должны быть согласованы между собой для достижения основной цели исследования.

В данный этап также предлагаем включить в качестве элемента определение объекта и предмета анализа. Аналитик не может начать работу, не имея четкого представления о специфике объекта своего

¹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 т. М., 1935–1940. Т. 2. С. 200.

² Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999. С. 261.

будущего исследования, понимания, на какой вопрос он ищет ответ. Предполагаем возможной ситуацию, когда объектом исследования будет выступать не объект розыска, а связанный с ним критически важный для целей розыска признак, предмет, обстоятельство, требующее исследования, и т. д.

Еще один элемент рассматриваемого этапа — формулировка рабочих гипотез для подтверждения поставленной цели. Гипотезы формулируются так, чтобы полностью охватить всю изучаемую предметную область на основе информации, имеющейся на текущий момент. Но на данном этапе мы предполагаем возможность возникновения ситуаций, не позволяющих аналитику гипотезами охватить всю предметную область. Причинами этого могут стать: неполнота имеющихся на данном этапе сведений; неполнота знаний об объекте исследования; логические ошибки; заблуждения аналитика; противодействие со стороны третьих лиц, и т. д. В таком случае при исключении в дальнейшем из рассмотрения всех разработанных ранее рабочих гипотез возможен возврат на первый этап для их дополнительной формулировки. После повторного формирования рабочих гипотез алгоритм продолжает выполняться со следующего этапа. Все сформулированные гипотезы выстраиваются по принципу убывания приоритета, и дальнейшее их рассмотрение на этапе анализа будет происходить начиная с самой приоритетной. По мере получения новых сведений, которые могут привести к явным противоречиям в выдвинутых гипотезах, последние могут исключаться из рассмотрения, не доходя до этапа анализа информации. Полагаем, что при формировании программной реализации аналитического исследования с применением технологий искусственного интеллекта на данном этапе возможно планировать применение как нейронных сетей, так и экспертных систем.

Следующим элементом первого этапа является определение ресурсов, видов источников, планирование и отбор источников информации и способов получения доступа к ним, методов и алгоритмов поиска, определение типов анализа, выбор конкретных его методов, платформ и отдельных видов программного обеспечения для реализации исследования, сроков его исполнения. Исходя из гипотез, необходимо решить, какие данные потребуются для их проверки, где и как найти эти данные, какие инструменты использовать, надежны ли источники и как их проверить.

Второй этап нашего алгоритма — *собираение*. Он включает такие элементы, как сбор и первичная техническая обработка информации. Сбор информации должен проводиться целенаправленно, не отклоняясь в сторону фактов, попадающих в поле зрения аналитика, но не имеющих отношения к предмету исследования.

Поиск осуществляется в отобранных на предыдущем этапе информационных ресурсах, с применением намеченных способов и методов. Найденную информацию необходимо немедленно сохранять, не оставляя ее в найденном ресурсе, поскольку данные могут быть изменены, удалены, т. е. станут недоступными. Все результаты рекомендуется документировать, указывая, в каком ресурсе и когда они были найдены. В дальнейшем это позволит определить источник, качество, релевантность найденной информации.

При сборе информации целесообразно делать несколько проходов по платформам и поисковым системам, начиная с широких запросов и добавляя ограничения поиска по мере необходимости. Использование слишком узких запросов может исключить важные, относимые результаты.

В качестве информационных ресурсов предлагаем рассматривать следующие группы источников.

1. *Внутренние источники*: проведение выборок из ведомственных автоматизированных баз данных регионального и федерального уровней. К этой категории необходимо отнести сервисы ИСОД МВД России, учеты, предоставляемые ИБД-Ф, ИБД-Р, такие как «Оповещение», «Опознание», «Опознание биометрия», «БРНС», «Розыск-Магистраль», «ЗАГС-У», «Граница», «Паутина», «Безопасный город». Обращение с запросами и заданиями в специализированные аналитические подразделения, НЦБ Интерпола, ФСБ, ФССП, ФСИН.

2. *Информационные ресурсы государственных органов, министерств и ведомств*. Для поиска по доступным государственным базам данных существует возможность обратиться к государственному учету.

3. *Ресурсы сети Интернет и СМИ*. Подчеркнем их важность. По данным ресурса Internet LiveStats в сети Интернет существует более 1,2 млрд веб-сайтов, 3,7 млрд пользователей, ежедневно размещаются десятки миллионов изображений и постов. Все это относится к категории Surface Web или Open Web, т. е. открытому ресурсу, доступному через Web-браузер и индексируемому поисковыми машинами, такими как Yandex или Google. При этом Surface Web составляет только 4% всего контента, размещенного в сети Интернет. Вместе с тем, более обширный пласт информации находится в так называемом Deep Web, глубоком интернете, ресурсе, состоящем из частных сайтов с платным доступом или учетными записями для входа, документов, баз данных, как правило, малодоступном или недоступном в пределах открытой сети и неиндексируемом поисковыми машинами. К Deep Web относятся закрытые профили в социальных сетях, электронные письма, корпоративные ресурсы. Эта часть интернета составляет до 90% всего контента. Частью Deep Web являются еще

более закрытые сети, такие как Tor, I2P и т. д., входящие в так называемый Dark Web, содержащий около 6% контента. К нему относятся зашифрованный незаконный контент, который не индексируется поисковыми машинами. Все это позволяет представить объем информации, циркулирующей в интернете. Поиск сведений, представляющих интерес для целей аналитического исследования, должен включать и проведение мероприятий в сети Интернет. Для этого, конечно, можно использовать любую поисковую машину и с помощью ввода ключевых слов найти интересующие сведения. Чтобы получить большой эффект от поиска и сократить его время, целесообразно использовать набор специальных операторов поиска поисковых машин, так называемых Dorks (список определенных запросов поисковику для облегчения нахождения требуемого контента). Таким способом можно получать достаточно большой объем информации об объекте поиска, проводить сбор информации из открытых поисковых систем, анализировать активность в социальных сетях, просматривать информацию сохраненных копий сайтов (оператор cache) и интернет-архива (archive.org/web). Такой способ поиска используется чаще всего. Однако наиболее технологичным и результативным является поиск в открытых источниках посредством инструментов Open Source Intelligence³ (далее — OSINT) и ее дисциплин — Social media Intelligence⁴ (далее — SOCMINT), Imagery Intelligence⁵ (далее — IMINT), Geospatial Intelligence⁶ (далее — GeoINT), наборе сервисов, приложений (Maltego) и даже специальных версий операционной системы Linux, например, Kali Linux. Инструменты OSINT применяются в отношении конкретных людей, организаций, событий, явлений. Большая часть инструментов предоставляется бесплатно и может беспрепятственно использоваться аналитиками в процессе проведения исследований. Наиболее полная база открытых для анализа источников данных находится в инструменте OSINT-фреймворк, информационном ресурсе, направленном на упрощение и автоматизацию поиска в сети Интернет.

Элемент первичной технической обработки информации является важным элементом рассматриваемого этапа. Процесс поиска информации всегда перемежается с процессом ее обработки, т. е. преобразования ее в формы, наиболее подходящие для использования и анализа. Обработка избавляет аналитика от повторного преобразования отдельных блоков данных каждый раз, когда они потребуются, и гарантирует, что данные находятся в пригодном

для анализа формате. К данному элементу относятся процедуры преобразования данных из необычных и непривычных форматов файлов в пригодные для просмотра и анализа. В процессе технической обработки осуществляется проверка на наличие метаданных в файлах офисных программ, видео и фото и их фиксация в отдельных файлах.

Далее проводится очистка данных от излишней информации. В процессе очистки необходимо оставить только ту, которая будет полезна для дальнейшего анализа (оставление существенных признаков). Вместе с тем отфильтрованную таким образом информацию удалять на первом этапе не следует, в дальнейшем она может пригодиться для уточнения или подтверждения выводов.

Предлагаем рассмотреть следующие способы систематизации данных. В процессе работы проводится группировка, сортировка источников информации (рекомендуем использовать информативные названия файлов и папок):

- организация структуры каталогов;
- применение временной шкалы для размещения на ней данных, имеющих привязку ко времени для исследования событий, взаимосвязей между событиями, установления возможных пробелов. Временная шкала, кроме прочего, позволяет привязать к ней хронологически события, не имеющие изначально временной составляющей. Хорошую степень наглядности дает использование инструментария «линеек времени» программных средств (например, I2);
- применение электронных таблиц. Электронная таблица считается одним из самых универсальных способов размещения и хранения информации. Такой формат удобен как для просмотра, преобразования, так и для проведения дальнейшего анализа. Часто электронные таблицы используются в качестве промежуточных форматов для процедур импорта — экспорта в различные инструменты анализа, например, такие как IBM I2 или Maltego.

Важной целью технической обработки является структурирование, сокращение размерности найденной необработанной информации. При первичной (технической) обработке информации включаются методы очистки, уточнения, обогащения, форматирования, индексирования, каталогизации данных, сведения их в таблицы, создания баз данных. Применение названных методов технического преобразования данных позволяет в дальнейшем сократить время на проведение анализа.

Третий этап — *проверка и оценка*. В качестве критериев оценки предлагаем использовать реле-

³ Более подробно см., напр.: URL: <http://blog.skillfactory.ru/glossary/osint> (дата обращения: 10.02.2022).

⁴ Подраздел OSINT, фокусирующийся на сборе и мониторинге данных в социальных сетях.

⁵ Подраздел OSINT, фокусирующийся на сборе и анализе изображений.

⁶ Подраздел OSINT, фокусирующийся на сборе и анализе геопространственной информации.

вантность (степень соответствия, наличие связи с объектом или целью исследования), достоверность, полноту, надежность, ценность, точность, применимость и эффективность собранной на предыдущем этапе информации.

Оценка релевантности может осуществляться по двум признакам: существование явного указания на рассматриваемый предмет исследования (имена, события, даты, специфические термины); наличие смыслового указания (явно не просматривается, возможна оценка только по косвенным признакам).

Оценку достоверности можно провести по следующим параметрам: сопряжение с другой достоверной информацией; наличие подтверждения при проверке по двум и более источникам. Следовательно, проверка достоверности полученных данных приведет к дополнительным поискам и перекрестным проверкам.

Кроме того, в ходе проверки необходимо придерживаться и таких критериев достоверности, как: принадлежность ресурса (локализация источника), на котором найдена информация, его правдивость и авторитетность; количество и авторитетность ссылающихся на ресурс; тональность, беспристрастность или тенденциозность, аргументированность рассматриваемых на ресурсе вопросов; соответствие адреса страницы ресурса его контенту; количество и направление ссылок из ресурса, авторитетность указывающих ресурсов; частота обновления информации на ресурсе и т. д.

Контроль полноты проверки ресурсов необходим для устранения пропусков информации. Наличие даже, казалось бы, незначительных пропусков может повлиять на выводы по всему исследованию.

В целом к информации во всех без исключения случаях требуется применять критический подход.

Четвертый этап — *аналитика*. По мнению В. Б. Исакова, целью аналитической обработки информации является получение новой информации, восстановление недостающих элементов картины, скрываемых фактов и обстоятельств, диагностика и прогнозирование [7, с. 65]. На этапе анализа информации должен происходить процесс проверки рабочих гипотез.

В качестве одного из методов проверки гипотез мы предлагаем применить методику анализа конкурирующих гипотез. Суть метода заключается в критической оценке конкурирующих гипотез. В целях наиболее объективного исследования рассматриваются все возможные гипотезы, чтобы исключить выбор одной, казалось бы, наиболее вероятной, и в дальнейшем подгонку фактов для подтверждения ее точности. В целях экономии времени, ресурсов аналитика в первую очередь в рассмотрение принимаются наиболее приоритетные гипотезы.

В процессе работы над исследованием для оценки гипотез аналитик перечисляет доказательства и аргументы каждой, включая предположения и логические выводы «за» и «против» и, применяя найденные данные, пытается исключить как можно больше гипотез.

Кроме того, важно при проведении анализа и принятии решения о недопустимости гипотезы различать установленные признаки объекта как критически важные, несущественные, неоднозначные (групповые). В дальнейшем, в ходе анализа, гипотезы, не нашедшие подтверждения, отбрасываются.

По мере получения новой информации, новых связей и новых лиц в постановку задачи аналитиком могут вноситься соответствующие коррективы, связанные с определением новых источников информации, подходов к отбору методов поиска и анализа информации, а это — возвращение к начальному этапу проведения аналитического исследования. Такая цикличность при проведении аналитических мероприятий, по нашему мнению, является логически и практически оправданной.

Следует рассмотреть возможность получения в процессе анализа информации, которая может привести к выводу о существовании критически важных пробелов в проводимом исследовании, не позволяющих без дополнительных исследований сформировать систему достоверных знаний об объекте, или обстоятельств, указывающих на выявление других криминально важных событий, лишь косвенно связанных с объектом текущего исследования. В таком случае предлагаем механизм выделения из текущего процесса нового, самостоятельного аналитического исследования, со своими целями, задачами, объектами исследования. Результаты такого исследования либо приобщаются в качестве недостающего блока информации для продолжения текущего исследования, либо могут стать самостоятельным продуктом, результатом, который может в дальнейшем получить статус инициативного исследования.

Рассматриваемый этап «аналитика» целесообразно разбить на несколько подэтапов:

— формализация данных (установление тождества, схематизация, построение графов, визуализация, макетирование, моделирование);

— исследование данных (критическая оценка информации для определения ее достоверности, значимости, актуальности и ценности; выявление и согласование значимых событий, ситуаций; выявление тенденций, закономерностей, трендов; определение пробелов; поиск и выявление латентных элементов; согласование противоречий; выявление отклонений, нарушений порядка; определение связей объекта исследования);

— оценка полученных результатов и подготовка выводов, опирающихся на проведенное оперативно-аналитическое исследование (проверка конкурирующих, исключение неподтвержденных рабочих гипотез; оценка полноты проведенных исследований, качества и полноты собранной информации; оценка достигнутых результатов, при необходимости возврат к этапу постановки целей и задач; выработка предположений и их оценка; оценка альтернативных сценариев развития событий; окончательное построение схем связей объектов исследования и проведение визуализации данных, т. е. отображение информации в графических диаграммах, рисунках и графиках; формулирование аналитических ключевых выводов, прогнозирование тенденций и событий; подготовка результирующей справки, включающей последовательное изложение сведений, с приложением графических схем, фото-, видеоматериалов). Изложение итогового материала должно происходить четко, с исключением двусмысленности, максимально сжато, структурированно, юридически непротиворечиво.

Отметим, что элементы анализа присутствуют на каждом этапе исследования: с осмысления проблемы, ситуации, подбора источников, поступления данных, организации информационных фильтров и т. д.

Последний, пятый этап нашего алгоритма — реализация. В узком смысле предназначен для достижения целей и решения задач розыска, в широ-

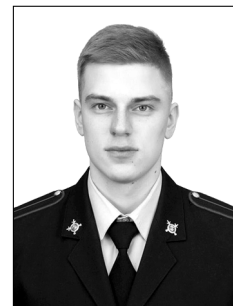
ком смысле можно говорить о достижении целей оперативно-розыскной деятельности⁷ [8, с. 56].

Рассмотрев алгоритм проведения аналитического исследования, мы предлагаем именно его в качестве основы для создания методики проведения оперативно-аналитических исследований. Учитывая предмет исследования, считаем необходимым из многочисленного набора методик анализа отобрать те, которые в большей степени соответствуют предъявляемым требованиям. Непосредственным полем деятельности субъектов оперативно-аналитического обеспечения розыскной деятельности является использование методик диагностического анализа конкретной криминальной ситуации, связанных с установлением и идентификацией объектов розыска, выявлением, предупреждением, раскрытием конкретных преступлений. Особая роль отводится методикам анализа сетей связей, среди которых — изучение связей, возникающих между изучаемыми объектами, анализ потоков событий. Отметим, что анализ взаимодействия в рамках применения сети связей — это пространственно-временной фактор, устанавливающий соотношения между лицами, предметами и другими объектами, которые не имеют между собой прямых связей и не относятся, на первый взгляд, к рассматриваемому деянию [9, с. 320]. При этом следует понимать, что в большинстве своем результаты анализа с применением данных методик будут носить ориентирующий, вероятностный характер.

Список литературы

1. Курносков Ю. В., Конотопов П. Ю. Аналитика. Методология, технология и организация информационно-аналитической работы. М., 2004.
2. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ : учеб. пособие. Киев, 2003.
3. Чурилов С. Н. Научные положения криминалистической методики в системе общей теории криминалистики // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 2.
4. Буряков Е. В. Розыскная деятельность оперативных подразделений : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2020.
5. Гребельский Д. В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. трудов. М., 1984.
6. Ракитов А. И. Системный анализ и аналитические исследования: руководство для профессиональных аналитиков / А. И. Ракитов, Д. А. Бондяев, И. Б. Романов, С. В. Егерев, А. Ю. Щербаков. М., 2009.
7. Исаков В. Б. Правовая аналитика : учеб. пособие для студентов старших курсов и слушателей магистратуры. М., 2014.
8. Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1977.
9. Дудкин А. Г. Установление причинно-следственных связей как доказательственно-значимой материальной информационной базы в ходе предварительного расследования при участии специалиста-криминалиста // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. М., 2002.

⁷ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Совершенствование российского законодательства о цифровых правах человека: публично-правовой аспект

В. Е. Мушаков, Омская академия МВД России
✉ mushakov.2018@mail.ru

В современных условиях цифровые технологии внедряются в общественные отношения, регулируемые нормами конституционного права. Это приводит к цифровизации способов реализации существующих конституционных прав и свобод человека, а также к появлению новых цифровых прав. В совокупности они изменяют концептуальные представления о правовом статусе личности. Автор исследует содержание понятия цифровых прав в его публично-правовом и частноправовом смыслах, определяет их виды и юридическую природу. На основании исследования российского законодательства, посвященного цифровым правам человека в их публично-правовом смысле, автором предлагаются изменения, направленные на его совершенствование.

Ключевые слова: цифровизация общества; цифровые права человека; Конституция Российской Федерации; правовой статус личности; право на забвение; право на защиту персональных данных; право на цифровую смерть; право на доступ к сети Интернет.

Improvement of the Russian Legislation on Digital Rights of Man: the Aspect of Public Law

V. E. Mushakov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ mushakov.2018@mail.ru

In modern conditions digital technologies are implemented into social relations regulated by norms of the constitutional law. This leads to digitalization of means of realization of the existing constitutional rights and freedoms of man and to the emergence of new digital rights. As a whole, they change the conceptual views on the legal status of an individual. The author explores the content of the concept of digital rights in its public law and private law senses, defines their types and legal nature. Based on the study of the Russian legislation devoted to digital rights of man in their public legal sense, the author proposes some changes aimed at its improvement.

Keywords: digitalization of society; digital rights of man; the Constitution of the Russian Federation; legal status of an individual; the right to be forgotten; the right to the protection of personal data; the right to digital death; the right to access to the Internet.

Под цифровизацией автор настоящего исследования понимает процесс внедрения цифровых технологий в жизнь общества. Под воздействием цифровизации меняются некогда традиционные методы и средства работы с информацией, включающей ее сбор, обработку, хранение, копирование, передачу, распространение и даже куплю-продажу. Например, каждый, кто использует современные гаджеты (смартфон, персональный компьютер, смарт-часы и др.), сеть Интернет, цифровые валюты, ощущают цифровые изменения общества.

Данный процесс является техническим, однако он затрагивает ту часть общественных отношений,

которая регулируется правовыми нормами. Так, в связи с цифровизацией общественных отношений изменяются способы реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Этот процесс следует именовать цифровизацией конституционных прав и свобод личности. Если ранее при посещении магазина покупатель оплачивал товары только путем наличных расчетов, то теперь, зачастую, применяются безналичные способы оплаты (с помощью банковских карт, бесконтактной оплаты смартфонами и онлайн-переводов денежных средств). В представленном примере видно, что цифровые технологии встроились в уже существующие общественные

отношения, в ходе которых реализуется гарантированное ч. 2 ст. 35 Конституции РФ право каждого владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом. Подобных примеров цифровизации отдельных конституционных прав и свобод человека и гражданина множество: трансформация права на информацию (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ) в сети Интернет, дистанционное электронное голосование как способ реализации активного избирательного права (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ), дистанционные образовательные технологии как новые методы реализации права каждого на образование (ч. 1 ст. 43 Конституции РФ) и др. Таким образом, цифровизация общественных отношений обретает свое юридическое измерение и подлежит соответствующей оценке со стороны законодателя.

Другим, не менее значимым для правового статуса личности, событием, подтверждающим факт цифровизации общественных отношений, являющихся объектом конституционно-правового регулирования, выступает появление так называемых цифровых прав человека. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин отметил, что «цифровизация социальной жизни привела к появлению так называемых цифровых прав... Цифровые права человека — это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации» [1].

Термин «цифровые права» активно используется как цивилистами, так и учеными-конституционалистами. В российском законодательстве первенство в закреплении термина «цифровые права» принадлежит гражданскому законодательству. С 18 марта 2019 г. в ГК РФ введена ст. 141¹ «Цифровые права»¹, где сказано, что под цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. По данному поводу высказался А. В. Нестеров: «Такое название связано с тем, что проектировщики закона пошли навстречу модному тренду цифровизации и, наверное, предусмотрительно переложили обязанности по определению информационной сущности „цифры“ на лиц, готовящих проекты законов по информационному праву...» [2, с. 12].

Таким образом, в российском законодательстве закреплено понятие цифровых прав в его частноправовом значении, а в науке конституционного права данное понятие имеет иное, публично-правовое значение. В науке конституционного права под цифровыми правами, как правило, понимают законодательно предусмотренные возможности конституционно-правового характера, не связанные с обязательственными правоотношениями, регулируемые нормами гражданского права. У цивилистов же цифровые права — это имущественные права и объекты гражданских прав. «Конечно, «цифровые права (digital rights) во всем мире понимаются в контексте прав человека и публичного права. Умудрившись внедрить это понятие в Гражданский кодекс, Россия вновь утвердилась в роли диссонатора континентальной правовой системы» [3, с. 141].

Несмотря на вышеуказанные понятийные противоречия, автор настоящей работы все же использует общеупотребительное в конституционной теории понятие «цифровые права», имеющее публично-правовое значение. Понятийный спор не стал препятствием для закрепления в российском законодательстве права на забвение и права на защиту персональных данных, которые в публично-правовом смысле являются цифровыми правами, но де-юре не названы таковыми.

Цифровые права человека — это субъективные притязания личности, возникшие в виртуальной среде и адресованные другим участникам цифровой коммуникации, а также в целом обществу и государству. Они выражены «в возможности субъекта иметь доступ к информации, электронным устройствам и коммуникационным сетям и совершать различные действия с ними» [4, с. 1028].

Цифровые права человека и конституционные права и свободы человека, подвергшиеся цифровизации, имеют различное содержание. Первые, в отличие от вторых, не встраиваются в уже существующие общественные отношения, а образуют новые, ранее неизвестные человечеству общественные отношения, складывающиеся внутри виртуального мира. Например, согласно ч. 1 ст. 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Федеральный закон № 149)² оператор поисковой системы, распространяющий в сети Интернет рекламу, направленную на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории РФ, по требованию гражданина (физического лица) обязан прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети

¹ О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 Части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Интернет, позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства РФ, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость. Данной нормой закреплено так называемое «право на забвение». Его реализация возможна только в виртуальной среде, так как поисковые запросы в интернет-браузере являются внутренними сетевыми механизмами. Право на забвение не существует в нецифровой среде. Следовательно, данное цифровое право не встраивается в существующие (невиртуальные общественные отношения), а создает новые в виде взаимодействия интернет-пользователя, оператора поисковой системы и (в ряде случаев) суда.

В нормах международного права, в зарубежном и российском законодательстве мы не встретим закрепленного каталога цифровых прав человека. Попытки составить полный их перечень предпринимаются российскими учеными-конституционалистами. В. В. Невинский к числу таких прав относит «право на доступ к электронной сети, право свободного общения и выражения мнения в сети, право на частную неприкосновенность и обеспечение защиты сетевого общения» [5, с. 26]. По мнению Н. В. Варламовой, наиболее часто среди цифровых прав называют «право на доступ к Интернету, право на защиту персональных данных и право на забвение (право на удаление)» [6, с. 13]. Э. В. Талапина выделяет право на доступ к Интернету, право на защиту персональных данных, а также «отпочковавшиеся» от него совершенно новые — право на «забвение» и право на «цифровую смерть» [7, с. 41]. Как видим, авторы выделяют разные виды цифровых прав, что говорит об отсутствии единого доктринального подхода по рассматриваемому вопросу.

По мнению автора, к числу цифровых прав (в публично-правовом смысле) относятся ранее нами упомянутое право на «забвение», право на защиту персональных, право на доступ к сети Интернет и право на «цифровую смерть». Из них к настоя-

щему моменту в российском законодательстве закреплено только два цифровых права: право на забвение и право на защиту персональных данных. Первое закреплено в ранее нами упомянутой ст. 10³ Федерального закона № 149. Относительно второго отметим, что в России действует Федеральный закон «О персональных данных»³. Конституционный Суд РФ расширяет его применение на цифровое пространство, что связано с обеспечением права на неприкосновенность частной жизни в современных технологических реалиях⁴. В информационном пространстве накапливается постоянно увеличивающийся массив персональных данных. Нередкие случаи их использования злоумышленниками привели к актуализации проблемы защиты персональных данных граждан в сети Интернет.

Вместе с тем остаются без внимания российского законодательства такие важнейшие цифровые права человека, как право на цифровую смерть и право на доступ к сети Интернет.

В обозримой перспективе общество столкнется с переизбытком не удаленных из социальных сетей аккаунтов лиц, умерших биологической смертью. Американскими учеными В. Штраусом и Н. Хоувом разработана теория, согласно которой лица, рожденные после 2000 г., относятся к так называемому поколению Z [8, с. 23]. Это поколение с ранних лет подключено к сети Интернет и много времени отводит на ведение личных виртуальных профилей. Следовательно, «поколение, для которого цифровое существование и передача собственных аккаунтов будет иметь принципиальное значение, только начало переступать рубеж совершеннолетия и в массовом порядке не интересуется правовой судьбой собственного цифрового пространства после наступления их смерти» [9, с. 363]. Принимая во внимание данное соображение, право на «цифровую смерть» выступает юридической возможностью будущего. Его суть состоит в подаче заявления администратору социальной сети или сервиса с приложением требуемых документов, удостоверяющих смерть владельца аккаунта. Процедура заканчивается удалением виртуального профиля умершего лица и, при необходимости, передачей близким родственникам хранившихся на нем сведений.

Существующее законодательство не регулирует цифровые данные, оставшиеся после смерти.

³ О персональных данных : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова : постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» : постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако официального уточнения потребуют следующие вопросы: что делать с переизбытком виртуальных аккаунтов умерших лиц; что оставляет человек в виртуальном пространстве после смерти; является ли это объектом права и как им распорядиться; оцифрованная личность должна получить виртуальную возможность существования либо ее следует нейтрализовать после физической смерти ее обладателя. В обозримом будущем эти и многие другие проблемы еще предстоит разрешить законодательными мерами. На наш взгляд, данные вопросы в большей степени относятся к объекту гражданско-правового, а не информационно-правового или конституционно-правового регулирования, так как аккаунты из социальных сетей составляют результаты интеллектуальной деятельности (по смыслу Части 4 ГК РФ). Так, в постановлении Суда по интеллектуальным правам аккаунт из социальной сети «ВКонтакте» рассматривается как составное произведение (программа ЭВМ и самостоятельные материалы)⁵. Однако на законодательном уровне данный вопрос все еще не урегулирован. На практике вопросы распоряжения аккаунтами социальных сетей после смерти их верифицированных владельцев разрешаются на основе пользовательских соглашений самой социальной сети (уровень саморегулирования сети Интернет) и судом в порядке гражданского судопроизводства (в редких случаях).

Базовый характер для конституционных прав и свобод человека, подвергшихся цифровизации, а также всех рассмотренных выше цифровых прав, имеет право на доступ к сети Интернет. Как отмечает Н. В. Варламова, «Право на доступ к интернету является базовым, поскольку все иные цифровые права производны от использования интернета» [6, с. 23]. Сеть Интернет в настоящий момент выступает необходимым условием для получения подавляющего объема информации. Сегодня претворение в жизнь положений ч. 4 ст. 29 Конституции РФ о праве каждого на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации любым законным способом возможно только при использовании интернета.

Право на доступ к данной сети выражает притязания личности на беспрепятственный доступ к информационной сети как к инструменту, служащему для реализации ряда конституционных прав. Не случайно в таком контексте данное право де-юре признается на международном уровне⁶, а также в ряде отдельных государств (Греция, Коста-Рика, Франция, Эстония и др.) [10, с. 114]. Например, в ч. 6 ст. 35 Конституции Португалии закрепляется: «Каждому гарантируется свободный доступ к информационным сетям общественного пользования»⁷.

В Российской Федерации доступ к сети Интернет рассматривается в рамках законодательства о связи⁸ и гражданско-правовых отношений (гл. 39 «Возмездное оказание услуг» ГК РФ). Однако сеть Интернет как технология имеет не только гражданско-правовой, но и публично-правовой аспект. Например, в ч. 5 ст. 8 Федерального закона № 149 закреплено: «Государственные органы и органы местного самоуправления обязаны обеспечивать доступ, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети „Интернет“, к информации о своей деятельности...». В указанной норме закрепляется право на доступ к информации в сети Интернет, которая относится лишь к вопросам деятельности органов публичной власти, а не на доступ к самой цифровой технологии — сети Интернет.

От возможностей доступа к глобальной сети, беспрепятственно предоставляемого гражданам, зависит фактическая реализация отдельных конституционных прав. Для подтверждения сказанного приведем ряд примеров. В частности, конституционное право граждан РФ обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, гарантированное ст. 33 Конституции РФ, может быть реализовано посредством сети Интернет, о чем свидетельствуют положения ч. 5¹ ст. 11 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁹. При проведении выборов, референдумов по решению соответствующей избирательной комиссии, комиссии референдума может проводиться дистанционное

⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 7 марта 2014 г. № С01-114/2014 по делу № А56-58781/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

⁶ Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/17/27> (дата обращения: 04.03.2022); Об универсальных услугах и правах пользователей в отношении сетей электронных коммуникаций и услуг: директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 7 марта 2002 г. № 2002/22/ЕС. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»; Дело «Ахмет Йилдырым (Ahmet Yildirim) против Турции» (жалоба № 3111/10): постановление Европейского Суда по правам человека от 18 декабря 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Конституция Португальской Республики от 25 апреля 1974 г. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).

⁸ О связи: федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

электронное голосование, при котором гражданин РФ реализует свое активное избирательное право посредством сети Интернет, что следует из положений ст. 64¹ Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Таким образом, оба примера свидетельствуют, что право на доступ к сети Интернет реализуется в рамках публично-правовых отношений, регулируемых источниками конституционного права. Без доступа к глобальной сети граждане ущемляются в реализации указанных конституционных прав.

В конституционной практике встречаются материалы, развивающие основные положения права на доступ к сети Интернет. Например, указание Конституционного Суда РФ на то, что гарантируемое ч. 4 ст. 29 Конституции РФ право на информацию в полной мере относится к любой информации, в том числе размещаемой в сети Интернет¹⁰, позволяет автору сделать вывод о реализации положений указанной нормы через сеть интернет.

Кроме того, обладание правом на доступ к сети Интернет является правовым условием преодоления проблемы так называемого «цифрового разрыва». Последний выступает разновидностью социального неравенства (наряду с его традиционными формами: экономической, расовой, гендерной и др.) и состоит в ограничении возможностей отдельных индивидов, социальных групп вследствие отсутствия у них доступа к современным средствам коммуникации. «Лица, лишённые доступа к сети „Интернет“, информационно ограничены и ущемлены в современных финансово-кредитных, образовательных, культурных, демократических и некоторых других возможностях» [11, с. 69]. Проблема цифрового разрыва признана крупнейшими международными организациями. Так, в рамках второй Всемирной встречи на высшем уровне Всемирного саммита по информационному обществу, проведенному еще в 2005 г. в Тунисе под эгидой ООН, была принята программа для информационного общества, где сказано, что «масштаб проблемы, связанной с преодолением „цифрового разрыва“ требует адекватных и устойчивых инвестиций в инфраструктуру ИКТ и услуги на базе ИКТ, а также создания потенциала и передачи технологии в течение многих предстоящих лет». Согласно отчету Международного союза электросвязи ООН «Измерение цифрового развития: факты и цифры 2021» 37% населения земного шара (2,9 миллиарда человек) до сих пор никогда не пользовались Интернетом¹¹.

Конституционной основой преодоления проблемы цифрового разрыва выступает положение ч. 2 ст. 19 Конституции РФ: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». В современных условиях государство должно гарантировать для всех лиц равные возможности беспрепятственного доступа к сети Интернет независимо от пола, расы, национальности, убеждений и иных вышеперечисленных обстоятельств.

Полагаем, что законодательное закрепление данного права будет способствовать решению проблемы цифрового разрыва. Вместе с тем от государства требуется принятие ряда мер социально-экономического характера, направленных на улучшение уровня жизни населения (для финансовой доступности услуг связи), обеспечение сетевой инфраструктуры на отдаленных, труднодоступных территориях РФ и любых других территориях, где имеются проблемы с интернет-соединением. Также разрешению подлежит проблема низкой цифровой грамотности, особенно среди российских граждан пожилого возраста.

Юридически предусмотренное право на доступ к глобальной сети позволит человеку чувствовать себя защищенным в цифровых коммуникациях и иметь необходимую правовую основу для представления своих законных интересов в суде. Особая актуальность юридизации исследуемого права обусловлена тем, что доступ к сети Интернет важен для лиц, работающих в виртуальной среде (владельцы веб-сайтов, IT-специалисты, специалисты в сфере интернет-рекламы и др.), а также лиц, извлекающих из нее коммерческую выгоду (владельцы прибыльных аккаунтов социальных сетей, блогеры и иные медийные лица).

На основании представленной выше аргументации предлагается ч. 1 ст. 8 Федерального закона № 149 дополнить пунктом 1¹ следующего содержания: «Каждый имеет право на беспрепятственный доступ к информационно-телекоммуникационным сетям, в том числе сети Интернет, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения,

¹⁰ По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова : постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

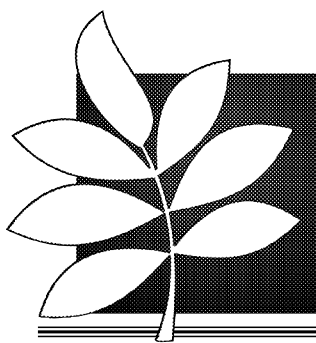
¹¹ *Measuring digital development: Facts and figures 2021*. URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/facts-figures-2021/> (дата обращения: 12.05.2022).

имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Ограничение права на доступ к информационно-телекоммуникационным сетям, в том числе сети Интернет, возможно при соблюдении требований, установленных законодательством Российской Федерации». Данные изменения направлены на совершенствование правового статуса человека в той части, где реализация его прав и свобод в публично-правовых отношениях, охраняемых Конституцией РФ, зависит от возможностей доступа к сети Интернет. Цифровые права человека по своей сущности образуют новые общественные

отношения, складывающиеся в виртуальном пространстве. На этом основании цифровые права человека отграничиваются от конституционных прав и свобод человека, подвергшихся цифровизации. Виды цифровых прав не определены в международном праве и российском внутригосударственном праве. Ученые-конституционалисты выделяют такие цифровые права, как право на «забвение», право на доступ к сети Интернет, право на защиту персональных данных и право на «цифровую смерть». Предложенные автором изменения в Федеральный закон № 149, направлены на совершенствование правового статуса личности в условиях цифровизации общества.

Список литературы

1. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая.
2. Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1.
3. Талапина Э. В., Антопольский А. А., Монахов В. В. Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект : монография / отв. ред. Э. В. Талапина. М., 2021.
4. Жемеров В. В. Цифровые права человека: теоретические и практические проблемы // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4.
5. Невинский В. В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10.
6. Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 4.
7. Талапина Э. В. Права человека в Интернете // Журнал российского права. 2019. № 2.
8. Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1(1).
9. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / под ред. А. А. Васильева. Барнаул, 2020.
10. Хуснутдинов А. И. Право на доступ в Интернет — новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4.
11. Мушаков В. Е. Конституционные права человека в контексте проблемы преодоления цифрового разрыва // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(93).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФИЛОСОФСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL TOOLKIT

УДК 303.4 © А. Л. Анисин, Л. В. Денисова, 2022
DOI: 10.24412/1999-625X-2022-487-352-359

Методологический стандарт в методологическом арсенале науки

А. Л. Анисин, Академия управления МВД России

✉ anisin@bk.ru

Л. В. Денисова, Академия управления МВД России

✉ lvladilen@yandex.ru

Статья посвящена вопросу выработки методологической стратегии, адекватной предметной области научных исследований, проводимых в социально-гуманитарных науках. Ставится цель: раскрыть особенности стандартизации научных методов, используемых в социально-гуманитарных исследованиях. Предпосылками применения научных методов являются ясное понимание объекта и предмета научного исследования как такового, его целей и задач. Содержательно раскрыто требование применения научного метода, обусловленного предметной спецификой исследования. В методологическом арсенале науки выделено несколько уровней и обосновано понятие «методологический стандарт». Дано определение методологического стандарта как основы выработки и применения научных методов в определенной отрасли наук, обусловленной особенностями ее предметного поля. Раскрыто понятие метода как набора правил, регулирующих все этапы научного процесса. Прояснены принципы классификации научных методов «по горизонтали» и «по вертикали». Определена роль теоретических форм научного знания и место общелогических процедур в методологическом арсенале науки.

Ключевые слова: методология; метод; методологические правила; методологический стандарт; объект исследования; предмет исследования; гипотеза; теория.

Methodological Standard in the Methodological Toolkit for Science

A. L. Anisin, the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ anisin@bk.ru

L. V. Denisova, the Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs

✉ lvladilen@yandex.ru

The article deals with the issue of developing the methodological strategy adequate to the area of the scientific studies carried out in the field of humanities and social sciences. The authors set the purpose: to reveal the features of standardization of scientific methods used in humanities and social studies. The prerequisites of using scientific methods are clear understanding of the object and the subject-matter of the scientific study as such and its objectives and tasks. The requirement to apply the scientific method determined by the subject specifics of the study is substantially revealed. The authors specify several levels

and substantiate the concept of “methodological standard” in the methodological toolkit for science. The definition of the methodological standard as the basis for development and application of scientific methods in a certain branch of sciences determined by features of its subject area is formulated. The concept of the method as a set of rules regulating all the stages of the scientific process is revealed. The paper clarifies the principles of classification of scientific methods “horizontally” and “vertically” and establishes the role of theoretical forms of scientific knowledge and the place of general logical procedures in the methodological toolkit for science.

Keywords: methodology; method; methodological rules; methodological standard; the object of study; the subject-matter of study; hypothesis; theory.

Вопросы методологии в ходе проведения научных исследований были и остаются актуальной темой. С одной стороны, вопрос выбора метода давно уже обсудили как в истории философии (вспомним Р. Декарта и его «Рассуждение о методе»), так и в частных науках. Несмотря на то что начинающие научно-педагогические работники сдают кандидатский экзамен по дисциплине «История и философия науки», а в некоторых случаях изучают в аспирантуре и адъюнктуре специальный учебный предмет, посвященный проблемам методологии, ясности с применением этих знаний нет. И если в естествознании, как правило, на эмпирическом уровне уже давно произошла стандартизация процедур наблюдения и проведения эксперимента, а на теоретическом уровне используются соответствующие дисциплинарной специфике исследовательские программы, то в гуманитарных науках к вопросам методологии сохраняется достаточно свободное и творческое отношение. Так, выборочный анализ авторефератов цивилистических кандидатских диссертаций, проведенный О. А. Кузнецовой, показал, что в текстах 100 авторефератов упоминаются 64 (!) различных метода исследования. «Можно предположить, — констатирует автор, — что ученые-методологи будут крайне удивлены тому обстоятельству, что в частной науке гражданского права используется такое многообразие исследовательских методов» [1, с. 255–256]. Проведенное нами выборочное исследование авторефератов диссертаций по другим юридическим специальностям показало подобные результаты, что, на наш взгляд, обнаруживает следующую проблему. Методология представляет собой знание, в котором наблюдается тенденция к стандартизации, и это обусловлено природой метода. Э. Г. Юдин, отмечая рост методологических исследований в науке XX в., еще в 70-е гг. прошлого столетия писал: «В условиях современной научно-технической революции занятия наукой превращаются в массовую профессию, а это требует детализированной регламентации труда исследователей на различных уровнях, чтобы обеспечить стандартную форму представления научного результата» [2, с. 34]. Стандартизация представления научных результатов, по сути, уже состоялась, этому

способствовали как государственные нормативные требования, сопутствующие процессу присуждения ученых степеней, так и унифицированные требования научных изданий, включенных в этот процесс. Но возможна ли стандартизация метода? И если да, то на каких основаниях она должна строиться? Представителями гуманитарного знания вопросы стандартизации всегда воспринимались неодобрительно, это обусловлено самой природой наук, изучающих уникальные культурные явления. В то же время размышления над статусом научности знания подводит к этим неудобным вопросам.

Начало формирования научного подхода к миру и становление современной технической цивилизации вызвано принципиальным изменением мировоззренческих установок европейского человека, которое произошло при переходе к Новому времени. При этом понятие методологии, несомненно, имеет, с одной стороны, глубокие корни в древнегреческой мысли, а с другой — принадлежит к наиболее важным идеям новоевропейской науки, которая радикально отличается от всех предшествующих форм знания. Можно сказать, что именно особый *методологизм* отличает научное знание, сложившееся в XVI–XVII вв., от любых иных форм и видов человеческого знания, и именно тема *метода* лежит у истоков формирования современной научной рациональности.

Слово «методология» имеет греческие корни и восходит к словам $\mu\epsilon\theta\omicron\delta\omicron\varsigma$ и $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ (формально можно перевести на русский язык как «учение о методе»). Однако нелишне будет напомнить о том, что слово $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ имеет очень широкий спектр значений: «слово, речь, изречение, разговор, беседа, условие, предлог, договор, рассказ устный (молва, предание, слава) и рассказ писанный (историческое повествование), отдельная часть сочинения (книга, глава), положение, определение, учение, дело, счет, отсчет, расчет, ожидание, число, соотношение, пропорция, соразмерность, значимость, вес, внимание, забота, понимание, разум, разумное основание, причина, рассуждение, мнение, предположение, понятие, смысл» [3, стб. 766–768]. Конечно, не все перечисленные значения имеют прямое отношение к слову «методология», но для продвижения к настоящему

пониманию этого слова иметь в виду обозначенное смысловое богатство «логоса» необходимо. Таким образом, методология — это размышление и рассуждение о методе, нацеленное на его понимание, определение и расчет, на его разумное обоснование через раскрытие внутренней соразмерности, смысла, веса и значимости для правильной организации дела, а также ясное словесное выражение всего этого в последовательном учении о методе.

Что же такое «метод»? Согласно словарю, слово *μεθoδoς* содержит приставку *μεθ'* (*μετα*), имеющую смысл следования во времени и пространстве («после, вслед»), и корень *oδoς* — «дорога, путь, способ, средство». Буквально слово *μεθoδoς* означает «путь вслед за чем-то» и используется в языке в значении «исследование, способ изучения», а впоследствии — «наука» [3, стб. 788, 799–800, 864]. Тот факт, что слово «метод» в позднем (эллинистическом) греческом языке обозначает любые занятия наукой вообще, еще раз иллюстрирует высказанную выше мысль об особой значимости методологизма и метода в рамках современной научной рациональности.

Итак, «метод» означает следование по определенному пути, путь вслед за чем-то. Эта деятельность также называется *исследование*.

Метод как путь познания означает, во-первых, *следование вещам, следование логике мира*: ученый должен следовать туда, куда ведет его та реальность, с которой он имеет дело.

Во-вторых, метод означает *следование определенной процедуре*: ученый имеет выработанные приемы обращения с изучаемой реальностью, которые обеспечивают исследованию достоверность.

Третий аспект значения этого слова связывает названные два значения: метод — это *следование своему познавательному интересу*; ученый не просто отдается течению вещей и событий, он всегда выделяет в этом течении нечто интересующее его, внимание его всегда предметно и активно, оно направляется определенными вопросами и поиском на них ответа.

Именно исходя из познавательного интереса для этой деятельности вырабатываются определенные процедуры познания, составляющие методологический арсенал науки. В нем необходимо различать следующие уровни.

1. Методика — практическая инструкция, пошаговый алгоритм действий, необходимых для получения искомого результата (например, методика составления анкеты, методика формирования квотной выборки).

2. Метод — определенный, теоретически обоснованный способ познания (например, метод эксперимента, метод опроса, герменевтический метод).

3. Методологический стандарт — совокупность методов, вырабатываемых на теоретическом уровне

фундаментальной науки и применяемых при изучении определенного класса явлений. Например, в социальных науках конца XX столетия стандартной процедурой становится проведение опросов населения на основе канонов и правил проведения конкретного социологического исследования.

В формировании методологического стандарта большую роль играют установки как основания науки. Установка на получение объективного знания о социальной реальности привела в социологии к разработке методов опроса и метода анализа документов, которые постепенно стали базовыми для всех наук, изучающих различные социальные явления. Эти методы были стандартизированы, а их применение выступает в настоящее время своеобразным каноническим и непременным условием научности исследовательской деятельности. Аналогичные процессы наблюдались в истории естествознания, когда в качестве образца исследовательской практики использовался метод эксперимента, а его применение стало рассматриваться в качестве необходимого условия получения научного результата. Таким образом, методологический стандарт не только задает набор методов, которые можно использовать в изучении соответствующего класса явлений, но включает общее представление об условиях и способах применения этих методов.

Обозначенные выше три методологических уровня тесно связаны друг с другом. Формирование какого-либо исследовательского метода возможно только в рамках определенного методологического стандарта, т. е. общего подхода к проблематике и предметности научного исследования. При этом на основе одного методологического стандарта могут разрабатываться и применяться различные методы, которые связаны друг с другом и дополняют друг друга, но имеют познавательную значимость также и по отдельности.

Каждый научный метод реализуется через применение конкретных методик, которые имеют познавательную значимость не сами по себе, а только в контексте примененного метода. Иначе говоря, *метод* является способом познания и обеспечивает получение знания, тогда как *методика* — это только частная процедура, применяемая в рамках метода, обеспечивающая его корректность. *Методологический стандарт* (в обозначенном выше смысле) обеспечивает обоснование и согласованность одного или нескольких методов, применяемых в научном исследовании.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных методов исследования социальной реальности, нам требуется прояснить еще ряд моментов, раскрывающих содержание методологичности как базовой ценности научного познания, в частности, связь объекта, предмета и метода в науке.

Наука вообще и любое конкретное научное исследование начинаются с познавательной интенции, которая особым образом оформляется и порождает знание особого рода. Интенция (от лат. *intentio* — стремление) — это направленность сознания на предмет, устремленность разума, воли и чувства на активное освоение предмета. Человеческое сознание не сводится к пассивному отражению окружающего мира, оно всегда действует в режиме активного поиска и избирательного внимания, выделяя из бесконечной реальности то, что представляет для него интерес. Основой выделения предмета из окружающей действительности может быть интерес самого разного рода: потребительский (стремление удовлетворить потребность), эстетический (бескорыстное любовование предметом), прагматический (возможность как-то использовать предмет для дела) и так далее. Познавательный интерес занимает в этом ряду одно из первых мест, его роль в жизни человека, начиная с первых ее дней, чрезвычайно важна. Познание так или иначе вплетено в каждый момент человеческой деятельности. Чтобы эта познавательная интенция приобрела форму научного исследования, требуется большая подготовительная работа. Для постепенного перехода к научным формам познания потребовался долгий исторический путь человеческого разума, и от каждого человека, вступающего в область научных исследований, требуется серьезная интеллектуальная работа, чтобы его естественная любознательность и житейские наблюдения приобрели научный статус.

Наука предполагает определенную самоорганизацию и самодисциплину познающего разума. Чтобы быть научным, человеческое знание должно быть определенным образом отрефлектировано. Рефлексия (от лат. *reflexio* — обращение назад) — размышление, самонаблюдение, внутренняя сосредоточенность; форма теоретической деятельности, направленная на осмысление своих собственных действий, переживаний, внутреннего состояния.

Научная рефлексия начинается с трех вопросов. Какова область объективной реальности, которая затрагивается нашим познавательным интересом? Что именно нас в этой объективной реальности интересует? Как мы собираемся исследовать эту реальность? Ответ на первый вопрос дает характеристику объекта исследования, ответ на второй характеризует его предмет, а третий обращает нас к методологии. Объект и предмет научного исследования, как правило, осмысляются и определяются во взаимосвязи. В этом есть логика, однако нужно ясно понимать, что разница этих понятий никак не сводится к количественным моментам. Предметом исследования выступает конкретная сторона, аспект объекта, возможно, какие-либо признаки объекта, которые

можно изучить, мысленно абстрагируясь от объекта как целого.

Распространенной ошибкой является, например, мнение, что предмет — это часть объекта, которая подвергается исследованию. Признание такого мнения правильным означало бы, что есть такие части объекта исследования, которые исследованию не подвергаются, и тогда становится неясным, на каком основании эта объективная реальность (которой исследование не касается) включается в объект исследования. Следует оговориться, что термин «часть» здесь толкуется в значении отделяемой от целого фрагментарности, в то время как признаки, свойства или аспекты изучаемого явления этой характеристики не имеют, а потому, если мы частью назовем свойства или признаки объекта, то ошибки не произойдет.

Внутренняя логика познавательного интереса обуславливает глубокую связь объекта и предмета исследования, но в то же время — и их сущностное различие. Интерес, с одной стороны, всегда объективен, т. е. направлен на что-то внешнее, независимое от исследователя, имеющее свои собственные законы, а с другой стороны, всегда предметен, т. е. это именно человеческий интерес, выделяющий во внешней реальности то, что важно для исследователя.

Как уже было сказано, именно научная методология, совокупность определенных правил исследования делает науку наукой. Эти правила относятся ко всем этапам научного процесса.

1. Прежде всего научный метод — это общие правила работы с реальностью, которые обеспечивают научность процесса. Это то, что называется *научным подходом*.

2. Научный метод — это правила перевода первичной познавательной интенции в научную проблему. Здесь задается направление научного исследования, и существенную помощь начинающему ученому может оказать перечисление направлений научных исследований, данное в паспортах научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

3. Научный метод — это правила разработки и решения научной проблемы. Эти правила относятся как к сбору первичных данных, так и к способам их обработки, как к эмпирической стороне исследования, так и к теоретическим построениям.

4. Научный метод — это также и правила использования научных результатов. Это касается методологии практического использования достижений науки и методологии обеспечения научного прогресса. Правила, обеспечивающие прирост научного знания, — это важная часть научной методологии.

Специфика той предметной области, которая имеется в виду определенным направлением научных исследований, как уже было сказано, задает

конкретные методологические стандарты. Так, в социологии нацеленность на изучение общества как особой социальной реальности, представленной социальными фактами, социальным поведением, социальной структурой и социальной динамикой, привела к формированию особого социологического методологического стандарта, в рамках которого все различные социологические подходы и школы получают свое обоснование и системное единство друг с другом. В настоящее время можно говорить о целой группе социологических методов, применяемых не только в юридических отраслях, но и в социально-гуманитарных науках в целом [4; 5], — в этом случае их применение будет корректным только при соблюдении требований социологического методологического стандарта. Для социально-гуманитарных наук, связанных с изучением культурных явлений, существующих в форме текста, особое значение, вероятно, имеет методология, которая включает стандартизированные процедуры интерпретации текста. Эта методологическая традиция восходит к учению Ф. Шлейермахера о герменевтическом круге, находит свое развитие в выстраивании особой, герменевтической логики у В. Дильтея и получает новые трактовки в философии геттингенцев [6]. Как канонический свод правил этот стандарт пока не сформирован, однако разделение предметной области наук естественных (как наук о природе) и гуманитарных (как наук о духе или культуре) является исходным и, наверное, первым правилом этого стандарта.

Уже было сказано, что методологические стандарты науки тесно связаны с общими парадигмальными установками научной дисциплины на конкретном этапе ее развития. Именно соответствие деятельности ученого действующим в этой дисциплине методологическим стандартам обеспечивает научный статус получаемого знания, а несоответствие этим стандартам означает псевдонаучный характер деятельности. Выработка новых методологических стандартов при революционных изменениях в науке не означает, конечно, обретение псевдонаучной научной статуса, а означает в первую очередь качественное изменение научного знания и обретение им новых познавательных горизонтов. Так, в рамках классической новоевропейской науки естественнонаучный методологический стандарт рассматривался именно как универсальная и обязательная основа любой науки, а при дальнейшем развитии научного знания было осмыслено принципиальное своеобразие социально-гуманитарной методологии с ее собственными стандартами и методами, несводимыми к методам изучения природы [7].

До сих пор еще можно встретить убеждение, что только математически организованное знание можно считать научным, но это также отражает

особенности классического этапа развития науки, когда математические методы, действительно, входили в обязательный методологический стандарт. В настоящее время вряд ли возможно признать за ними этот статус: чтобы быть научным, знание во все не обязательно должно быть представлено в виде формул. Даже использование математических методик обработки результатов далеко не всегда означает применение математических *методов* в точном смысле слова, они часто выступают в качестве служебного элемента в рамках применения социологических, психологических, герменевтических, феноменологических и иных методов. В отличие от таких служебных методик, методы математической статистики, применяемые, например, в социологических исследованиях, являются полноценными методами научного исследования и они применимы к любым явлениям и процессам, в которых присутствуют случайные отклонения. Некоторые математические методы, например, метод математического моделирования, успешно применяются в таких социальных науках, как экономика и даже юриспруденция [8], однако иногда такие попытки заставляют сомневаться в их научной ценности [9], так как эти модели либо просто иллюстрируют и без того известное фактическое положение дел, либо представляют собой не относящиеся к реальным проблемам упражнения в написании формул и использовании математической терминологии.

Отдельного упоминания заслуживает проблема классификации методов. Наиболее распространенным является деление методов по степени общности на общенаучные и частнонаучные. Основанием деления здесь выступает возможность использования того или иного метода во всех науках или только в отдельных научных дисциплинах.

Еще одно основание классификации связано не со сферой применения метода, а с уровнем научного познания, которое в нем реализуется. Деление методов на общенаучные и частнонаучные — это деление «по горизонтали», по областям наук, но очень важным является деление методов «по вертикали». Научное познание осуществляется на двух уровнях: теоретическом и эмпирическом. Для этих уровней характерны свои специфические методы познания. К теоретическим методам обычно относят: идеализацию (метод построения идеальных типов); формализацию; теоретическое моделирование; мысленный эксперимент; методы логического и исторического анализа.

Многие теоретические методы относятся к общенаучным (идеализация, формализация, логический анализ), однако существуют теоретические методы, имеющие применение только в частных науках. Так, метод исторического анализа используется

в социально-гуманитарных науках как один из базовых теоретических методов, но в естественных и технических науках он применяется ограниченно.

Эмпирические методы также могут быть общенаучными и частнонаучными. Так, классические методы эмпирического исследования — наблюдение и эксперимент — считают общенаучными методами, хотя эксперимент в социально-гуманитарных науках поставить весьма проблематично. Эксперимент принципиально невозможен в исторической науке, изучающей события в их уникальности и неповторимости. Однако в социально-гуманитарных науках применяются, частные, характерные именно для этих наук методы эмпирического исследования. Это методы опроса, анализа документов и социометрия. Если первые два метода были разработаны исключительно в ходе развития социологии как науки, то третий связан с развитием пограничной и молодой научной дисциплины — социальной психологии.

Следует также обратить внимание на существование методов, которые нельзя однозначно назвать теоретическими либо эмпирическими. Они носят комплексный характер.

К комплексным методам, содержащим как теоретические, так и эмпирические процедуры, следует отнести гипотетико-дедуктивный метод, включающий теоретическую (конструирование гипотез) и эмпирическую (эмпирическое подтверждение или опровержение выдвинутой гипотезы) части.

Гипотеза представляет собой форму теоретического знания, в которой формулируется предположение, объясняющее факты, существенные признаки явлений или связи, возникающие между явлениями. Гипотетическое знание носит вероятностный, т. е. недостоверный характер, а потому нуждается в проверке. Проверка гипотезы имеет целью ее доказательство либо опровержение. В ходе доказательства выдвинутых гипотез одни из них признаются истинными положениями, другие видоизменяются, уточняются и конкретизируются, а третьи отбрасываются, принимая статус заблуждения (в том случае, если проверка дала отрицательный результат).

В современной методологии науки термин «гипотеза» употребляется в двух основных значениях: а) форма теоретического знания, характеризующаяся проблематичностью и недостоверностью; б) метод развития научного знания.

Как форма теоретического знания гипотеза имеет свою логическую структуру. Иногда ее представляют как разновидность недедуктивного умозаключения, посылки которого выступают ее основаниями и содержат, как правило, ограниченную информацию о фактах. В этом смысле можно говорить об умозаключении по типу неполной индукции, вывод в котором всегда проблематичен, но увеличение

объема сведений, составляющих основание гипотезы, может повышать степень ее вероятности.

В структуре гипотезы, кроме основания, выделяют также такой элемент, как формулировка гипотезы, которая выступает тем предполагаемым заключением, что выводится из посылок. Поэтому, если посмотреть на гипотезу как на умозаключение, то ее основание — это посылки, из которых выведено заключение. Это и будет формулировкой гипотезы. В исследовательской практике, независимо от отрасли науки, требуется соблюдать некоторые общие формальные условия, обеспечивающие научность гипотезы.

В науке часто принимаются две или более конкурирующие рабочие гипотезы, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Поскольку такие гипотезы несовместимы, то, по мнению А. Н. Уайтхеда, «наука стремится примирить их путем создания новой гипотезы с более широкой сферой применения. При этом выдвинутая новая гипотеза должна быть подвергнута критике с ее же собственной точки зрения» [10, с. 626]. Этот принцип развития научного знания был выдвинут и обоснован как принцип фальсификационизма в философии К. Поппера. «Если степень фальсифицируемости возрастает, то введение новой гипотезы действительно усиливает теорию: теперь система исключает и запрещает больше, чем раньше. То же самое можно сформулировать иначе. Введение вспомогательных гипотез всегда можно рассматривать как попытку построить новую систему, и эту новую систему нужно оценивать с точки зрения того, приводит ли она, будучи принятой, к реальному успеху в нашем познании мира» [11, с. 110–111].

Таким образом, гипотеза может существовать лишь до тех пор, пока она не противоречит достоверным данным опыта, в противном случае она не имеет смысла, превращаясь в фикцию. Гипотеза проверяется (верифицируется) соответствующими фактами, получая характер обоснованной научной теории. Гипотеза плодотворна, если может привести к новым знаниям и новым методам познания, к объяснению широкого круга явлений.

Говоря об отношении гипотез к опыту, можно выделить три их типа: а) гипотезы, возникающие непосредственно для объяснения опыта; б) гипотезы, в формировании которых опыт играет определенную, но не основную роль; в) гипотезы, которые возникают без участия опытных данных, в результате осмысления только имеющихся теорий. Однако во всех перечисленных случаях гипотеза обычно выступает в форме основной идеи проводимого исследования. Поэтому требование прояснить гипотезу исследования служит делу прояснения и осмысления концептуальной основы той работы, которую выполняет ученый.

Отдельного внимания заслуживают методы логического и исторического анализа.

Название «метод логического анализа» достаточно условно. Очевидно предполагается использование всех имеющихся в арсенале рационального мышления процедур применительно к идеализированным объектам, формам теоретического знания и к оформлению научных текстов. «Логику, — писал И. Кант, — можно рассматривать двояко: как логику или общего, или частного применения рассудка. Первая содержит безусловно необходимые правила мышления, без которых невозможно никакое применение рассудка, и поэтому исследует его, не обращая внимания на различия между предметами, которыми рассудок может заниматься. Логика частного применения рассудка содержит правила правильного мышления о предметах определенного рода. Первую можно назвать начальной логикой, а вторую — органом той или иной науки» [12, с. 155].

Часто под логическим анализом подразумевают общие логические процедуры, которые обладают таким характерным для теоретического исследования признаком, как определенная независимость от практики. Однако можно ли назвать их особыми и именно научными методами?

Процедуры анализа, синтеза, сравнения, абстрагирования, обобщения, образуют содержание человеческого мышления в самых разных познавательных ситуациях, начиная с обыденного мышления. На всех уровнях научного познания используются, конечно, эти средства, реализующие качество человека быть разумным существом. Они выступают основным средством хранения информации и служат для образования суждений научного характера, однако, по нашему мнению, научными методами в точном смысле не являются.

Индукция и дедукция в традиционной логике рассматриваются как логические операции, лежащие в основе рассуждений (умозаключений). В отличие от названных выше (анализ, синтез, сравнение), они являются более сложными процедурами, а их использование требует введения правил. Так, правила построения простейших форм дедуктивного умозаключения, состоящего из простых суждений, были исследованы еще Аристотелем. Они известны как правила построения простого категорического силлогизма.

Индуктивный вывод лежит в основе методов научной индукции, которые в XIX в. разработал английский философ Д. С. Милль и изложил в работе «Система логики силлогистической и индуктивной». Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования». Знаменитые «метод единственного сходства», «метод единственного различия», «метод сопутствующих изменений» и «метод

остатков», по мнению Д. С. Милля, позволяют осуществлять обработку эмпирических данных в науке. Следовательно, сами эти методы следует скорее отнести к эмпирическим, нежели к теоретическим.

Думается, что если уж и вести речь о средствах формально-логического мышления, применяемых в научном познании, то здесь принципиально важное значение имеют процедуры классификации и дефиниции, используемые для организации именно теоретического знания.

Что же касается метода исторического анализа, то ему присуща своя специфика в каждой социальной науке. Его трактовка имеет два варианта: интерналистский и экстерналистский. Первый отражают слова Карла Поппера, который пишет: «Среди многих методов один метод кажется мне достойным особого упоминания. Это — некоторый вариант ныне совершенно немодного исторического метода. Он состоит, попросту говоря, в выяснении того, что же думали и говорили по поводу рассматриваемой проблемы другие люди, почему они с ней столкнулись, как формулировали ее, как пытались ее решить» [11, с. 36–37]. Здесь использование метода исторического анализа предполагает, во-первых, обзор и аккумуляцию всего предшествующего знания по интересующей проблематике исследования. Во-вторых, это выяснение всех аргументов «за» и «против» тех позиций, которые сложились в науке по теме исследования. Однако, думается, что это ограниченный спектр возможностей исторического анализа. Действительный потенциал этого метода раскрывается в процедурах вскрытия всей полноты социокультурных особенностей развития объекта исследования. Исторический анализ предполагает исследование объекта в исторической динамике, в развитии и трансформации его свойств, связей и отношений.

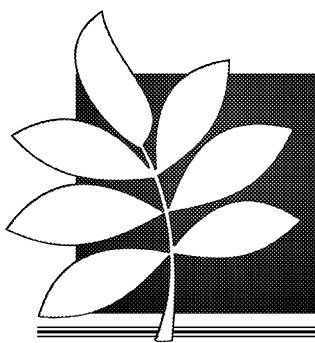
Подводя итоги, можно сказать, что стандартизация методологического инструментария, имеющегося в распоряжении ученого, является необходимым условием получения научного знания. Основанием для формирования методологических стандартов выступает научная теория. На основе общей теории выстраивается стратегия и целеполагание исследования. Теория служит основанием и главным ориентиром в организации научной работы и в этом смысле выполняет методологическую функцию. Теоретическое знание содержательно наполняет научно-исследовательские программы, ориентирующие на те или иные стандарты исследования. Особенно явственно эта функция проявляется в тех научных дисциплинах, где присутствуют конкурирующие парадигмы, поэтому уже с первых шагов в науке исследователь должен иметь представление о пестрой палитре полипарадигмальности, сложившейся в своей научной отрасли. Мы же

констатируем наличие методологического каркаса, формирующегося на этой основе: методологический стандарт, задающий набор методов, используемых в ходе решения исследовательской задачи, метод, характеризующий правила получения нового знания в определенных условиях, методика как алгоритм решения частных задач и изучения более

узких классов интересующих исследователя явлений и процессов. Этот каркас выступает следствием процессов стандартизации научных процедур и практик. Сохранение этого каркаса становится постоянной темой научной рефлексии, что способствует прояснению методологических норм, а также всей стратегии научного исследования.

Список литературы

1. Кузнецова О. А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 4(26).
2. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
3. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь / изд. 5-е. СПб., 1899.
4. Филимонов О. В., Передня Д. Г., Зуева О. В. Методология и техника социологического исследования процесса управления : учеб. пособие. М., 2021.
5. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995.
6. Кузнецов В. Г. Классическая и неклассическая герменевтика: преемственность и трансформации // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2010. № 3.
7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология: XX век. Антология. М., 1995.
8. Лобовиков В. О. Математическая логика естественного права и политической экономии (Математическая философия экономики и права). Екатеринбург, 2005.
9. Ольков С. Г. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. Тюмень, 2006.
10. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990.
11. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
12. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения : в 6 т. Т. 3. М., 1964.

УДК 130.2 © А. А. Морозов, 2022
DOI: 10.24412/1999-625X-2022-487-359-364

Православие в борьбе за традиционные ценности

А. А. Морозов, Омская академия МВД России
✉ moroz_may@mail.ru

В статье рассматривается роль православия в формировании дискурса традиционных ценностей в постсоветский период развития России, раскрывается его содержательная часть. Российское православие представлено через деятельность различных субъектов утверждения традиционных ценностей, среди которых отмечаются Русская Православная Церковь Московского патриархата, проправославные общественные организации, православные верующие. Во многом формирование представлений о традиционных ценностях происходит на основе противостояния ценностям западного либерализма и глобализма. В настоящее время можно утверждать, что подобные представления в современной России приобретают значимую роль в общественной и политической жизни страны, а также становятся основанием формирования определенного типа человека.

Ключевые слова: традиционные ценности; православие; традиция; патриотизм; идентичность; религия.

Orthodoxy in Fight for Traditional Values

A. A. Morozov, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
✉ moroz_may@mail.ru

The paper dwells on the role of Orthodoxy in the formation of the discourse of traditional values during the post-Soviet period of Russia's development and reveals its content. The Russian Orthodoxy is presented in the activities of various subjects of establishing traditional values, among which are the Russian Orthodox Church of Moscow Patriarchate, pro-orthodox social organizations, Orthodox Christians. The visions of traditional values are largely formed on the basis of opposition to the values of Western liberalism and globalism. At present it can be argued that such views in modern Russia acquire a significant role in social and political life of the country and become the basis for formation of a certain type of person.

Keywords: traditional values; orthodoxy; tradition; patriotism; identity; religion.

Постсоветский период в истории России, начавшийся в декабре 1991 г. и завершившийся в феврале 2022 г., стал временем интенсивных поисков собственной идентичности, что было связано с кардинальным сломом политических, социально-

экономических и культурных оснований советского общества. Эти поиски велись в совершенно разных направлениях: от утверждений концепций либерализма разного толка до идей возвращения к патриархальному укладу Святой Руси средневекового

образца. Эти разнонаправленные поиски в итоге порождали противостояние различных общественных сил, которое приобретало разные формы идеологической конкуренции, взаимных обвинений и даже физических столкновений. Радикальное реформирование российского общества в 1990-х гг. в значительной мере проходило под лозунгами утверждения либеральных ценностей и отказа от тоталитарного прошлого. Россия активно интегрировалась в структуры глобального мира, объявляя о своей приверженности общечеловеческим ценностям, идеям гуманизма, концепции прав и свобод человека. Однако издержки преобразований оказались настолько существенными, что в глазах значительной части общества сами эти преобразования были скомпрометированы. Возникли настроения ressentimenta по самому широкому кругу вопросов. Нарастающее недовольство и скепсис стали вызывать вновь созданные экономические (свободный рынок, предпринимательство) и политические (выборы, политическая конкуренция) институты, культурное многообразие, массовая западная культура, принципы толерантности. Все это нередко связывалось с американской гегемонией, порождающей самые разнообразные угрозы.

На этом фоне с начала XXI в. усиливаются призывы к возвращению к традиционным ценностям. В России это стало одной из основных тенденций последних двух десятилетий. Активными субъектами в борьбе за традиционные ценности стали различные группы интеллектуалов, творческой интеллигенции, государственные структуры, религиозные сообщества. Одним из важнейших источников традиционалистских устремлений выступает религия, в частности, те религии, которые в России принято называть традиционными (православие, ислам, буддизм, иудаизм). Но справедливости ради следует признать, что подавляющее большинство религиозных объединений явно высказывают свою приверженность традиционным ценностям. Своего рода флагманом борьбы за традиционные ценности стала Русская Православная Церковь Московского патриархата (далее — РПЦ). Она явно претендует на лидерство в «партии» традиционалистов. При этом она апеллирует к тезису о том, что религия — это естественный источник традиции. Еще в 2005 г. епископ Иларион (Алфеев) отмечал, что «только религия сегодня последовательно сопротивляется отчаянному натиску глобализма, вступая в неравный бой на защиту тех ценностей, которые она считает основополагающими...» [1, с. 270]. С одной стороны баррикад он видит приверженцев религиозных идеалов, с другой — сторонников секулярного гуманизма.

Генерирование традиций происходит разными путями. Во-первых, через обращение к историче-

скому или культурному опыту, который признается позитивным в силу того, что помогает укреплять собственно традиционные ценности. Среди них особое место занимают семья и патриотизм, воспринимаемые как естественные скрепы, которые всегда придавали устойчивость обществу, объединяли его. Во-вторых, как это ни парадоксально, традиция может быть результатом своего рода новации. Эрик Хосбаум рассматривает концепт «изобретенная традиция», которую он определяет как «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение» [2, с. 48]. Он отмечает, что такие традиции имеют фиктивную связь с историческим прошлым. Это означает, что фактически подобного рода практики отсутствовали в каком-либо обозримом прошлом. Они возникают как ответ на сложившуюся ситуацию, предполагающий решение реальной или воображаемой проблемы. Примером изобретенной традиции может служить появление в российском календаре Дня семьи, любви и верности, связанного с почитанием святых Петра и Февронии. Его появление не было случайным фактом. В нем акцентируется священный характер брака, нерасторжимого союза между мужчиной и женщиной, освященного церковным благословением и общей преданностью супругов вере в Бога. Праздник возник как альтернатива дню Святого Валентина, который ассоциируется с западными ценностями потребительства и свободных отношений (оставляем в стороне вопрос, насколько это справедливо). Такая изобретенная традиция призвана изменить сложившийся порядок вещей. Именно мощное воздействие западной культуры на сознание молодого поколения через средства массовой информации и средства массовой коммуникации стали поводом серьезного беспокойства, которое спровоцировало деятельность по утверждению традиционных ценностей. Эрик Хосбаум указывает, что «чаще всего традиция изобреталась в ходе радикального преобразования общества» [2, с. 51]. Необходимость возродить или изобретать традицию возникает именно тогда, когда ранее существовавшие жизненные формы подверглись эрозии, ушли или уходят в прошлое. И реакция консервативной части общества состоит как раз в том, чтобы сделать все возможное для сохранения традиционных ценностей и форм жизни.

Реанимация или изобретение традиции происходит в ответ на ситуацию, осмысляемую в качестве проблемной. Так, культивирование образа традиционной семьи диктуется, по мнению традициона-

листов, необходимостью противостоять движению ЛГБТ, крайностям феминизма, распространению свободных (неупорядоченных) сексуальных отношений. В данном случае традиционализм формируется в борьбе с западным либерализмом, который эмансипирует человека не только от прямого государственного влияния, но и от институтов семьи, брака, Церкви, а также существенно преобразует моральные представления.

В той же парадигме противостояния идеям глобализма формируется понимание патриотизма, объединяющего многонациональное и многоконфессиональное население в единый народ. РПЦ уделяет значительное внимание вопросам формирования патриотизма в своей культурно-просветительской, миссионерской, общественной сфере. Содержание понятия патриотизма включает несколько важных компонентов. В последние два десятилетия на первый план вышла тема защиты Отечества от внешних врагов, которые желали или желают гибели России или же покушаются на ее самобытность и духовные основания. Достаточно отчетливо проявляется милитарный характер патриотического воспитания молодого поколения. На первый план выступают примеры беззаветного служения Родине, готовность к жертвенному подвигу. Фигуры Александра Невского, Дмитрия Донского, Федора Ушакова, Александра Суворова стали яркими символами действенного патриотизма. Значимым символом такого рода патриотического сознания стало возведение Главного храма Вооруженных Сил Российской Федерации в Подмоскowie.

Вторая важная составляющая патриотического сознания — величие и слава Государства Российского. Церковь всегда подчеркивает важность прочного и стабильного государственного порядка для полноценного развития страны. Родина осмысливается в духе И. А. Ильина, который писал, что «государство, в его духовной сущности, есть не что иное, как родина, оформленная и объединенная публичным правом» [3, с. 290]. Кроме того, в РПЦ (среди духовенства, среди прихожан) остаются сильны мессианские настроения в духе концепции «Москва — Третий Рим». Воплощение истины и возможность спасения локализуется в русском православии, которое и становится вселенским центром. Патриарх Кирилл с трибуны проходивших в мае 2022 г. в Совете Федерации X Парламентских встреч призвал выстраивать будущее страны исходя из нашего исторического опыта, национальной духовной культуры и христианского наследия¹. Фактически он подводит своеобразный итог двадцатилетних

обсуждений. Традиционные ценности, основанные на глубоком патриотизме и исключительном опыте страны и православия, должны стать основой для последующего развития.

И наконец, еще одним важным компонентом православного патриотизма является акцентирование личности и определенной обособленности России в мире. Конечно, это прямо не исключает утверждение вселенского характера Русской Православной Церкви, что подкреплялось значительной ее активностью за рубежом, прежде всего в Европе, Америке, Африке. Однако это не препятствует отрицанию космополитизма как четкой мировоззренческой установки. В религиозном контексте особенно показательно выглядит позиция РПЦ в отношении экуменизма. Конечно, внутри православия все не так однозначно, как можно было представить. Однако основной тренд последних десятилетий связан с сокращением экуменического общения. Интересно отметить, что антиэкуменические настроения получают мощную поддержку снизу, от простых мирян и приходского духовенства. Показательна острая негативная реакция, которую вызвали встреча патриарха Кирилла с римским понтификом и подписание Гаванской декларации в 2016 г. Недовольство среди консервативных православных верующих проявлялось несколько недель в различных социальных сетях и многих приходах. Б. Кнорре и А. Засядько выделяют антиэкуменические аргументы, которые сложились в православном мире на протяжении XX–XXI вв.: расширение протестантского миссионерства среди православного населения; смешение добра и зла, истины и заблуждения, формирование индифферентности к вере и Богу; подмена веры в Бога верой в человека на основании гуманистической идеологии; решение экуменизмом сверхзадачи, поставленной тайными силами, строящими всемирное государство Антихриста [4, с. 280–283]. Эти аргументы получили развитие в русской православной среде в контексте идей противостояния Западу и борьбы за сохранение православной идентичности. Антиэкуменизм тесно связан с антиглобализмом, что создает подозрительность и опасения у их сторонников по отношению ко всему, что обусловлено западным влиянием, в том числе к демократическим ценностям современного государства. Как отмечают Б. Кнорре и А. Засядько, «антиглобалистски и имперски ориентированные противники экуменизма — это, как правило, монархисты, выступающие за самодержавную монархию или за ее более расширительное понимание как просто сильной центральной власти» [4, с. 287–288].

¹ Патриарх Кирилл предложил России обновленное понимание суверенитета URL. <http://www.interfax-religion.ru/?act=dujour&div=370> (дата обращения: 10.06.2022).

Все эти коннотации патриотизма формировали в православном сознании имперские идеи. Концепцию об особом призвании России и русского православия невозможно реализовать без возвращения к империи как особому качеству организации совместной жизни. А. Ф. Филиппов отмечает, что «очень часто в имперскую идею была также вплетена мысль о безграничности, именно о круге земель, быть может, временно и неподвластных, но в принципе включаемых в сферу перспективной экспансии и в этом отношении до конца исчерпывающих ее» [5, с. 60–61]. Это особого рода открытость мирового пространства. В религиозном плане это вовсе не означает военного экспансионизма, но означает перспективу торжества православия, подчеркивает ее вселенский характер. Так, православное общественное движение «Народный собор» в своем программном документе среди ценностей и идеалов русского народа называет державность, т. е. имперское устройство страны, как оптимальное для России, а всечеловечность, глобальную роль России в мире — как альтернативу Западу². В итоге эти идейные построения сегодня приобретают вполне конкретные очертания. Патриарх Кирилл заявляет о новой странице отечественной истории, о необходимости великих созидательных сил, чтобы «строить наше государство и общество на новых исторических основах и в новых исторических условиях»³. Но эти новые исторические основы не что иное как те самые традиционные ценности.

Среди традиционных ценностей, культивируемых в русском православии, особое место занимают подвиг и аскетизм. Они соответствуют мобилизационной модели развития, к которой тяготеет значительная часть православного общества. Это оправдывается тем, что общество потребления ведет к формированию особого отношения к жизни, основой которого является постоянное удовлетворение все возрастающих потребностей. Смысл жизни сводится к потреблению материальных благ и услуг. И даже серьезный сдвиг, произошедший в западных странах в последние 50 лет, от материалистических к постматериалистическим ценностям [6, с. 50–62], не убеждает в обратном. Тем более, что постматериалистические ценности имеют четко выраженный гуманистический характер и не возвращают нас к традиционным ценностям православия.

Подвиг в православном дискурсе представляется в качестве важной жизненной задачи, о чем

немало сказано в православной публицистике, выступлениях и проповедях церковных иерархов, докладах на научных конференциях. А неготовность к подвигу оценивается как своего рода несовершенство или даже испорченность человеческой натуры, проявление человеческого эгоизма. Конечно, речь идет далеко не только о военных подвигах, это и примеры подвижничества в мирской и церковной жизни.

Аскетизм представлен как значимый антипод безудержного стремления к материальному благополучию. Патриарх Кирилл неоднократно высказывался о том, что скромное благосостояние (бедность) русского народа в разные периоды его истории не только не препятствовали сохранению духовных ценностей, но и в какие-то моменты даже способствовали этому. Справедливости ради необходимо отметить значительный скепсис к подобного рода высказываниям, особенно у молодого поколения.

Традиция также может быть использована как орудие власти и политической борьбы, о чем очень глубоко и убедительно рассуждает С. Каспэ. Рассматривая модусы функционирования традиции в различных российских средах и стратах, он помещает консервативных православных в слой интеллигенции [7, с. 15–16]. Однако отметим, что некоторые религиозные организации представляют собой активных игроков, продвигающих идеи традиционализма. Но идеологический аспект для них не является самодостаточным. В функциональном плане активность религиозных организаций (и не только православных) направлена на то, чтобы воплотить в жизнь высказываемые идеи через давление на политические элиты и властные структуры. Они выступают своеобразными «лоббистами традиции». Со своей стороны политические элиты охотно используют традиции, так как «„традиционные ценности“ более конвенциональны, чем „ценности перемен“, а значит более эффективны как средство завоевания и удержания массовой поддержки и, следовательно, политической стабилизации» [7, с. 20]. С начала 2000-х гг. достижение общественной стабильности объявлено одним из политических приоритетов. Именно с этого момента происходит возрастание традиционалистской риторики, а также акцентирование антагонизма между российскими традиционными ценностями и так называемым западным влиянием.

Запрос на стабилизацию общественной жизни, ее предсказуемость и качественную определенность

² *Идеология*. 133 ответа «Народного собора» на вопросы, <http://www.narodsobor/ideologia/> (дата обращения: 02.07.2022).

³ *Патриарх Кирилл предложил России обновленное* <http://www.interfax-religion.ru/?act=dujour&div=370> (дата обращения: 10.06.2022).

наиболее задаваемые нашим сторонникам. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=dujour&div=370>

питает традиционалистские устремления, с одной стороны, и ослабляет модернизационную стратегию, с другой, так как постоянные общественные изменения делают жизнь менее предсказуемой, трансформируя экономическую и социальную структуру общества.

Общественно-политическая значимость традиции проявляет себя в непростых отношениях между отдельными общественными группами и государством. Своеобразная традиция со столетней историей — обращение с просьбами о защите к римскому понтифику — сложилась в Советской России и продолжила свое существование в постсоветский период [8]. Именно православные верующие в советский период писали такие письма. В частности, указывают на один из первых таких случаев — обращение к понтифику архиепископа Омского Сильвестра (Ольшевского) в начале 1919 г. [8, с. 174]. В условиях невозможности отстоять свои права перед произволом местных властей люди ищут внешний источник защиты. И находят символическую фигуру Папы Римского, обращение к которому должно привлечь внимание к проблеме, что предположительно окажет влияние на тех, кто эти права нарушает и игнорирует. Устойчивость этой традиции А. Беглов и Н. Беякова объясняют бессилием перед лицом власти, которое возникало сто лет назад и появляется и сейчас [8]. В более широком масштабе такой способ действий проявляется в обнародовании открытых писем, обращениях к Президенту во время прямых линий. Это своего рода стратегия бессилия, провоцируемая бездействием социальных институтов, призванных обеспечить реализацию прав и свобод человека, удовлетворение его базовых потребностей.

Следует признать, что в православии есть четкое осознание того, что борьба за традиционные ценности — это, в том числе, а может быть, главным образом, борьба за человека, за его мировоззрение, сознание, образ жизни. И утверждение традицион-

ных ценностей в качестве актуальной основы жизни личности и общества проблематизирует многие принципы, на которых выстраивалось общество модерна и продолжает развиваться постмодернистское общество. Одним из таких базовых принципов является плюрализм, признание права на многообразие, права выбора человеком собственной идентичности и образа жизни. Его последовательное воплощение имеет множество социальных, культурных, политических последствий, которые нередко остро воспринимаются и переживаются традиционалистами настроенными людьми, причем, не только в России [9]. Православные традиционалисты не случайно (и с их позиций — заслуженно) обрушивают свой гнев и недовольство, например, на «Гуманистический манифест 2000: призыв к новому планетарному гуманизму», написанный американским социальным философом и деятелем гуманистического движения Полом Курцем. Среди описанных в нем опасных тенденций называется упорная приверженность традиционным религиозным воззрениям, препятствование средствам регулирования рождаемости и эмансипации женщин. Напротив, провозглашается приверженность гуманистическим ценностям, науке, разуму, демократии, свободе в выборе образа жизни⁴. Очевидно, позиции традиционалистов и анти-традиционалистов оказываются несовместимыми по широкому кругу вопросов общественной жизни и самоопределения человека. В настоящее время напряжение между ними возрастает во многих странах мира, а результат противостояния оказывается различным.

Анализ современной российской реальности не дает оснований говорить о том, что та или иная жизненная стратегия безусловно доминирует. Однако он позволяет выдвинуть гипотезу о формировании традиционализма в новой российской реальности в качестве ведущего тренда, поддерживаемого не только традиционными религиями, но и государством.

Список литературы

1. *Епископ Иларион (Алфеев)*. Православное свидетельство в современном мире: Доклады, интервью, слова. СПб., 2006.
2. Хосбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1.
3. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М., 2003.
4. Кнорре Б., Засядько А. Православный антиэкуменизм 2.0: мобилизационная модель, секьюритизация и реваншизм // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(2).
5. Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Политическая наука. 2013. № 3.

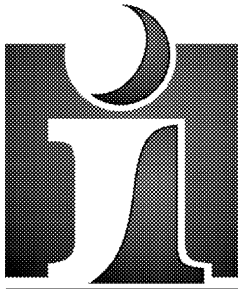
⁴ Гуманистический манифест 2000: призыв к новому планетарному гуманизму. URL: <https://www.gtmarket.ru/library/basis/5469/5473> (дата обращения: 02.07.2022).

6. *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М., 2018.

7. *Каспэ С.* В этом шкафу много скелетов: политическое использование традиции в современной России // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 1.

8. *Беглов А., Белякова Н.* Пишите хоть Папе Римскому : Письма верующих из СССР римскому понтифику: формирование и бытование традиции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(4).

9. *Лункин Р., Филатов С.* Международные отношения и война антитрадиционализма с идентитетом // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

— рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

— рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

— материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

— исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

— материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

— manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

— manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

— materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

— researches covering foreign scientific juridical thought;

— materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);

- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагаются авторская справка и цифровая или сканированная фотография автора (авторов). Размер изображения цифровых фотографий — 1024×768 точек или более, сканированных фотографий — 3×4 см, разрешение не менее 600 ppi.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)30-12-01 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных, включая фотографии, в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на веб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;

- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

Along with electronic versions of the papers digital or scanned photos of the authors should be sent. The size of the image in digital photos — 1024×768 pxi or larger, of scanned photos — 3×4 cm, with at least 600 ppi resolution.

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)30-12-01 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata including photos in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!

Сведения об авторах

Анисин Андрей Леонидович — доктор философских наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва)
E-mail: anisin@bk.ru

Бондарь Альберт Янович — старший преподаватель кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)
E-mail: alik260410@yahoo.com

Варлакова Татьяна Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Академии управления МВД России (г. Москва)
E-mail: vvt771@yandex.ru

Гоман Ольга Сергеевна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России
E-mail: beresh_olga@mail.ru

Денисова Любовь Владиленовна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва)
E-mail: lvladilen@yandex.ru

Дивольд Владимир Емельянович — начальник кафедры информационных технологий в деятельности ОВД Омской академии МВД России
E-mail: dve55@mail.ru

Кальницкий Владимир Васильевич — Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России
E-mail: kvv_oms07@mail.ru

Конюх Евгений Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент Института высокотехнологичного права и социально-гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники»
E-mail: djonson0877@yandex.ru

Куряхова Татьяна Владимировна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России
E-mail: kuryahova@mail.ru

Миргородская Эльвира Руслановна — адъюнкт адъюнктуры Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: mirgorodskaya1806@yandex.ru

Морозов Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России
E-mail: moroz_may@mail.ru

Мушаков Виталий Евгеньевич — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России
E-mail: mushakov.2018@mail.ru

Нечепуренко Алексей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, начальник редакционно-издательского отдела Омской академии МВД России
E-mail: nechepurenko_oma@mail.ru

Пономарев Сергей Борисович — Заслуженный врач Российской Федерации, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Москва)
E-mail: docmedsb@mail.ru

Сургутсков Вадим Игоревич — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России
E-mail: Surgutskov55@mail.ru

Теохаров Александр Константинович — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России
E-mail: teo_oma@mail.ru

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Противодействие правонарушающему поведению

- проблемы формирования общих условий предварительного расследования в нормах уголовно-процессуального законодательства
- применение понятия «повторность привлечения к административной ответственности» в сфере оборота оружия

Право и государство

- государство, право и религия
- промежуточные итоги реформы территориальных основ местного самоуправления в России

Философский и методологический инструментарий

- возрождая интерес к Нюрнбергским военным трибуналам
- future orientation как одно из направлений современных исследований будущего

а также

- фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие
общественный контроль и мониторинг в процессе противодействия коррупции
- другие материалы

